

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

У. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
А. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
М. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. З. ЗАКИЕВ

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И АФФИКСОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Грамматические труды А. Н. Самойловича показывают, что ученый стремился воссоздать целостную картину грамматической системы тюркских языков, основываясь на опубликованных в его время исследованиях по частным проблемам грамматики и собственных наблюдениях. Если при оценке данной системы А. Н. Самойловича соответственно современным научным требованиям и можно обнаружить в ней определенные проблемы¹, то объяснение этому следует искать прежде всего в отсутствии в то время стройного учения о грамматике в целом даже в общем языкознании и в неизученности многих частных, из которых, собственно, и складывается общая картина. Ф. Энгельс отмечает в «Анти-Дюринге», что для воссоздания общей картины явления необходимо изучать его отдельные стороны. «...Пока мы не знаем их, — пишет он, — нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д.»². В настоящее время в тюркологии такая работа в значительной степени уже проделана: опубликовано значительное число исследований, посвященных отдельным вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса. Поэтому актуальнейшей задачей современной тюркологии является установление реальной внутренней связи между изученными и

В настоящем номере журнал «Советская тюркология» продолжает публикацию материалов VI Тюркологической конференции в Ленинграде, проведенной Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР 5—7 июня с. г. (см. № 5 журнала «Советская тюркология» за 1973 год).

В номере помещаются также материалы VII Региональной конференции по диалектологии тюркских языков, проведенной совместно Институтым языкознания Академии наук СССР и Институтым языкознания Академии наук Казахской ССР в г. Алма-Ате 15—17 мая того же года. Материалы последней конференции помечены в заголовках звездочкой (*).

¹ См.: Ф. Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). — «Народы Азии и Африки», 1963, № 2, стр. 274.

Следует отметить, что ниже излагается в обобщенном виде точка зрения автора по теме статьи, частично изложенная им в его более ранних работах (см.: М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 83—84; его же. Татар теле морфологиясенз кереш. — В кн.: «Хазерге татар эдаби теле морфологиясе». Казан, 1972, стр. 5—19 и др.). Хотя авторская классификация частей речи и аффиксов во многом и не совпадает с известной классификацией А. Н. Самойловича, грамматические труды последнего укрепляют уверенность автора в плодотворности высказываемых им суждений.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 20, стр. 20.

познанными частностями и воссоздание на этой основе полной целостной картины тюркской грамматики. При этом не следует забывать предостережения А. Н. Самойловича о том, что «каждое наречие, каждый говор и подговор имеет свою собственную, природную грамматику, нельзя принимать какой-нибудь язык или какое-нибудь наречие на выбор за правильное, за образцовое и, основываясь на его грамматических формах, объявлять другие языки или наречия, или говоры неправильными и испорченными»³. Этой истиной ученые нередко пренебрегают при обобщении конкретного материала тюркской грамматики. Об этом говорит, например, широко распространенное утверждение, что в тюркских языках имя прилагательное якобы находится лишь на стадии формирования, ибо «сформировавшееся» прилагательное, с точки зрения сторонников этого мнения, должно обязательно соответствовать индоевропейской модели данной части речи. Подобного рода суждения высказываются и о существующей якобы недифференцированности прилагательных и наречий, неразвитости системы тюркских придаточных предложений и т. д. Все это результат того, что, воспроизводя целостную картину грамматической системы тюркских языков, тюркологи часто исходят из представлений о грамматической системе индоевропейских языков. В этой связи уместно напомнить замечание А. Н. Самойловича о том, что составление грамматики — это «воспроизведение и закрепление строя данного языка в том виде, в каком этот строй в действительности сам по себе от природы в данном языке и в данный момент существует»⁴.

А. Н. Самойлович, исходя из современного ему теоретического положения о том, что морфологические единицы служат для выражения определенного смысла (понятия) и для образования формы, предлагает следующую классификацию частей речи и аффиксов (по его терминологии, «неразложимых основ» и «приставок», «полуприставок»).

Части речи, по мнению ученого, состоят прежде всего из **именных** и **глагольных** основ и весьма ограниченного числа «основ служебного при первых двух с синтаксической точки зрения значения, входящих в грамматическую категорию **частиц**»⁵. Более подробная классификация этих трех неразложимых основ показана А. Н. Самойловичем в следующей таблице⁶:

Глаголы			Имена			Частицы		
чистый глагол	глагольные имена	деепричастия	местоимения	числительные	вообще имена	самостоятельные наречия и союзы	послелogi (в том числе наречия, союзы и междометия)	самостоятельные междометия

³ А. Н. Самойлович. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916, стр. 2.

⁴ Там же, стр. 3.

⁵ А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 31—32.

⁶ Там же, стр. 35.

Что касается классификации аффиксов, то она представлена А. Н. Самойловичем в другой таблице:

Приставки и полуприставки			
словообразовательные	глагольные	именные	частицы
словоизменительные		общие	

Как видно из последней таблицы, аффиксы, по мнению ученого, делятся прежде всего на две основные группы: словообразовательные и словоизменительные. Определение первой группы, то есть словообразовательных аффиксов, в своей основе вполне соответствует современным требованиям. Что касается словоизменительных аффиксов, то А. Н. Самойлович считает, что при их помощи «от неразложимых или разложимых основ-слов образуются различные грамматические формы (спряжения, склонения и пр.), уточняющие их отношение к другим словам в грамматическом предложении»⁷. Таким образом, по мнению А. Н. Самойловича, словоизменительные аффиксы выражают отношение лишь между словами в предложении. Однако в настоящее время доказано, что в любом тюркском языке имеются также аффиксы, выражающие отношение говорящего к действительности, то есть модальные отношения, например, аффиксы наклонений, субъективной оценки и т. д.

Классификация частей речи в настоящее время несколько отличается от предложенной А. Н. Самойловичем.

Глагольные имена и деепричастия рассматриваются теперь лишь в составе глагола, в общую систему они не включаются. Прилагательные рассматриваются не в составе имени существительного, а как самостоятельная часть речи и т. д. Словом, несмотря на имеющиеся расхождения во взглядах на части речи, общепризнанной в настоящее время считается классификация, предложенная Ф. Г. Исхаковым, согласно которой «весь словарный состав современных тюркских языков можно разделить на следующие основные четыре группы: 1. Знаменательные слова, куда входят все так называемые знаменательные или основные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие. 2. Служебные слова, куда входят союзы, послелоги и служебные имена. 3. Модальные слова и частицы. 4. Междометия и звукоподражательные слова»⁸.

В грамматических трудах, посвященных некоторым тюркским языкам, частицы и даже модальные слова отнесены к словам служебным.

Что касается классификации аффиксов, то она со времен А. Н. Самойловича не претерпела существенных изменений. Укоренилось мнение (между прочим, не только в тюркологии, но и в общем языкознании), что назначение всех аффиксов, за исключением словообразовательных, сводится к образованию различных форм слова. Иными словами, при помощи этих суффиксов якобы сначала образуются из определенных слов их соответствующие формы, которые затем уже вводятся в готовом виде в речь. В последние годы в некоторых тюркских

⁷ А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, стр. 32.

⁸ Ф. Г. Исхаков. Лексико-грамматическая классификация слов, или части речи. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 76—77.

языках, например в татарском, стали различать кроме словообразовательных и словоизменительных аффиксов еще разрядообразовательные. При этом, по-видимому, исходят из того, что поскольку имеются аффиксы, образующие отдельные слова — части речи, например глагол, должны быть и аффиксы, образующие отдельные разряды той или иной части речи, например деепричастие.

К сожалению, в существующих классификациях морфологических единиц часто не учитывается самое главное — то, что эти единицы существуют для образования речи. Следовательно, любая морфологическая классификация не может быть признана удовлетворительной, если она не учитывает указанного назначения морфологических единиц. Здесь уместно привести замечание А. Н. Самойловича о том, что «отдельные слова и формы обнаруживают свой смысл во всей полноте только в синтаксическом сочетании, поэтому синтаксис занимает в языке положение „первого среди равных“»⁹.

В настоящее время общепризнанно, что речь характеризуется двумя конструктивными качествами: во-первых, она передает определенную информацию собеседнику (читателю) и, во-вторых, в речи всегда выражается отношение говорящего к реальной действительности (собеседнику, содержанию речи, самому себе, речевой ситуации и т. п.).

Способность речи сообщать что-то называется ее предикативностью, а способность речи выражать отношение говорящего к реальной действительности — модальностью. Нет речи без предикативности и модальности, как нет предикативности и модальности без речи. Между предикативностью и модальностью, в свою очередь, существует точно такая же взаимосвязь.

Если исходить из этого теоретического положения, то придется также признать, что при изучении любой единицы языка в первую очередь должны быть раскрыты роль и значение ее в речи, то есть в выражении предикативности и модальности.

Для сообщения определенной мысли необходимо обозначить составляющие ее понятия словами, соединив их при помощи определенных средств в предложение; при этом обязательно будет выражено отношение говорящего к действительности. С этой точки зрения морфологические единицы можно разделить на следующие три группы: 1) единицы, выражающие определенные понятия, из которых складывается мысль; 2) единицы, выражающие отношение говорящего к действительности; 3) единицы, осуществляющие связь между словами, составляющими предложение.

Остановимся вначале на классификации частей речи в зависимости от их роли в образовании речи.

К первой группе относятся прежде всего так называемые знаменательные слова: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие. К ним же мы относим и звукоподражательные слова, которые, как и вышеназванные части речи, выражают понятия, являющиеся отражением реальной действительности в сознании человека. Они отличаются от первых только тем, что по своему звуковому составу приближаются к акустическим проявлениям обозначаемых ими явлений.

Из понятий, обозначенных этими частями речи, складывается мысль, которая в действительности существует и реализуется (доводится до собеседника) в форме предложения, в котором наличие предикативного отношения, или предикативности, является строго обязательным. При

⁹ А. Н. Самойлович. Опыт краткой крымско-татарской грамматики, стр. 92.

этом также могут быть выражены дополнительные, конкретизирующие отношения, ибо при сообщении мысли, то есть при реализации предикативности, понятие, как правило, вводится в конкретизированном виде. Например, мы сообщаем обычно не просто о доме, а о большом доме; о доме, который строится на такой-то улице; о доме, в котором мы живем, и т. д. Или сообщаем не просто о поездке, а говорим о хорошей поездке, о поездке, которая осталась в памяти надолго, и т. д. Таким образом, части речи, относящиеся к первой группе, служат для выражения понятий, являющихся отражением в нашем сознании существующих вне нас явлений. Из таких понятий строится мысль, которая в форме предложения передается говорящим в определенных реальных условиях, причем человек при сообщении мысли не может не выражать своего отношения к действительности (модальное отношение).

Ко второй группе относятся единицы, придающие словам первой группы при их употреблении в речи необходимое модальное значение. Сюда относятся модальные слова, междометия и частицы. Они не выражают понятий, представляющих собой отражение явлений, существующих вне нас, а выражают понятия субъективного порядка, то есть отношение говорящего субъекта к действительности.

Третья группа состоит из слов, участвующих в речи в качестве элементов, связующих знаменательные слова. К ним относятся послелогов и послеложные слова, союзы и союзные слова.

В классификации аффиксов по их роли в речи первую группу составляют так называемые словообразовательные аффиксы, которые образуют от существующих слов новые лексические единицы, выражающие новые понятия. Эти новые слова, образованные при помощи словообразовательных аффиксов, входят в словарный состав языка и включаются в словари как самостоятельные лексические единицы; кроме того, они используются в речи как готовые единицы, а не возникающие только в процессе речи.

Прочие аффиксы выражают отношения: 1) между понятиями, обозначенными знаменательными словами, 2) между говорящим субъектом и реальной действительностью. Отношения первого порядка условно можно назвать объективными, второго порядка — субъективными (модальными). Объективные отношения выступают в виде отношений между словами, поэтому выражающие их аффиксы являются средствами связи слов. К таким средствам относятся падежные, деепричастные, причастные, притяжательные аффиксы и аффиксы сказуемости. Что же касается модальности, то она не проявляется в отношениях между словами, ибо реальная действительность, к которой говорящий определенным образом относится, выражается, как правило, не отдельными словами, а предложением в целом или даже речевой ситуацией. Поэтому аффиксы, выражающие модальные отношения, не являются средствами связи между словами. К этой группе аффиксов относятся показатели наклонения, времени, степени, субъективной оценки и т. д.

Речь образуется не только при помощи морфологических единиц, но и других средств, обычно не включающихся в разряд морфологических показателей. К ним относится прежде всего интонация: модальная или словосоединительная. В осуществлении связи между словами и в выражении модальных отношений активно используются порядок слов и неполнота предложений.

Описанная выше классификация морфологических и неморфологических средств речи может быть представлена в виде следующей таблицы:

Речевые средства Роль, выполняемая при образовании речи	Морфологические единицы		Неморфологические средства
	части речи	аффиксы	
1. Средства, служащие для выражения понятий	существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, звукоподражательные слова	словообразовательные	
2. Средства, служащие для выражения модальности	модальные слова, междометия, частицы	выражающие модальные отношения	интонация, модальный порядок слов, неполнота предложения
3. Средства, осуществляющие связь между словами	послелоги, союзы	словосоединительные	интонация, порядок слов

С. Н. ИВАНОВ

О СОХРАНЕНИИ В СТРОЕ ЯЗЫКА СЛЕДОВ ЕГО ПРЕЖНИХ СОСТОЯНИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Одним из аспектов сравнительно-исторического изучения языков является исследование синхронных срезов, засвидетельствованных в живых языках или памятниках. «Сравнительная грамматика возможна, — говорил А. Мейе, — лишь постольку, поскольку последовательные и различающиеся состояния языка... могут быть сведены к определенным соотношениям»¹.

В настоящей статье нам хотелось бы обратить внимание на тот факт, что каждый синхронный срез представляет собой совокупность данных, свидетельствующих не только о фиксируемой структуре языка, но также и о предшествовавших ей состояниях.

Мысль о том, что существующее состояние какого-либо языка является одним из источников для суждений и об истории данного языка, четко сформулирована А. А. Потебней. Эта принципиальная (методологическая, как мы сказали бы теперь) установка послужила А. А. Потебне основой для убедительных диахронических построений. «...Мы не только наклонны, но и обязаны, — писал А. А. Потебня, — судить о прошедшем и отдаленном по настоящему и близкому до тех пор, пока эта мерка не окажется неприложимой»². А. А. Потебне же принадлежит глубоко историчное толкование синхронно фиксируемой структуры языка, отмеченное, можно сказать, удивительными диалектическими прозрениями: «Прежде созданное в языке двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового. Согласно с этим поверхность языка всегда более-менее пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов»³.

Эти суждения А. А. Потебни находят обоснования в одном из важнейших методологических принципов марксистско-ленинской диалектики, который гласит, что в любой развитой структуре, изучаемой в данный момент, содержатся в снятом, в преодоленном виде следы истории этой структуры⁴. В соответствии с этим диалектическая логика, опираясь на известное высказывание Ф. Энгельса о том, что логическое представляет собой отражение исторического в теоретически по-

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 52.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 86.

³ Там же, стр. 136.

⁴ «Диалектическая логика». Ростов-на-Дону, 1966, стр. 312; см. также: Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, стр. 188.

следовательной форме⁵, указывает на возможность «логического способа восстановления истории предмета»⁶. Если, действительно, в высшей стадии развития удерживаются определенные черты и свойства предшествовавших стадий, сливающиеся с элементами высшей стадии в сложном единстве⁷, то воспроизведение развитой структуры в понятии, расчлененном внутри себя, с необходимостью отражает в содержании этого понятия такие черты данной структуры, в которых консервированы следы ее прежних состояний.

Таким образом, если исходить из указанного методологического принципа, то существующую структуру языка можно рассматривать как источник для попыток реконструкции отдельных черт ее прошлого развития. Каковы же пути перехода от констатации этой возможности к языковой реальности? Для попытки восстановления прошлых этапов в развитии строя языка по его фиксируемой в данный момент структуре решающее значение, на наш взгляд, имеет понимание синхронного среза как динамической и противоречивой системы. Дальнейшее будет посвящено разбору системных отношений элементов языка, соотнесенных между собой в рамках грамматических категорий.

Анализ синхронного среза грамматического строя языка выявляет сложную систему соотношений и противопоставлений грамматических форм, образующих грамматические категории. Основу, ядро и наиболее характерный признак этой системы составляет принципиальная противоречивая двойственность значений каждой грамматической формы⁸. Расчлененное внутри себя понятие о грамматическом единстве каждой формы как о противоречивой двойственности ее и понятие о сцепленности и соотнесенности противоречивых значений грамматических форм между собой в пределах грамматических категорий, а также различных категорий друг с другом способны, по нашему мнению, придать черты конкретности понятию системы грамматических форм, входящих в состав грамматических категорий. Вне конкретного показа связей и соотношений грамматических форм и категорий понятие системы носит абстрактный и декларативный характер.

Исходя из изложенного выше понимания системы грамматических форм, рассмотрение одних лишь бинарных оппозиций явно (на поверхности) соотнесенных форм представляется недостаточным. Даже в категориях с двучленным противоположением форм, например в категории числа, две формы двояко противостоят друг другу двумя сторонами значений, представленными в раздвоенном виде в каждой из форм (значения единичности и собирательной множественности в форме единственного числа и значения простой и раздельной множественности в форме множественного числа): семантика единичности противостоит значению простой множественности (а), а семантика собирательной множественности — значению раздельной множественности (б). Например:

а) *Sonra yine bu köy etraftaki köylerden daha büyükmiş* (A. Nesin. Orkestra adam) 'Да к тому же эта деревня гораздо больше окрестных деревень'.

б) *Köyde domuz yok... Devlet sizden domuzları bedava istemiyor, vurduğunuz domuzların kuyruklarını bana getireceksiniz* (A. Nesin.

⁵ «Диалектическая логика», стр. 312.

⁶ К. Маркс. К критике политической экономии. Послесловие Ф. Энгельса. М., 1949, стр. 236.

⁷ «Диалектическая логика», стр. 193.

⁸ См.: С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 191—195.

Orkestra adam) 'В деревне свиней нет... Да ведь государство требует от вас свиней не безвозмездно, только вы должны представить мне хвосты всех свиней, которых убьете'.

Еще более наглядно двойственность значений проявляется у грамматических форм, входящих в категории с многочисленным противопоставлением форм (например, у форм падежей и глагольных времен). Суть этой двойственности, частично уже охарактеризованной на материале староузбекского языка⁹, сводится к следующим соотношениям. Каждая из форм в рамках многочисленной категории противопоставлена своими простейшими значениями ближайшим коррелятам, образующим вместе с этой формой «малый» ряд внутри данной категории. Так, например, исходный падеж в своем простейшем (пространственном) значении исходного пункта движения («откуда?») противопоставлен соответствующим значениям дательного-направительного («куда?») и местного («где?») падежей. Три названных падежа образуют, таким образом, специфический ряд противопоставлений обстоятельственных значений. Это — особая группировка падежей в рамках склонения в целом, так сказать, «малый» ряд. Вместе с тем за пределами этого наглядного, лежащего на поверхности противопоставления у каждого из трех указанных падежей имеется большой диапазон объектных значений, не соотношенных друг с другом по какому-либо признаку столь же явным способом. Наиболее характерной особенностью варьирования объектных значений у дательного и исходного падежей является расщепление их в крайних точках на противоположные.

У дательного падежа, наряду со значениями объекта направленности действия (*şehirge gelmek* 'идти/ехать в город' и т. п.), то есть семантикой типа «действие → объект», имеются значения объекта ответной реакции, замены, компенсации, предметного возмещения, то есть семантика типа «объект → действие»:

Onun niçin daha fazla kazanmadığına, niçin daha lüks bir hayat temin etmediğine kızıyorlardı (S. Ali. Kürk mantolu madonna) 'Они сердились на него, почему, мол, он не зарабатывает больше денег, почему не обеспечивает им роскошную жизнь...'; *Halit bu sözlerle güldü* (S. Kocagöz. On binlerin dönüşü) 'Халид улыбнулся на эти слова'; *Yakında evleneceğimize sevinmedin mi?* (S. Kocagöz. On binlerin dönüşü) 'Разве ты не обрадовался тому, что мы женимся?'; *Alman: «Bana kalırsa» diye fikrini söyledi: «bu geniş arazide rahat ve dertsiz yaşamayı, bu basit refahı, medeniyet dünyasının değişmelerine tercih eden bir akıllı»* (S. Ali. Viyolonsel) 'А по мне, — высказал свое мнение немец, — умен тот, кто раздорам цивилизованного мира предпочел спокойную и безбедную жизнь на этой просторной земле, это простое приволье'; *Kışın burada kalıp yük olacağıma, gidip ekmeğimi ararım, harman zamanında yine gelir, tarlada çalışırım* (S. Ali. Kamyon) 'Вместо того чтобы оставаться здесь на зиму и быть вам в тягость, лучше уж я уйду отсюда, поищу себе пропитание, а к поре уборки снова приду, поработаю в поле'.

У исходного падежа, наряду со значениями объекта отложительного действия (*şehirden gitmek* 'уйти/уехать из города' и т. п.), то есть семантикой типа «объект → действие», имеются значения объекта приложения действия, то есть семантика типа «действие → объект»:

...Evvela alından sonra yanaklarından öptü (S. Ali. Kürk mantolu madonna) '...Он поцеловал ее сначала в лоб, а затем в щеки'; *Efendim, eskiden, eskiden bendeniz çocukken, peder merhum, bendenizi elimden tutar, her gün bir tekkeye götürürdü* (A. Nesin. Orkestra adam)

⁹ См.: С. Н. Иванов. Указ. раб.

‘Эфенди, в давние времена, прежде, когда ваш покорный раб был ребенком, покойный отец брал вашего покорного раба за руку и каждый день водил его в какую-нибудь дервишескую обитель’; *Muayyen bir şey anlatmıyor, çocukluğumdan, askerliğimden, okuduğum kitaplardan, kurduğum hayallerden, komşumuz Fahriyeden ve tanıdığım eşkiyalardan bahsediyordum* (S. Ali. Kürk mantolu madonna) ‘Я не рассказывал ей чего-либо определенного, я говорил о моем детстве, о военной службе, о прочитанных книгах, о мечтах, которые я лелеял, о нашей соседке Фахрие, о разных жуликах, которых я знал’; *Onu belinden yakalayarak götürüyor, arasıra ayaklarına basıyordum* (S. Ali. Kürk mantolu madonna) ‘Схватив ее за талию, я вел ее, то и дело наступая ей на ноги’; *Bir nefes alımı kadar hepimiz olduğumuz yerde kaldık, sonra delice bağırarak arkasından koştuk* (S. Ali. Değirmen) ‘Лишь на мгновение, достаточное только для одного вдоха, все мы застыли на своих местах, а потом с диким криком побежали за ним’.

У местного падежа, не имеющего значения объекта направленности действия, соотношение значений несколько иное. Неуправляемым обстоятельством значениям (*şehirde oturmak* ‘жить в городе’ и т. п.) противостоят управляемые объектные значения:

...*çünkü en inandığım, en güvendiğim insanda aldanmıştım* (S. Ali. Kürk mantolu madonna) ‘...ибо я обманулся в человеке, которому верил и доверял больше, чем кому-либо’; *Ben fikrimde ısrar ederek: — Evet demiştim* (S. Ali. Kürk mantolu madonna) ‘«Да», — сказал я, настаивая на своем мнении’; *...o zaman kendi hakkında verdiği hükümlerde hata etmiş olmadığımı görüyorum...* (S. Ali. Kürk mantolu madonna) ‘...теперь я вижу, что в то время я не ошибался в своих суждениях относительно себя’; *Titrek bir ışıkla yas tutmak istiyen diğeri ise, onun arkasından gitmekte gecikmedi* (S. Ali. Birdenbire sönen kandilin hikâyesi) ‘И другой светильник, как бы желая поддержать траур, не замедлил последовать за первым’; *Şoförler, arabaları ne kadar yeni olursa müşteriye o kadar terslemekte kendilerini haklı buluyorlardı* (A. Nesin. Orkestra adam) ‘Чем новее были машины такси, тем более их шоферы считали себя вправе грубить пассажирам’.

Указанные значения дательного, исходного и местного падежей входят в ряд значений управляемых дополнений вообще (в том числе и винительного падежа) и противостоят не только друг другу, но и основному падежу как падежу подлежащего, то есть коррелируют со значениями и функциями всех других падежей в рамках «большого» ряда форм данной категории.

Если взять другой «малый» ряд падежей — основной, винительный и родительный, — то и здесь соотношения в принципе те же. Так, например, основной падеж, противостоящий в позициях дополнения и определения винительному и родительному падежам как форма отвлеченно-предметного дополнения форме конкретно-предметного дополнения (винительный падеж) и как форма отвлеченно-предметного определения форме конкретно-предметного определения (родительный падеж), вне указанного противопоставления, то есть в функции подлежащего, может иметь не только конкретно-предметное, но и отвлеченно-предметное значение:

Mahpuslukta adam dayak yemekten yılmaz (S. Ali. Candarma Bekir) ‘В заключении человек не боится побоев’; *O zaman köylü, kadın erkek bütün köylü, hiçbir işaret almadan, hiç kavilleşmeden, sanki bir elden idare ediliyormuş gibi, o anda yerlerinden fırladılar* (S. Ali. Bir orman hikâyesi).

‘В это время крестьяне — женщины и мужчины, все крестьяне, без какой-либо указки, не сговариваясь, но будто бы ведомые одной рукой, в единый момент вскочили со своих мест’.

В функции подлежащего основной падеж противостоит не только винительному и родительному падежам, но и другим падежным формам — дательному, исходному и местному падежам.

Таким образом, можно констатировать неперемнную двойственность всех категорий: категории с двучленным противоположением форм (например, категория числа) выявляют двойственность значений в каждой форме и, соответственно, двоякое противопоставление форм друг другу, а категории с многочленным рядом форм расщепляются на два «малых» ряда в рамках «большого» ряда форм, и двойственность грамматической семантики каждой формы определяется двояким противопоставлением форм — в пределах «своего», «малого» ряда и в отношении ко всему («большому») ряду форм данной категории¹⁰.

Признание противоречивой двойственности значений у каждой грамматической формы и рассмотрение этого факта в свете учения марксистско-ленинской диалектики о неизбежной противоречивости каждого явления действительности с необходимостью ведет к признанию того, что именно противоречивый характер грамматической семантики форм является источником их самодвижения, представляет собой движущую силу их развития¹¹.

Для попытки реконструкции прежних состояний языка на основе выявления противоречивых тенденций в синхронном срезе наиболее существенное значение имеет понятие о прогрессивном и консервативном элементах действующего противоречия.

В связи с этим необходимо обратить внимание на тот факт, что для каждой из форм многочленной категории (проследим это опять на формах падежей) характерны, во-первых, внешнее и непротиворечивое противоположение одной группы значений ближайшим коррелятам (таковы отношения друг к другу дательного, исходного и местного падежей и отношения друг к другу основного, винительного и родительного падежей) и, во-вторых, внутреннее расщепление другой группы значений на противоположные (возможность выражения и конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений основным падежом в позиции подлежащего, совмещение значений типа «действие → объект» и «объект → действие» у дательного падежа и значений типа «объект → действие» и «действие → объект» у исходного падежа и т. п.). Следовательно, противоречивую двойственную сущность каждой падежной формы составляет то, что она имеет два признака: непротиворечивое противопоставление ближайшим коррелятам и противоречивая совокупность значений в рамках категории в целом, то есть в соотношении со всеми коррелятами.

На основе методологических принципов марксистско-ленинской диалектики первый из этих признаков можно считать консервативным элементом значения грамматической формы (в данном случае — падежа), а второй признак — прогрессивным элементом значения. Это утверждение основывается на признании того факта, что эволюция какого-либо явления представляет собой «процесс развития его в свою противо-

¹⁰ Ср. соотношение отдельных форм в рамках категории времени в староузбекском языке (см.: *С. Н. Иванов. Указ. раб.*, стр. 150—152).

¹¹ См.: *Гегель. Сочинения*, т. V, стр. 519—523; *В. И. Ленин. Полное собрание сочинений*, т. 29, стр. 104, 316—317.

положность, заключенную в нем самом»¹². Именно во втором из указанных признаков падежей наглядно предстает высокая ступень развития грамматической формы, уже развернувшей в себе противоположные моменты.

Рассмотрим несколько примеров, показывающих, каким образом в современном состоянии языка сохраняются следы истории значений отдельных грамматических форм.

1. **Винительный падеж.** Винительный падеж в современных тюркских языках совмещает в себе два значения: а) в прилегающей к глаголу позиции он противопоставлен как средство выражения определенного объекта (то есть имени существительного с конкретно-предметным значением) основному падежу как средству обозначения неопределенного объекта (то есть имени существительного с отвлеченно-предметным значением); б) в отстоящей от глагола позиции винительный падеж является единственной формой прямого дополнения независимо от различий по линии определенность—неопределенность¹³, и в этом своем значении он соотносится с основным падежом как с падежом подлежащего и с другими падежами управляемых дополнений. Из этих двух значений первое является консервативным элементом, второе — развитым, прогрессивным элементом. В первом значении винительный падеж представляет собой по существу не форму управляемого прямого дополнения (возможна ведь и другая его форма — основной падеж!), а форму выражения значения определенности — значения, зависящего не от глагола, а от общей ситуации речи. Как известно, в памятниках древнетюркской письменности засвидетельствовано именно такое значение винительного падежа¹⁴ — «артиклевое»¹⁵. Противоречивость значений винительного падежа проявляется в том, что он представляет собой и управляемую форму (в отстоящей позиции), и неуправляемую (в прилегающей позиции). Иначе говоря, исторически винительный падеж выполнял только артиклевую функцию, а в современных языках эта его функция не является единственной, что ясно видно из двух рядов его противопоставлений.

2. **Основной падеж.** Прежнее значение основного падежа законсервировано в его противопоставлении винительному и родительному падежам. В этом противопоставлении основной падеж является формой имени, лишь называющего предмет и дальше не конкретизирующего его. Можно полагать, что древним значением основного падежа и было такое «общеопределятельное» по отношению к следовавшим за ним элементам значение. Основной падеж в таком значении, например при глаголе, обозначал лишь общую характеристику действия, не являясь в сущности ни подлежащим, ни объектом. В двучленных конструкциях такого рода, соответствующих, например, современным узбекским сочетаниям с причастиями типа *сув оққан*, *сув ичган* могли содержаться соответственно значения вроде «водотекущий», «водопьющий» и т. п. В этом плане представляются чрезвычайно интересными отношения между словом в основном падеже и последующей причастной формой в турецких оборотах такого же типа: *Sapan işlemez topraklar* (S. Ali. Kapa1) 'Земли, не обраба-

¹² «Диалектическая логика», стр. 192.

¹³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 400—405.

¹⁴ См., например: В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 10—12.

¹⁵ Е. А. Серебренников. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В сб.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.—Л., 1965, стр. 15.

тываемые плугом...'; ...*su verilmiş çelik*... (S. Kocagöz. On binlerin dönüşü) '...сталь, закаленная водой...'; *diz çökmüş vaziyette* (Z. Yamaç. Mehmet) 'в коленопреклоненном положении'; *pamuk yetişen mintaka* 'зона, где произрастает хлопок'; *yemek yenilen oda* 'комната, в которой обедают'; *yağmur yağan günler* 'дни, когда шел дождь'; *deri kokan bir dükkân* 'лавка, в которой пахнет кожей'¹⁶; *su bulunmayan yer* 'место, где нет воды'; *rüzgâr gelecek delikler* 'отверстия, через которые может проникнуть ветер'¹⁷; *bülbül öten yer* 'место, где поют соловьи'¹⁸.

Большинство исследователей не считает отношения между членами причастного оборота предикативными, а определительные конструкции этого типа — придаточными предложениями. И действительно, не только отсутствие личного оформления у причастия, но и что-то в самом характере отношения к причастию того слова, которое стоит перед ним, мешает подобной интерпретации интересующих нас сочетаний. Можно думать, что это «что-то» и является реликтом прежнего «неподлежащего» значения основного падежа. По-видимому, атрибутивные причастные обороты в своем возникновении и развитии повторили ту структуру отношений, которая в давние эпохи вообще была свойственна предложению.

3. Прошедшее категорическое время. Данная временная форма двояко связана с системой времен в целом и соответственно этим двум противопоставлениям имеет двойственное значение. В разветвленном ряду прошедших времен она обозначает прошлое действие со специальным оттенком «компактности», нерасчлененности, тогда как безотносительно к этому ряду, то есть в системе времен в целом и в первую очередь по отношению к непрошедшим временам, прошедшее категорическое время имеет широкое значение прошедшего времени «вообще». Если учесть тот факт, что в образовании большей части прошедших времен показатель прошедшего категорического времени участвовал как слагаемое, то именно во втором из указанных выше его значений можно усматривать консервацию его прежних свойств. Развитие сложных форм прошедшего времени постепенно ограничивало универсальность прошедшего категорического времени (сохранившуюся в другом отношении!) и оставило ему в ряду прошедших времен лишь то значение, которое не выражается другими формами прошедшего времени. Прежняя сущность прошедшего категорического времени проявляется в его отношении к непрошедшим временам и к моменту речи, а новая — в отношении к прошедшим временам. Ср. использование данной временной формы в соотношении с настоящими и будущими временами (или с моментом речи) (а) и в соотношении с другими прошедшими временами (б):

а) *Genç şair, genç şair, ey benim sevgilim! Artık hiç...hiç kimse seni aşamayacak; sen peygamberleri gıptaya düşürecek şeyleri yarattın, sen insanları yaşamaya veya ölmeğe sürükleyebilecek şeyleri yazdın. Güneş senden daha sıcak, gökyüzü daha geniş, ilkbahar rüzgârları daha cana yakın degildir. Ve sen bunları yalnız benim için yaptın* (S. Ali. Kurtarılamayan şaheser). О юный поэт, юный поэт, о мой любимый! Отныне уже никто... никто не превзойдет тебя; ты создал вещи, которые могут повергнуть в зависть пророков, ты написал такое, что способно вести людей к жизни или смерти. Солнце не горячее тебя, прояснение земли не шире тебя, весенние ветры не живительнее тебя. И все это ты сделал для одной лишь меня'.

¹⁶ А. Н. Коченов. Указ. раб., стр. 453 и 471.

¹⁷ J. Denz. Grammaire de la langue turque (d'après le dialecte de Constantinople). Paris, 1921, стр. 480.

¹⁸ Jan Ciopinski. Remarques sur les constructions de la langue du type *bülbül öten yer* et leur réalisation dans la langue turque. — «Études turques», t. X, 1969, стр. 59—63.

б) *Ve ancak genç kız onu omuzlarından yakalayınca kendine geldi. Kızın gözleri, kafasının içindeki herhangi bir ateşten kaçarak dışarı fırlamak istiyormuş gibi yanıyordu. Dudakları titriyerek tekrar etti: «Beni dinlemedin mi şair? Sana söylediklerimi işitmedin mi?»* (S. Ali. Kurtarılamayan şaheser) 'И он пришел в себя только тогда, когда юная девушка коснулась его плеч. Глаза девушки пылали, словно хотели выплеснуться наружу, оторвавшись от пламени, горевшего в ее голове. Дрожащими губами она повторяла: «Слышал ли ты меня, поэт? Слышал ли ты, что я сказала тебе?»'

Во всех трех рассмотренных случаях прежнее состояние (артиклевая функция винительного падежа, общепредельное значение основного падежа, универсальность прошедшего категорического времени) сохранилось в строе современного языка в измененном, ограниченном, включенном в ныне действующую систему, преодоленном («снятом», по философской терминологии) виде.

Изложенное выше можно рассматривать лишь как эскизы, не претендующие на полноту освещения вопроса и имеющие целью показать лишь принципиальную возможность реконструкции прежних синтаксических свойств грамматических форм на основе анализа действующего в пределах каждой формы диалектического противоречия (принципиальной диалектической двойственности ее значения, обусловленного двояким противопоставлением данной формы другим формам в рамках грамматической категории). Необходимы конкретные исследования в этом направлении. При этом весьма возможно, что современные и древние тюркские языки в силу значительной устойчивости их грамматического строя¹⁹ не выявят существенных различий в оппозициях грамматических форм и в самом характере раздвоенности их значений. Но и в этом случае предложенная методика представляется конструктивной в плане изучения типологических характеристик тюркских грамматических форм: каждый синхронный срез свидетельствует не только о самом себе, но и — опосредствованно — о предшествовавших ему состояниях.

¹⁹ См.: Б. А. Серебренников. Указ. раб.

З. И. БУДАГОВА

РИТОРИЧЕСКОЕ ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФИГУР В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Стилистика как «высший синтаксис» (В. Г. Белинский) до сих пор остается одной из малоизученных областей тюркской, в том числе и азербайджанской, филологии; причем принципы использования отдельных типов предложений в зависимости от стилистических задач, а также их соотносительное употребление в связном тексте, не были до сих пор предметом достаточно полного и всестороннего рассмотрения не только в тюркологии, но и в русском языкознании. Между тем предложение как основная единица речи является главным объектом исследования в стилистике, ибо синтаксические конструкции выполняют разнообразные, чрезвычайно важные стилистические функции. Мастерство писателя или поэта в данном случае заключается именно в том, насколько умело и творчески используются им стандартные синтаксические конструкции.

В советской тюркологической литературе уже излагался ряд заслуживающих внимания суждений относительно типов предложений в зависимости от целей высказывания¹. Однако до сих пор еще не создано работ, специально посвященных этой проблеме. В частности, отсутствует теоретически обоснованная единая классификация вопросительных предложений.

Так, некоторые ученые наряду с собственно вопросительными, риторическими и вопросительно-побудительными предложениями выделяют отдельную группу еще так называемые ответно-вопросительные предложения, указывая при этом, что «ответно-вопросительные предложения заключают в себе вопрос, являющийся ответом на поставленный вопрос, т. е. собеседник на вопрос отвечает вопросом»².

Ответ, выраженный в форме вопросительного предложения, представляет собой особый стилистический прием, придающий высказыванию эмоциональную окраску. И ответить вопросом на вопрос, поставленный

¹ См.: Н. К. Дмитриев. Детали простого предложения. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 19—49; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. — Л., 1960; Э. В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III; Н. А. Баскаков. Простое предложение в каракалпакском языке. — Там же; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950; А. Ф. Фуломов. Содда гап. Тошкент, 1955; А. Ф. Фуломов, М. А. Аскарова. Хозирги замон ўзбек тили. Синтаксис. Тошкент, 1961.

² М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959, стр. 112.

собеседником, можно лишь при помощи риторического вопросительного предложения, заключающего в себе скрытое отрицание или утверждение.

В ряде работ наряду с собственно вопросительными предложениями выделяются вопросительные предложения, выражающие либо сожаление³, либо обращение, либо жалобу⁴ и т. п. Однако эмоциональность, передаваемая в вопросительных предложениях при помощи интонации, не может служить достаточной основой для выделения в отдельную группу, например, «вопросительных предложений, выражающих сожаление».

В различных жанрах художественной литературы вопросительные предложения используются во множестве речевых аспектов коммуникативной функции. Между тем в тюркологии потенции вопроса как стилистической категории далеко не раскрыты.

Стилистическая дифференциация грамматических средств более отчетлива в области синтаксиса. Для выражения одного и того же содержания в разных речевых ситуациях используются различные варианты синтаксических построений, синонимичных по своему основному грамматическому значению, но обладающих дополнительными экспрессивно-смысловым и экспрессивно-эмоциональным оттенками, на что не обращалось должного внимания. Чаще всего под термин «изобразительно-выразительные средства художественного языка» понимались лексические категории: фразеология, переносные значения слов, синонимы, антонимы. Между тем как в поэзии, так и в прозе, в раскрытии явлений действительности и внутреннего мира героев немаловажную роль играют отдельные синтаксические категории. В существующей литературе обычно говорится о стилистическом значении синтаксических конструкций, но при этом очень мало внимания уделяется их роли в художественной речи, хотя любое слово и словосочетание, участвуя в раскрытии содержания произведения, в зависимости от контекста может служить также и изобразительным средством.

Ниже будет рассмотрена стилистическая категория риторического вопроса на материале языка азербайджанской художественной литературы.

Исследование риторических вопросов в тюркологии, в том числе и в азербайджанском языкознании, не имеет давних традиций. Сущность риторического вопроса более или менее обстоятельно рассматривается лишь в небольшом числе тюркологических работ⁵.

Риторическое вопросительное предложение, носящее благодаря противоречию между формой и коммуникативной направленностью формальный характер, придает мысли большую убедительность, делает ее неопровержимой, обогащает содержание высказывания дополнительной эмоциональной информацией.

Присущие риторическим вопросительным предложениям специфическая цель высказывания и психологическая активность проявляются

³ И. Джакубов. Типы простого предложения современного киргизского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1951.

⁴ А. Ибрагимов. Хэзирки заман түркмен дили. Синтаксис. Ашгабат, 1962, стр. 76, 78.

⁵ Х. Х. Исмагулаев. Риторик сурок гаплар. — «Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», 1964, вып. 268. Филологические науки, кн. 26, стр. 206; его же. Виды предложений по цели высказывания в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965, стр. 19; Б. Садыгова. Мүасир Азербайжан дилинде суал чүмлэлери. — «Азербайжан дили ве эдебијаты тәдريس методикасы». 1960, 12 бурхылыш; J. Сејидов. Суал чүмлэси. — «Мүасир Азербайжан дили. Синтаксис», 2 китаб. Баку, 1962, стр. 113; З. И. Будагова. Мүасир Азербайжан эдеби дилинде садэ чүмлэ. Баку, 1963, стр. 189; Дж. М. Ахундов. Вопросительные предложения в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1969; Ш. В. Юсифли. Стилистический синтаксис современного азербайджанского художественного языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973.

не только в сочетаемости различных конструктивных единиц этих предложений, их лексическом наполнении, но и в интонационной структуре. Риторические вопросительные предложения резко отличаются от идентичных им по структуре собственно вопросительных предложений большими произносительной силой, интенсивностью амплитуды и диапазоном частоты, а также направлением основного тона на последнем слоге⁶.

Экспрессивность является обязательным признаком риторических вопросительных предложений, представляющих собой один из коммуникативных типов вопросительных предложений, обладающих большим потенциалом выразительности. Не случайно поэтому, что в некоторых работах риторические вопросительные предложения рассматриваются как «эмоциональные вопросительные предложения»⁷.

Таким образом, в риторических вопросительных предложениях могут содержаться и перекрещиваться значения вопроса, утверждающего сообщения, а также чрезвычайно разнообразные побудительные значения.

Вопросительные предложения в зависимости от контекста могут употребляться как в апеллятивно-коммуникативной функции для получения определенного ответа, для осведомления о чем-то неизвестном, так и в эмоционально-экспрессивной функции — для выражения различных чувств, то есть в качестве риторических вопросов, и относятся во втором случае к художественным фигурам. Экспрессивность мысли при этом достигается интонацией, выступающей здесь в качестве одного из наиболее важных конституирующих средств риторического вопроса, сплавления воедино мысль и чувство.

Хотя риторический вопрос, как правило, не требует ответа, но не исключена возможность, что собеседник, а часто и сам произносящий риторический вопрос, могут на него ответить. И все же это будет не столько ответом, сколько подтверждением того, что было выражено риторическим вопросительным предложением.

Примечательно, что все формы риторических вопросительных предложений, встречающиеся, например, в современном азербайджанском языке, употреблялись и в классической литературе.

Риторические вопросы в азербайджанском языке распознаются не только по свойственной им структуре или по контексту, но иногда и по общей семантике вопроса. Например:

Айрылармы көнүл чандан? (С. Вургун)

‘Можно ли отделить душу от сердца?’

Исламшыын судан нэ горхусу? (Пословица)

‘Промокшему ли бояться воды?’

Гэлбсиз адам олар? (Журн. «Азербайжан»)

‘Может ли человек быть без души?’

Понятно, что подобные вопросы в прямом смысле задаваться не могут. Поскольку приведенные риторические вопросы передают предельно ясные и общеизвестные истины, то они и не воспринимаются как собственно вопросительные предложения.

К риторическому вопросу часто прибегают, чтобы оказать большее воздействие на собеседника, привлечь его особое внимание к выражаемой мысли, например:

⁶ Ч. М. Ахундов. Мүасир Азербайжан дилинде суал чүмләлери. Канд. дисс. Баку. 1969, стр. 201.

⁷ См.: А. Финкель. О языке и стиле В. И. Ленина. Харьков, 1925, стр. 88; Е. М. Фалькович. Искусство лектора. М., 1960, стр. 183.

Елмиз милләт габага кедәрми? (Н. Нәриманов)

‘Может ли нация идти вперед (развиваться) без науки?’

Нәдир о дар ағачлары, де кимләрдир асылан? (С. Вурғун)

‘Что это за виселицы; скажи, кто повешен?’

Ојунчагмы кәлир сәнә вәтәнимин һагг сәси? (С. Вурғун)

‘Не забавой ли кажется тебе правдивый голос родины моей?’

Следует отметить, что сама «вопросительность» в риторическом вопросе выражена менее четко, нежели в собственном вопросе. Сказуемое риторических вопросов часто выражается глаголом в форме неопределенного будущего времени. Как указывалось выше, для распознавания некоторых риторических вопросов, и прежде всего неместоименных, необходимо обращаться к контексту, например: *Она сөз демәк олар?* ‘Разве можно ему что-нибудь сказать?’

Данный вопрос в зависимости от контекста может выступать и как риторический, и как собственно вопрос. Однако вопросительное предложение, содержащее частицы *һеч* и *да||дә*, а также сказуемое, выраженное глаголом в неопределенном будущем времени, может быть только риторическим. Вопросы с подобной структурой никогда не могут выступать в функции собственно вопросительного предложения, например: *Һеч даға да вагон чыхармы?* (И. Шыхлы) ‘Разве поднимется вагон на гору?’

Диапазон стилистического варьирования семантики риторического вопроса в зависимости от лексического наполнения, включения содержательных грамматических категорий, модальных слов и частиц, морфологических аспектов глагола и т. д. — исключительно широк. Не имея возможности охватить в рамках одной статьи все многообразие проявлений риторического вопроса в современном азербайджанском языке, попытаемся охарактеризовать его основные стилистические разновидности.

При помощи риторических вопросительных предложений могут быть выражены:

1) беспечное отношение говорящего к выполнению какого-либо действия, в связи с его зазнайством, кичливостью, самонадеянностью и тому подобными чертами характера; например:

Банлајырам сәһәрдән хејли вахтдыр,

Тојуг кими бир ағыз гаггылдамаға нә вар? (Н. Зија)

‘Кукарекаю с утра уже давно,

Что стоит прокудахтать разок, подобно курнице?’

2) положительная или отрицательная оценка какого-либо предмета, явления; например:

Һејф нә гијмәти, нә гәдри вар,

Билирсиниз, нечә көзәл әтри вар? (Н. Зија)

‘Жаль, что его не ценят, не чтут,

А знаете ли, какой у него прекрасный аромат?’

Өзү дә нечә оғул? Ондан јан тут үзүнү,

Адыны ешит, анчаг чалыш көрмә өзүнү (Н. Зија)

‘Да какой еще сын? Лучше отвернись от него,

Услышь его имя, но постарайся не видеть его самого’;

3) сомнения по поводу тех или иных событий, фактов; например:

Бәлкә дә јетмәмиш дүнја камала?

Бәлкә дә көрмәјиб бу дәһшәтләри? (С. Вурғун)

‘Может, мир не достиг зрелости?’

Может, не видел он этих ужасов?’;

4) наставление, совет, наказ и т. п.: например:

*Сән сәнәт ешигдән вәчдә кәләрәк,
Елин гапысына ајаг басдынмы?
Бир мағар кечәси, дан үзүндәк,
Ихтијар ашыға гулаг ассынмы?
Ганында, гәлбиндә де, сәһәр-сәһәр
Чајларын апәнки ашыб-дашдымы? (С. Вургун)*

Придя в восторг от любви к искусству,
Подступился ли ты к вратам (душе) народа?
Всю ночь до самого рассвета
Внимал ли ты старцу-ашугу?
В крови, в душе твоей, скажи, рано поутру
Забурлила ли гармония рек?;

5) ирония, насмешка; например:

Һи, һи ешитмәјир? Нијә кар олмусан, гулагларын тутулуб? (М. Ибраһимов)
'Хи, хи, не слышит? С чего бы это ты оглох, уши заложило?';

Чох бәјүк иш кәүрсән, мәни одунчуја верирсән, сәнә хәләт дә верим? (Ә. Нагвердијев)

'Великое дело совершаешь, что выдаешь меня за дровосека, и я еще должна делать тебе подарок?';

6) недовольство, озлобление, гнев и ярость; например:

Ахы... ахы бу гәдәр дә интизамсызлыг олармы? (Ә. Әбүлһасән)

'Разве... разве можно быть столь недисциплинированным?';

Ај еви јыхылмыш, бу кишини сән јолдан чыхардыбсан? Бурада сәнин чијәрини чыхардардым... (Ә. Нагвердијев)

'Эх, окайная, это ты совратила мужчину? Тут я бы вырвала твою печень... (расправилась с тобой)';

Һачы Кәрим Зәркар. Бу нә гәләт едир, нә јава данышыр? Сәни ким бу мәчлисә чагырды? Көрәсән, һарадан бу белә философ олубдур? (М. Ф. Ахундов)

'Гаджи Керим Заргяр. Что он чепуху мелет, сквернословит? Кто тебя позвал в это общество? Интересно знать, каким образом он стал таким философом?';

Дәли олубсан, нәдир? (Ү. Һачыбәјов)

'С ума сошел ты, что ли?';

7) волнение, душевные переживания; например:

Паһо, нә данышырсан? Икки мин манат ијirmi дәнә јүзлүк сәләјир (Ү. Һачыбәјов)
'Ого, что ты говоришь? Две тысячи рублей составляют двадцать сотенных';

Тәгсирим нәјди мәним, аја нә етмишдим сәнә? (Һ. Зија)

'В чем же была моя вина, что я сделала тебе?';

*Даима шадлыгла күлән бир мәләк
Нечин булуд кими бирдән гаралмыш?
Нәдир үзүндәки бу боранлы гыш (С. Вургун)*

'Постоянно радостно смеющийся ангел.

Почему вдруг потемнел как туча?

Что за выюжная зима на его лице?';

Өләрми јурдуну севән сәнәткар?

Чан душтаг оlanda күләрми үрәк? (С. Вургун)

'Разве может умереть художник, любящий свой край?

Когда душа в заточении, может ли смеяться (радоваться) сердце?';

8) обвинение, упрек; например:

Нечә анасыңыз ки, бу сәккиз илин мүддәтиндә ушаг илә бир дэгфә дә марагланмамышсыңыз? (С. Рәһимов)

'Что вы за мать, если в течение восьми лет ни разу не поинтересовались ребенком?';

Өз догма баланы өјрөтмөдінми
Јуз ријакарлыға, јаланчылыға? (С. Вургун)

‘Не ты ли научила свое родное дитя
Лицемерию и лжи?’;

Мәкәр һеч утанмырсан ки, мәним үзүмә гарны арвадыма бөһтан дејирсән? Мә-
ним намусуму батырырсан? (М. Ф. Ахундов)

‘Неужели ты не стыдишься в лицо мне клеветать на мою жену? Пятнать мою честь?’;

Белә вахта асуда отурмаг хулјасына дүшмәк? (Ә. Әбүлһәсән)

‘В такое время стремиться сидеть сложа руки?’;

9) полная противоположность сопоставляемых лиц, предметов и явлений; при этом употребляется вопросительная конструкция с *һара...* *һара*; например:

Орасы еләдир, мәгсәдимиз бирдир, анчаг ушаглыг дүнјасы һара, бура һара? (Мир Чалал)

‘Это так, цель у нас одна, но все же детский мир — одно, а наша действительность — совсем другое’;

10) чувство тревоги, беспокойства, безысходности; подозрение, жалоба; например:

Тарверди. Пәрвәрдикара, севки нә јаман олурумш? (М. Ф. Ахундов)

‘Тарверди. О боже, какой напастью бывает любовь?’;

Бајрам. Аллаһ, инди нә гајырым? (М. Ф. Ахундов)

‘Ба й р а м. Аллах, что же мне теперь делать?’;

Нә ејләмәк? Мән дә ахтарарам өзүмә бир көзәл гыз тапарам, хаинлик пис шеј-
дир (Ү. Начыбәјов)

‘Что делать? Я тоже буду искать, найду себе красивую девушку, вероломство — плохая штука’;

Севил. Балаш, бу шәкилрәки арвад да кәләчәк?

Балаш. Кәләндә нә олар ки? (Ғ. Чаббарлы)

‘Севиль. Балаш, женщина, что на этом снимке, тоже придет?’

Балаш. Ну и что с того, что придет?’;

11) желание, просьба; например:

Нечәсән кечә јары

Сибир ола, гыш ола?..

Көј чән-чисәк ичиндә

Јер ениш-јошуш ола? (Ғ. Нүсејизадә)

‘Ну, а если бы глубокой ночью

Была Сибирь, была зима?..

Небо в тумане и измороси,

Земля в спусках и подъемах?’;

Һәр шејә ад вердин сән бу дүнјада,

Нә олар, мәни дә саласан јада?

Нә олар, бир даныш, еј нанкор инсан!

Бир ше’рин адыны үрәк гојасан! (С. Вургун)

‘В этом мире ты всему дал имя,

Что случилось бы, если бы ты вспомнил и обо мне?

Ну что стоит тебе, ответь, эй, неблагодарный человек!

Хотя бы одному стихотворению дать название «Сердце»?’;

12) чувство непоколебимой уверенности:

Ким учмајыр өз гәлбиниң шеріјјәтилә?

Ким бахмајыр бу аләмә—јүксәлиш дејә?.. (С. Вургун)

‘Кто не воспаряет поэзией своей души?

Кто не смотрит на этот мир, желая ему возвышения?..’

*О, өлмәјир, һеч өләрми чаһанда вугар?
Заман кечир, будаг атыр көрпә шитилләр...* (С. Вурғун)
'Он не умирает, разве может умереть в мире гордость?
Проходит время, ветви пускают юные ростки...';

13) протест, несогласие; например:

Телли. *Мән дејирәм ки, евдә галыб ун чувалына тај оласан? Мән она демәк истајирәм ки, белә, адам әввәлчә бир көрә ки, кимә кедәчәкдир* (Ү. һачыбәјов)
'Телли. Разве я говорю, чтобы ты оставалась дома подобно чувалу с мукой? Я хочу сказать ей, что человек должен видеть, за кого выходит';

Аға, бизим атамызын, анамызын данышдығы бир дигдә эшар охумаг физиулуг нијә олур (М. Ибраһимов)

'Аға, читать стихи на языке наших отцов и матерей почему должно считаться разглагольствованием?'

Некоторые риторические вопросительные предложения, передающие указанное значение, превратились в клише; например:

Гојмазсан башымын чарәсини көрүм? (М. Ф. Ахундов)

'Не позволишь ли мне самому подумать о своих делах?';

Фирәнкдә онун нә алыб-верәчәји вар? Париждә онун нә ити азыбдыр? (М. Ф. Ахундов)

'Что ему нужно во Франции? Какая собака его заблудилась в Париже (что он там потерял?)';

14) недоумение, желание изменить существующее положение вещей; например:

*Билмирәм нә көрүнүрәм мән һамынын көзүнә?!
Балам, мәним ағзым әјри, јохса бурнум әјридир,
Ахы, бу нә сиррdir?!* (Һ. Зија)

'Не знаю, кем я всем здесь кажусь?

Что, разве у меня рот скривился, или нос кривой?!

В чем же секрет?!';

Хавәр башы ашағыда гулаг асыр вә душүнүрдү. Онун нәји ханымлардан артыг иди? Көзәллији, ағлы, фәрасәти, данышығы? Һеч нәји. Бәс нә үчүн бунлар бслә јола кедә биләрди? Онлар кими јүзләри, минләри дә? Нијә Хавәр отуруб ачындан өлмәли иди? (М. Ибраһимов)

'Хавар, опустив голову, слушала и думала. Чем она превосходила других женщин? Красотой, умом, умелостью, речью? Ничем. Почему же они могли стать на этот путь? И сотни, тысячи таких, как они? Почему Хавар должна сидеть и умирать с голоду?';

15) неожиданная радость, изумление; например:

Бајрам. *Аһ мәним маралым, мәним чејраным! Бу сәнсэнми кәлибсэн? Гој бир сәни бағрыма басым* (М. Ф. Ахундов)

'Бајрам. Ах, мой марал, мой джейран! Это ты пришла? Дай я прижму тебя к груди';

16) стремление заинтриговать собеседника (читателя), сосредоточить его внимание на какой-то новости, на чем-то неожиданном; например:

*Бирдән нә ешитдик? Сәһәрә јаваг
Дүшмүш свимизә гарагышгырыг* (С. Вурғун)

'Что мы вдруг услышали? Под утро
Раздался в нашем доме страшный гвалт';

Бир дә көрдүм ким? Һәмин бу Мәшәди Ибад! (Ү. һачыбәјов)

'Кого же я увидел? Того же самого Мешеди Ибада!'

Риторическое вопросительное предложение может подвести итог предшествующему изложению, например:

Ханпәри. Ханым, Ағчабадили Кәрим Көханын арвады Сәлимназы о бошат-дырыб оңашына вердирмәдими? Муғанлы Сәфәрәли кишинин ғызыны севкилисінә говушдурмадымы? Дәдәсини ки, ғызы вермәжә разы олмурду, чаду илә өлдүрмәдими? Чавадлы Кәрбәләји Гәнбәр ғызы Шаһсанәмин әрини, бир иллик јолдан арвад алма-сын дејә, ғајтарыб кәтирмәдими? (М. Ф. Ахундов)

Ханпәри. Ханум, не он ли развел агджебединца Керима Коху с его женой Селимназ, выдав ее замуж за ее любовника? Не он ли соединил дочь муганца Сафарали-киши с ее возлюбленным? Не он ли умертвил колдовством отца, не соглашавшегося выдавать дочь? Не он ли вернул с пути уезжавшего на год мужа Шахсенем, дочери джавадлинца Кербалая Ганбара, чтобы тот не женился?.

Часто риторические вопросительные предложения используются для напоминания о конкретных событиях, лицах и т. д.; например:

*Һаны мәним азадлығым?
Һаны достлар, о һәмдәмләр?
Кәләчәкми кечән дәмләр?
Кәләчәкми хиласкарлар?
Кәләчәкләр! Үмидим вар!* (С. Вургун)

Где моя бывшая свобода?
Где друзья, прежние приятели?
Возвратятся ли ушедшие мгновения?
Придут ли освободители?
Придут! Я надеюсь на это!

Иногда говорящий сам отвечает на поставленный им самим риторический вопрос, который в данном случае служит поводом для передачи определенной информации; например:

Ичлас залында кимләр јох иди? Өлкәнин ән бөјүк адамлары, мүһәндисләри, фәһләләри, кәнд коммунистләри, һанда бир адлы-санлы мүтәхәссисләри (Мир Чолаал).

Кого только не было в зале заседания? Самые видные люди страны, инженеры, рабочие, сельские коммунисты, самые знатные специалисты.

Риторическое вопросительное предложение может употребляться с целью утешить, успокоить кого-либо; например:

Шәһрәбану ханым. Шәрәфнисә, ағламаг нәдир? Сәнә нә кәлибдир ағла-јырсан? Аллаһа шүкүр, атан сағ, анан сағ, көзәл-көјчәк адахлын көзүнүн ғабагы-да. Јемәјин бол, кәјмәјин бол, дәхи нијә ағлајырсан? (М. Ф. Ахундов)

Шахрабану ханум. Шарафниса, что ты плачешь? Что заставляет тебя плакать? Слава богу, отец жив, мать жива, красивый жених перед твоими глазами (при тебе). Сыта, одета, что же ты плачешь?

Особой разновидностью риторического вопросительного предложения является побудительное вопросительное предложение.

Побудительный вопрос также задается не с целью получения ответа, а для побуждения собеседника к определенному действию. В одних случаях побудительный вопрос является формой особенно вежливого, почтительного выражения просьбы, в других — требует немедленного исполнения приказа.

Сказуемое побудительно-вопросительных предложений при обращении с просьбой может быть выражено глаголом в различных наклонениях в зависимости от смысловых оттенков. Однако чаще всего подобные предложения оформляются с помощью вопросительных слов *нә* 'что', *нијә* 'почему', и сказуемое их выступает в настоящем времени изъявительного наклонения; например:

Јенә дә бизи Чаваншир дүшмәнләринин јанында сындырмаг истәјирсэн? (С. Рәһимов)

Опять хочешь унизить нас при врагах Джаваншира?;

Лал-зад дејилсэн ки, нијә дилләнмирсэн? (Ғ. Мехди)

Ты же не немой. почему молчишь?;

Бура бах, а Муса киши, бир ики шүшә абчо тапсан нечә олар, һә? (М. Ибраһимов)

Послушай-ка, Муса киши, что если отыщешь несколько бутылок пива?'

Возможны следующие случаи выражения экспрессивного побуждения в вопросительно-побудительных предложениях утвердительного и отрицательного содержания:

1) вопросительно-побудительные предложения, выражающие экспрессивное побуждение отрицательного содержания; например:

Мирзэ-Тәги хан!.. Мәни исте'фа вермәкләми горхузирсан? (Ч. Чаббарлы)
'Мирза Таги хан!.. Ты что меня отставкой запугиваешь?';

2) вопросительно-побудительные предложения, выражающие экспрессивное побуждение утвердительного содержания; например:

Бәрбәрзадә. Јохдур, ај атам баласы, јохдур. Баша дүшүрсән? (С. Рәһман)
'Берберзаде. Нету, родимый, нету. Понимаешь?'

Как известно, выражение утверждения и отрицания не ограничивается только побудительно-вопросительными предложениями, а охватывает все коммуникативные типы предложений.

В риторических вопросительных предложениях, выражающих утвердительное и отрицательное суждения, субъективно-чувственный момент, эмоциональная насыщенность несколько не затеняют логической стороны содержания высказывания, не отодвигают ее на задний план.

Можно выделить следующие случаи экспрессивных утверждения и отрицания в риторических вопросительных предложениях:

1. Экспрессивное отрицание реализуется риторическими и вопросительными предложениями, содержащими утвердительную форму; например:

Бу дилсиз бина нејләјә биләр? (С. Рәһман).
'Что может сделать это безмолвное здание?'

2. Экспрессивное утверждение реализуется риторическими вопросительными предложениями, содержащими отрицательную форму; например:

Ај чамаат, Керим илә Мисир сизин јанынызда өз бачылары Сәрвиназы мәнә вермәдиләр? Әвәзиндә дә мәндән бир чапиш, бир гојун вә ики јүз манат да хәрч чәкиб ашханада сизә гонагыг вермәдиләр? (М. Ф. Ахундов)

'Эй, люди, Керим и Мисир не выдали ли за меня при вас свою сестру Сервиназ? И за это, взяв у меня козленка, барана и двести рублей, не угощали ли вас в ресторане?';

Муганлы Сәфәрәли кишинин гызыны севкилиснә говушдурмадымы? (М. Ф. Ахундов)

'Не он ли соединил дочь муганца Сафарали киши с ее возлюбленным?'

3. Экспрессивное отрицание реализуется риторическими вопросительными предложениями, содержащими отрицательную форму; например:

Ханым да чандыр... Даһа о даш кими дајаныб суса билмәз ки? (С. Рәһимов)
'И ханум живой человек. Не может же она молчать как камень?'

4. Риторическое вопросительное предложение, выражающее экспрессивное отрицание, оформленное как утверждение, преобразовывается в риторическое вопросительное предложение, выражающее экспрессивное отрицание и оформленное как отрицание; например:

Кәрәмөв. Бәс елә билирсиниз мәним фәалијәтим бир саатын, ики саатын ичинә сығыяр? (С. Рәһман)

'Керемов. А вы думаете, что рассказ о моей деятельности можно втиснуть в один или два часа?'

5. Риторическое вопросительное предложение, выражающее экспрессивное утверждение и оформленное как отрицание, преобразовывается в риторическое вопросительное предложение, выражающее экспрессивное утверждение в отрицательной форме; например:

Нәһәјәт о динчәлмәли дејилдими? (Ә. Әбүлһәсәи)

'В конце концов, не должен ли был он отдохнуть?'

Риторическое вопросительное предложение, выражающее экспрессивное отрицание и оформленное в форме отрицания, преобразовывается в риторическое вопросительное предложение, выражающее экспрессивное отрицание в форме утверждения; например:

Јел гајадан нә апарар? (М. Әлизадә)

'Что может унести ветер у скалы?'

В заключение отметим, что разнообразные художественно-выразительные возможности риторических вопросов, как и других фигур художественной речи, требуют дальнейшего углубленного изучения.

Х. Г. НИГМАТОВ

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ МОРФОЛОГИИ ВОСТОЧНО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА XI—XII вв.

Углубленное внимание к семантико-функциональной стороне грамматических явлений — характерная черта современной системной лингвистики, что само по себе обусловлено достаточной степенью изученности внешней (формально-описательной) морфологии ряда языков, в том числе и тюркских. Содержательный анализ и вскрытие внутренних взаимоотношений грамматических форм (категорий) как элементов определенной микросистемы могут быть осуществлены более последовательно и глубоко при исследовании языка методами диалектической логики. Применение последней способствует адекватному изучению процесса развития, происходящего в объекте, позволяет обнаружить в последнем противоречия, выявить «бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром»¹, отразить в логике понятий и в определении объекта диалектику действительности². Плодотворность подобного подхода при изучении тюркских языков была обоснована С. Н. Ивановым³.

В данной статье на основе принципов диалектической логики рассматривается система оппозиций символизированной микросистемы — категории А, состоящей из шести элементов (форм), которые условно обозначаются через а, б, в, г, д, е. Однако, чтобы избежать полной формализации, которая не допускается диалектической логикой, требующей семантического (содержательного) анализа изучаемого объекта, в качестве приложения приводится несколько видоизмененная таблица взаимоотношений временных форм индикатива, представленных в восточно-тюркском языке XI—XII вв.⁴ (табл. I).

Если заменить символы анализируемой микросистемы их содержанием по приведенной таблице, то данная микросистема приобретает характер реальной системы взаимоотношений временных форм индикатива. Однако сущность взаимоотношения элементов данной микросистемы, состав парадигматического значения ее форм не исчерпываются только сферой временных форм индикатива; такой подход может быть применен при описании и других грамматических категорий тюркских языков.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е, т. 42, стр. 289.

² «Диалектика и логика. Законы мышления». М., 1962, стр. 7.

³ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 8—26.

⁴ См.: Х. Г. Нигматов. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркском глаголе. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 51—57. Знак + указывает на маркированность, а знак 0 — на нейтральность признака.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ И НАКЛОНЕНИЙ ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА

I. По внутрикатегориальным отношениям

Формы	При- зна- ки Сим- во- лы	Совершен- ность дей- ствия до момента речи	Разобщен- ность дей- ствия с моментом речи	Соприкос- новение с моментом речи	Отнесен- ность к мо- менту дру- гого дейст- вия	Наличие модальных значений
		П ₁	П ₂	П ₃	П ₄	П ₅
-ды	а	+	+	—	0	0
-мыш	б	+	0	—	—	0
-арды	в	+	+	—	+	0
-гай	г	0	+	—	—	+
-галыр	д	0	0	+	—	+
-ар	е	0	0	0	—	0

II. По межкатегориальным отношениям

Категории	Признаки Символы	Идеальность действия (П ₆)	Отношение дейст- вия к моменту речи (П ₇)
Изъявительное наклоне- ние	А	0	+
Условное наклонение	Б	+	0
Повелительное наклоне- ние	В	+	0

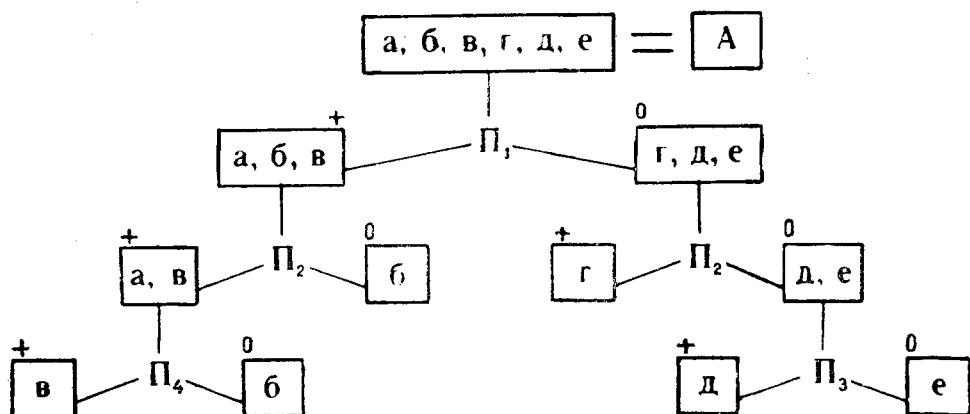
Категория А состоит из элементов (форм) а, б, в, г, д, е, внутрикатегориальная двухрядная оппозиция⁵ которых изображена на схеме 1.

Категория А, являющаяся общим (целым) по отношению к элементам а, б, в, г, д, е, выступает в качестве единицы более крупной микросистемы Д (например, изъявительное наклонение по отношению к наклонениям глагола в целом). Элементами категории Д наряду с категорией А выступают категории Б и В. Двухрядная оппозиция элементов категории Д изображена на схеме 2.

В микросистеме Д категория А имеет только один маркированный признак — П₇; поэтому, когда категория А выступает как общее по отношению к элементам а, б, в, г, д, е, марки первого ряда оппозиций элементов категории А суть детализация или дополнение этого П₇, а марка второго ряда внутрикатегориальных оппозиций этих элементов (П₅) основывается на нейтральности категории А в микросистеме Д по отно-

⁵ О единстве противоположных значений и основывающейся на нем двухрядной оппозиции грамматической формы см.: С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 22—25; его же. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973. № 6, стр. 109; Х. Г. Нигматов. О двухрядных грамматических оппозициях. — «Бухарский педагогический институт. Материалы XVII научно-теоретической конференции». Бухара, 1973. стр. 141—142.

Первый ряд оппозиций

Второй ряд оппозиций

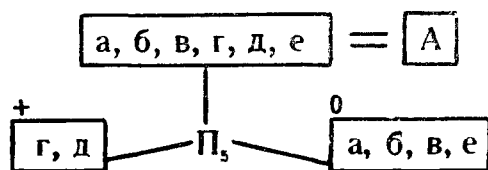
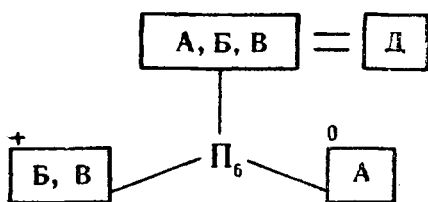

Схема 1.

Первый ряд оппозиций

Второй ряд оппозиций

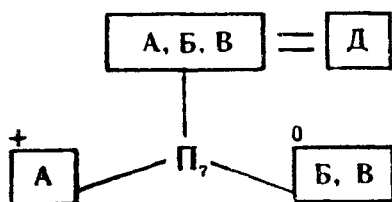

Схема 2.

шению к P_6 . Таким образом, внутрикатегориальные и межкатегориальные отношения грамматических форм находятся в диалектическом единстве.

В диалектической логике качества и свойства вещи (объекта изучения) рассматриваются как проявляющиеся в ее отношениях с другими элементами. Поэтому все свойства элементов **а, б, в, г, д, е**, проявляющиеся в их взаимоотношениях, должны быть сведены воедино (см. табл. 2).

В этом наборе марок оппозиций (дифференциальных сем) элементов категории **А** признаки P_4 и P_6 являются взаимоисключающими (контрарными). При этом следует иметь в виду, что из парадигматического значения элемента должен быть удален нейтральный признак, если данный элемент в другом ряду оппозиций имеет маркированный признак, исключаящий этот нейтральный.

Поскольку для элементов **а, б, в** маркированным является P_1 , а нейтральным — P_6 , то последний признак переводится в число периферийных. Что же касается элементов, для которых как P_1 , так и P_6 — нейтральные признаки, то здесь следует иметь в виду, что P_6 всегда предполагает наличие P_5 (обратное неверно!). Поэтому из парадигматического значения элементов, у которых при нейтральном P_6 имеется маркированный P_5 , следует перевести в число периферийных признак P_1 . Парадигматическое значение и периферийные признаки каждого элемента категории **А** после указанной операции отражены в таблице 3.

Таблица 2

Символы	Набор признаков
а	$\begin{matrix} + & o & + & + & o & o \\ P_7 & P_6 & P_1 & P_2 & P_4 & P_5 \dots \end{matrix}$
б	$\begin{matrix} + & o & + & o & o & o \\ P_7 & P_6 & P_1 & P_2 & P_5 \dots \end{matrix}$
в	$\begin{matrix} + & o & + & + & + & o \\ P_7 & P_6 & P_1 & P_2 & P_4 & P_5 \dots \end{matrix}$
г	$\begin{matrix} + & o & o & o & + & + \\ P_7 & P_6 & P_1 & P_2 & P_5 \dots \end{matrix}$
д	$\begin{matrix} + & o & o & o & + & + \\ P_7 & P_6 & P_1 & P_2 & P_3 & P_5 \dots \end{matrix}$
е	$\begin{matrix} + & o & o & o & o & o \\ P_7 & P_6 & P_1 & P_2 & P_3 & P_5 \dots \end{matrix}$

Таблица 3

Символы	Парадигматическое значение	Периферийные признаки
а	$\begin{matrix} + & + & + & o & o \\ P_7 & P_1 & P_2 & P_4 & P_5 \dots \end{matrix}$	$\begin{matrix} o \\ P_6 \end{matrix}$
б	$\begin{matrix} + & + & o & o & o \\ P_7 & P_1 & P_2 & P_5 \dots \end{matrix}$	$\begin{matrix} o \\ P_6 \end{matrix}$
в	$\begin{matrix} + & + & + & + & o \\ P_7 & P_1 & P_2 & P_4 & P_5 \dots \end{matrix}$	$\begin{matrix} o \\ P_6 \end{matrix}$
г	$\begin{matrix} + & o & + & + & + \\ P_7 & P_6 & P_2 & P_5 \dots \end{matrix}$	$\begin{matrix} o \\ P_1 \end{matrix}$
д	$\begin{matrix} + & o & o & + & + \\ P_7 & P_6 & P_2 & P_3 & P_5 \dots \end{matrix}$	$\begin{matrix} o \\ P_1 \end{matrix}$
е	$\begin{matrix} + & o & o & o & o & o \\ P_7 & P_6 & P_1 & P_2 & P_3 & P_5 \dots \end{matrix}$	—

Периферийные (исключенные из парадигматического значения элемента) признаки характеризуют окказиональные, транспонированные случаи реализации элемента. Поэтому в таких случаях элемент системы семантико-функционально либо соприкасается с другими формами, входящими в данную или другую микросистему и становится синонимом этих форм, либо характеризуется усиленной аффективностью. Например, у элементов **г** и **д** периферийным является P_1 (то есть указание на действие, совершившееся до момента речи). Поэтому значение сочетания этих форм с формой прошедшего времени глагол *эр-* принципиально отличается от значения этих форм при их реализации без *эрди*. Общеизвестно, что формы типа *-гай+эрди*, *-галыр+эрди* имеют ирреальное значение (то есть в положительной форме выражают не состоявшееся, а в отрицательной форме — состоявшееся действие): *өлүмүг тыдар эрсэ дунйа нэңи болуб өлмөгэй эрди бэглэр бэги* («Кутадгу би-

лиг», бейт 1183)⁶ 'если бы богатства могли приостановить смерть, то (родившись) не умер бы бек беков'; *бу күнләрдә бир күн бу өгдүлмиш-ә туруб йатгалыр эрди* (бейт 5828) 'однажды этот Огдүлмиш хотел было лечь (спать)'.

В сочетании с *эрди* имеют ирреальное значение также формы условного и повелительно-желательного наклонений, маркированные по признаку P_6 : *қамуғ өлсүн эрди билигсиз отун* (бейт 1517) 'повымерли бы все невежественные поддлецы'; *ачыб көрсә эрдиң* (бейт 4618) 'если бы ты попытался раскрыть'. Из этого можно делать вывод, что ирреальность по своей сущности представляет собой реализацию признака «идеальность» (P_6) в прошедшем времени. Поскольку признак P_6 содержится в парадигматическом значении элементов *г* и *д* (см. табл. 3), можно сказать, что в периферийных случаях употребления сущность элемента хотя и видоизменяется, но сохраняется; дифференциальные семы, включенные в парадигматическое значение формы, выступают причиной, основанием по отношению к периферийным случаям реализации данной формы.

Теперь несколько слов об особенностях парадигматического значения элементов. Изучая состав парадигматического значения элементов, нетрудно заметить, что в определении каждого элемента находят свое выражение такие положения диалектической логики, как вещь в себе, вещь в отношениях, вещь в развитии, единство противоположностей, общее и единичное и др. Это связано с тем, что, во-первых, все свойства элемента, проявляющиеся в многообразных его отношениях с другими элементами, концентрируются в самом элементе, рассматриваются как содержащиеся в нем самом; во-вторых, не все дифференциальные семы, указанные в парадигматическом значении элемента, связаны друг с другом родо-видовыми отношениями; среди них имеются противоречивые, но не исключающие друг друга разнородные признаки (например, P_4 по отношению к P_1 и к P_2 , P_3 по отношению к P_6 и P_2 и т. д.). Поэтому единство парадигматического значения формы диалектически противоречиво.

Кроме того, в парадигматическое значение формы включаются не все признаки, а его существенные стороны, закономерные связи. Это не значит, что каждый элемент в конкретных случаях своей реализации не может иметь дополнительных признаков; некоторые индивидуальные признаки (например, видовая характеристика действия для временных форм), которые для данной микросистемы не являются существенными, могут стать существенными при выступлении этого элемента в качестве единицы другой микросистемы и противопоставлении другим формам. Таким образом, в определении элемента указаний в явном виде на все его особые, индивидуальные признаки не содержится, однако эти признаки не игнорируются, не элиминируются, а учитываются, допускаются в определении в скрытом виде⁷.

Как явствует из таблицы 3, каждый элемент категории *А* определяется через маркированный родовой признак P_7 и через особые индивидуальные признаки, уточняющие и дополняющие родовой признак. Маркированных индивидуальных признаков не имеет только элемент *е* (аорист). Поэтому в разнообразных конкретных манифестациях элемента *е* сущность категории *А* отражается полнее, чем в других элементах

⁶ Здесь и далее примеры приводятся по: Юсуф хос Хожиб. Қутадғу билиг. Нашрага тайёрловчи Қайом Каримов. Тошкент, 1971. Всюду сохраняется транскрипция, принятая в указанном издании.

⁷ Ср.: «Диалектика и логика. Законы мышления», стр. 98—99.

данной микросистемы, осложненных выраженными дополнительными индивидуальными признаками. Элемент *е* способен отражать значение категории *А* в более или менее «чистом» виде (ср.: значение общевременного действия в тюркском аористе⁸); он выступает как синтез при снятии противопоставления тезис — антитезис и раскрывает действительное единство противоположных сторон. В неантогонистически противопоставленных группах форм *а-б-в* и *г-д* элемент *е* выступает как их единство, как включенное третье по отношению к обеим сторонам⁹. Его сущность является из взаимоотношений категорий *А*, *Б*, *В* как элементов микросистемы *Д*, так как, во-первых, нейтральность категории *А* в целом по отношению к контрарным признакам Π_1 и Π_6 проявляется только в элементе *е* и, во-вторых, наиболее «чистое», не осложненное дополнительными маркированными семами временное (точнее вневременное) значение свойственно парадигматическому значению лишь элемента *е*.

Иными словами, сущность элемента *е* может быть вскрыта только тогда, когда преодолевается односторонность противопоставления *а-б-в* и *г-д* внутри категории *А*. Третьим по отношению к *а-б-в* и *г-д* выступает реальное противоречие между *а-б-в* и *г-д*, то есть противоречие категории *А*. Благодаря разрешению противоречий между *а-б-в* и *г-д* в элементе *е* и достижению единства категории *А* становится возможным возникновение нового противоречия на более высокой ступени, а именно — в микросистеме *Д* при соотношении категорий *А*, *Б*, *В* по признаку Π_6 . Сам же Π_6 основывается на нейтральности категории *А* в целом по отношению к признаку Π_1 , которая проявляется только в элементе *е*.

Хотя и элемент *е* не содержит по внутрикатегориальным отношениям маркированных признаков, нельзя утверждать, что сущность этого элемента осталась в данной системе неопределенной. Из внутрикатегориальных отношений вытекает, что для элемента *е* не обязателен ни один из внутрикатегориальных оппозиционных признаков категории *А*, но, с другой стороны, в подсистеме *г-д-е* элемент *е* является единственной формой, нейтральной по отношению к Π_1 — признаку, через который осуществляется противопоставление подсистем *а-б-в* и *г-д-е*.

Парадигматическое значение элементов категории *А* отражает два важнейших положения диалектики: 1) содержит противоречие элемента и диалектику общего и единичного; 2) предполагает момент развития.

Рассмотрим эти положения. Обратимся к элементу *а* и к его парадигматическому значению — $a = \overset{+}{\Pi_7}\overset{+}{\Pi_1}\overset{+}{\Pi_2}\overset{0}{\Pi_4}\overset{0}{\Pi_5}...$ Данный набор признаков показывает, что элемент *а* связывается с остальными элементами категории *А* через родовой признак Π_7 , однако в конкретных случаях реализации этого элемента родовой признак осложняется, дополняясь индивидуальными признаками Π_1 , Π_2 . Кроме того, в речи элемент *а* помимо этих признаков может либо иметь, либо не иметь Π_4 , Π_5 и прочие признаки, несущественные для данной микросистемы. Однако быть нейтральным к ним, как это указано в его определении, он не может.

На фоне вышесказанного не представляется недостаточным или противоречивым также определение элемента *е* как $e = \overset{+}{\Pi_7}\overset{0}{\Pi_6}\overset{0}{\Pi_1}\overset{0}{\Pi_2}\overset{0}{\Pi_3}\overset{0}{\Pi_5}...$ Здесь содержатся общий (родовой) признак Π_7 и индивидуальные признаки; в конкретных случаях реализации элемент *е* может колебаться в

⁸ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 461; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 257.

⁹ О включенном третьем диалектической логики см.: «Диалектика и логика. Законы мышления», стр. 174—203.

пределах указанных признаков, но не иметь ни одного из них или иметь все эти признаки в совокупности не может.

Таким образом, парадигматическое (или общее) значение грамматической формы выступает как общее, проявляющееся через многочисленные конкретные единицы¹⁰. Однако это общее противоречиво, ибо оно, допуская одно значение, исключая другое, являясь нейтральным по отношению к третьему, содержит в диалектическом единстве разнородные семы. Парадигматическое значение формы, получаемое таким путем, выступает как семантическая возможность, на основании которой грамматическая форма выполняет в различных своих манифестациях различные функции и получает те или иные оттенки, причем сама эта семантическая возможность формы выступает как диалектическое единство противоположных (разнородных) сем. При реализации грамматических форм эти противоположные семы могут выступать в диалектическом единстве, но одна из них может быть нейтрализована, сведена к нулю. Очень часто развитие (изменение) грамматических форм, возникновение материально (субстанционально) тождественных, но функционально различных языковых элементов происходит по причине одностороннего, изолированного развития определенных дифференциальных сем парадигматического значения, в результате чего возникают новые типы значения формы или же изменяется ее место в микросистеме.

Парадигматическое значение, основывающееся на внутрикатегориальных и межкатегориальных отношениях формы, является более богатым, содержательным, чем ее конкретные манифестации. Например, аорист в конкретной манифестации выражает либо реальное, либо идеальное действие, может либо иметь модальные оттенки, либо не иметь их, то есть в каждом конкретном случае аорист реализует только часть признаков, указанных в его парадигматическом значении.

Кроме того, такое определение парадигматического значения формы позволяет предсказать (без специального исследования) некоторые явления (см. табл. 3), связанные, например, с реализацией временных форм в речи:

1. Из нейтральных признаков подсистемы **а-б-в** периферийным является **П₆**. Поэтому выражение идеального действия формами прошедших времен встречается редко и сопровождается усиленной аффективностью: *тутайы сэн аймыш сөзүң тыңладым* (бейт 3904) 'допустим, я прислушался к твоим словам'.

2. Формы, у которых **П₁** выражен в сочетании с **-ды/-ди** (или **эрди**), должны иметь значение плюсквамперфекта (прошедшего по отношению к другому прошедшему): *байат бэрди эрди аңар жан раван йана йандру алды чыңыб барды жан* (179/34)¹¹ 'бог дал ему душу и снова взял, (и) душа улетела'.

3. Аорист, способный выражать и реальное, и идеальное действие, в сочетании с **-ды/-ди** (**эрди**) также может обозначать как реальное, так и ирреальное действие: *азыб йүгрүр эрдим айу бэрди йол* (бейт 378) 'я блуждал, он указал (мне) верный путь'; *сатыгчы йүрүмәди эрсә кәзиб көзүн ким көрәр эрди йинжү тизиб* (бейт 4323) 'если бы торговцы не ходили (по всему свету), кто бы мог увидеть нанизанные жемчужины'.

¹⁰ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 22—25.

¹¹ Юсуф хос Хожиб. *Ўзгумишнинг ўлими* («Кутадгу билиг»дан). — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1973, № 1, стр. 67.

4. В процессе исторического развития при наличии благоприятных условий нейтральные признаки, указанные в парадигматическом значении формы, могут стать маркированными, то есть грамматическая форма может изменить свое место в микросистеме. В истории развития узбекского языка подобное явление наблюдается в аористе, который являлся (см. табл. 3) нейтральным по отношению к P_5 , но в дальнейшем стал маркированным в оппозиции по признаку выраженности модальных значений. Поскольку P_6 при выраженности P_5 исключает P_1 , последний из парадигматического значения тюркского аориста перешел в периферийный признак, и аорист стал в узбекском языке формой будущего времени с модальными оттенками категоричности и предположительности, а место аориста заняла другая форма с аффиксом *-a/-й*.

Далее остановимся коротко на характере морфологических оппозиций. Как явствует из схем 1, 2, каждая отдельно взятая оппозиция грамматической формы имеет привативный характер. Но парадигматическое значение не сводится к дифференциальному признаку данной формы в одной привативной оппозиции, а представляет собой диалектическое единство противоречивых признаков, как устойчивых, так и неустойчивых. Поэтому парадигматические взаимоотношения форм внутрикатегориально и межкатегориально не ограничиваются отношениями привативности. Если рассмотреть противопоставление элементов категории **А** с точки зрения их парадигматического значения, то нетрудно заметить следующее:

1) деление элементов по их парадигматическому значению носит характер не дихотомии, а трихотомии, поскольку категория **А** распадается на три группы форм: в первую группу входят элементы **а, б, в** на основании выраженности у них P_1 , вторую группу составляют элементы **г, д**, объединенные нейтральностью по отношению к P_6 , третьим между **а-б-в** и **г-д** является элемент **е**, который, будучи нейтральным по отношению к P_1 и P_6 , выступает как диалектическое единство первых двух групп, как их синтез;

2) в рамках парадигматического значения привативным является противопоставление только элементов **а** и **в**; оппозиции остальных форм являются эквиполентными;

3) парадигматическое значение слабого члена привативной оппозиции не ограничивается «не-сигнализацией признака сильного члена»; сущность слабого члена привативной оппозиции является прямой противоположностью сущности сильного члена¹², а случаи манифестации слабого члена оппозиции в значении (функции) сильного (позиции нейтрализации) являются периферийными и опираются на семы, маркированные в парадигматическом значении формы. Такие случаи функционирования выступают общим сегментом, включенным третьим между сильными и слабыми членами оппозиции. Наличие такого общего сегмента между полярно противопоставленными членами привативной оппозиции является следствием:

а) непрерывности языковой системы [так как через этот общий сегмент (включенное третье) полярно противопоставленные по какому-нибудь признаку формы взаимно связываются, составляя единство];

б) диалектического характера противопоставленности языковых форм (так как во включенном третьем полярности сходятся, противоречие снимается).

¹² А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, стр. 86.

Таким образом, благодаря разграничению оппозиций грамматических форм на основании дифференциальных признаков (семантических множителей) и оппозиций на основании парадигматического значения, вытекающего из содержательного анализа дифференциальных сем, можно избежать той односторонности, которая присуща теории грамматических оппозиций Р. Якобсона и его последователей, неоднократно вызвавшей дискуссию в языкознании¹³.

¹³ А. А. Реформатский. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 106—122; Е. И. Шендельс. О грамматической полисемии. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3, стр. 51—52; А. В. Бондарко. Система глагольных времен в современном русском языке. — Там же, стр. 32—33.

С. М. ИСХАКОВА

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НАРОДНОРАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ТАТАР

Как известно, в Сибири, на территории Омской, Тюменской, Томской, Новосибирской и Кемеровской областей, проживают тюркоязычные народы, объединяемые общим названием — сибирские татары.

Несмотря на то что изучению языков сибирских тюрков посвятили свои работы многие известные отечественные ученые¹, до сих пор еще нет единства во взглядах по вопросу о диалектной основе этих языков. Не выяснено также отношение народноразговорного языка сибирских татар к языку казанских татар, который считается литературной нормой для татарского языка. И вообще язык сибирских татар недостаточно изучен², не обработан и не обобщен фактический языковой материал.

Между тем анализ лингвистических фактов свидетельствует о том, что народноразговорные языки различных этнолингвистических групп западносибирских татар отличаются друг от друга. Это объясняется историческими, географическими, экономическими и другими причинами. Одной из них, например, является чересполосное проживание коренных сибирских татар с другими народами, затруднявшее контакты между татарами различных ареалов.

В ходе экономического и культурного общения сибирских татар с другими народами, близко- или отдаленно-родственными, народноразговорный татарский язык испытывал влияние соответствующих языков и прежде всего казахского. Казахи издавна обитали в Западной Сибири и были близкими соседями сибирских татар. Проникновение узбекского языка шло начиная с XVI—XVII вв. через бухарцев, переселявшихся в Западную Сибирь, главным образом в районы Тюмени, Тобольска, Тары³. Наличие таджикского элемента обусловлено тем, что среди бухарцев, переселившихся из Средней Азии, кроме узбеков, казахов, уйгуров были еще и таджики. Таджикский элемент в языке сибирских татар еще не отмечался, если не считать следующего высказывания Юлиуса Клапрота: «Встретил в Казани бухарцев (1805), которые говорили

¹ См.: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, стр. 204—235; 242—252 и др.

² М. З. Закиев. Развитие родного языка. Казань, 1967, стр. 13—15.

³ См.: Х. Зияев. Средняя Азия и Сибирь XVI—XIX вв. Ташкент, 1962, стр. 238; Ф. Т. Валеев. Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965.

по-персидски и уверяли, что это их родной язык... Все остальные бухарцы, встретившиеся мне позднее в Тобольске, Таре, Томске, являвшиеся коренными жителями здешних мест, повторили то же самое, признав персидский своим подлинным языком, который, однако, в Сибири при длительном совместном проживании с тамошними тюрками перемешался с языком последних»⁴.

На язык сибирских татар оказали влияние также языки народов Саяно-Алтайского нагорья (алтайцев, хакасов, шорцев, телеутов, кумандинцев, тувинцев). Элементы этих языков мы находим в живом разговорном языке сибирских татар. Некоторые наши информанты из сибирских татар утверждали, что их далекими предками были телеуты. В связи с этим уместно вспомнить замечание В. В. Радлова о том, что сибирские татары по своему происхождению — близкие родственники алтайских телеутов, только язык их изменился под влиянием тюркских пришельцев из Средней Азии и восточной России⁵.

В настоящей статье рассматриваются по материалам наших полевых записей древнетюркские элементы в народноразговорном языке отдельных групп западносибирских татар⁶ (термины, фразеологические сочетания, идиоматические выражения).

Многие древнетюркские элементы, бытующие в языке сибирских татар, встречаются в словаре Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» и в ряде других памятников⁷. Однако эти древнетюркские элементы в разговорном языке сибирских татар, как и в других тюркских языках, характеризуются определенными фонетико-морфологическими и семантическими особенностями.

В собранном нами языковом материале имеется ряд выражений, представляющих собой застывшие лексикализованные сочетания (фразеологические сращения):

Öşaq jörtü 'сплетничать', **öşaqşu** 'сплетник'; ср. др.-тюрк. **ушақ**⁸ 'клевета, донос', узб. **ушоқ** 'крошка, мелкий, маленький, крохотный', уйг. **ушақ сөз** (букв. 'мелкое слово')⁹. В литературном татарском языке слово **öşaq** не встречается, ему соответствует фразеологическое сочетание **сүз йөртү, тел болгау, әдәм ите чәйнәү, гайбәт сату**¹⁰.

Suŋqan pörnyp qanatmajtı 'ленивый, беспечный, нетрудолюбивый человек' (букв. 'не окровавивший мышиного носа'), синонимичное сочетание **ауаҫ раҫуп роғмајты** (букв. 'не согнул верхушки дерева'); ср. уйг. **сачқан бурнин қанатмиған**¹¹.

В языке сибирских татар, как и во многих других тюркских языках, часто встречаются идиоматические выражения, в качестве одного из компонентов которых выступают слова **küs||küz** 'глаз', **jaɣuq** 'свет':

⁴ Julius Klaproth. Asia poliglotta. Paris, 1823, стр. 240—241.

⁵ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, часть IV. СПб., 1872, стр. XI.

⁶ Приводимый в сообщении фактический материал получен нами в разное время от информантов: Асмы Шиховой (май, 1961), с. Яланкуль, Большереченский р-н, Омская обл.; Джадилья Мухаммадеева (июнь, 1960), д. Кошкуль, Тарский р-н, Омская обл.; Насретдина Рахманкулова (июль, 1960), д. Берняшка, Тарский р-н, Омская обл. и др.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV в., т. I. Ташкент, 1966; А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.

⁸ Махмуд Кошгарий. Девону лугатит турк, т. I. Тошкент, 1960, стр. 144.

⁹ Ч. Г. Сайфуллин. Опыт морфологической классификации фразеологических единиц современного уйгурского языка. — «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Иранская и тюркская филология». Ташкент, 1956, стр. 97—118.

¹⁰ «Татар теленен фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре». Казан, 1967, стр. 49.

¹¹ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб.

Küs qolaq pulu 'присмотреть, последить' (букв. 'быть глазами и ушами'), ру *balaça küs qolaq pulu* *toruñçu* 'приглядывайте за этим ребенком', ср. уйг. *көз қулақ болмақ*; лит. тат. *күз колак булу*.

Küsem jetäte 'предвидеть, предусмотреть' (букв. 'глаз доходит'), *äñneñ ruçuq yuluyna küsem jetäte ite* 'я предвидел, что дело потерпит неудачу', ср. уйг. *көз йетмәк*, лит. тат. *күзем житә*.

Küsem älenep kitte 'задремал' (букв. 'глаза слепились'), ср. уйг. *көзи илинип кәтти*.

Küs jaru 'родить' (букв. 'просветлеть в глазах'), *jaru* — производное от слова *jaruq* 'свет', ср. уйг. *köžu jarıd*¹².

Jaryq küstä 'засветло' (букв. 'свет в глазах'), *jaryq küstä öigä ƣajt* 'вернись домой засветло'; ср. лит. тат. *якты күздә*.

Jaryq töšte 'рассвело', *jaryq töšte toru äräk* 'рассвело, нужно вставать'; ср. лит. тат. *якты төште*.

Бинарное словосочетание *syƣar küs||güs* (букв. 'один глаз, единственный глаз') в языке сибирских татар также является идиомой, означающей «закадычный друг». Отдельные компоненты этого сочетания могут употребляться самостоятельно или вместе с другими словами. Например: *syƣar patıñkä* 'один ботинок'; *syƣar juşum* 'один чулок'; ср. др.-тюрк. *sıƣar* 'половина', *sıƣarla-* 'считать кого-либо одиноким, слабым'¹³. В Словаре Махмуда Кашгари *sınar* имеет значение «одна сторона, боковая сторона»¹⁴.

Küskä ässe kürenten 'очень знакомый, близкий человек (вещь)' (букв. 'моим глазам показался очень горячим'), ср. узб. *кўзга иссиқ куйриймоқ*.

K'üs qaraƣu 'проголодаться' (букв. 'почернеть в глазах').

Ƙaş ƣaraƣanta 'сумерки, вечернее время' (букв. 'когда брови почернеют'), *ƣaş ƣaraƣanta öigä ƣajttu* 'когда стемнело, вернулся домой', ср. каз. *ƣас ƣарайғанда*, лит. тат. *әңгер-меңгер*.

Каждый из компонентов всех этих идиоматических выражений в отдельности употребляется в прямом смысле. В приведенных же сочетаниях они приобретают новое значение.

Roƣom jer 'укромное место'. В этом сочетании термин *jer* 'место' имеет широкое значение, а определение *roƣom* 'укромное' сочетается только с этим существительным, ср. уйг. *боюм йер*.

Tajaq jeü 'получать побои, быть побитым' (букв. 'есть палку'), ср. уйг. *таяқ йемәк*, лит. тат. *кыйнашу* 'биться, драться, бить друг друга' (взаимовозвратная форма от глагола *кыйнау* 'бить'). В литературном татарском языке отмечено также фразеологическое сочетание *кыен ашау* 'съедать, получать постоянно побои'¹⁵.

Представляет интерес бытующее в языке сибирских татар древнее выражение *раş таңи* 'угощение в связи с проводами кого-нибудь в путь, дальнюю дорогу', первый компонент которого *таңи* изолированно не встречается. По свидетельству информантов, в старину провожающие преподносили подарки человеку, отправляющемуся в путь, и слово *таңи*, по всей вероятности, можно возвести к др.-тюрк. *таңуқ* 'подарок царям перед походом'¹⁶.

¹² А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 22.

¹³ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 504.

¹⁴ Махмуд Кошгарий. Указ. соч., т. III, 1963, стр. 386.

¹⁵ Э. М. Ахунзянов. Фразеологические сочетания как вид фразеологических выражений. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Казань, 1970, стр. 109.

¹⁶ Махмуд Кошгарий. Указ. соч., т. III, стр. 376.

Puḡun tajanu 'подбочениться, стоять подбоченясь', *перен.* 'стоять с довольным видом' (букв. 'опираться в бедра'), ср. др.-тюрк. *bikün* 'бок, бедро'¹⁷, узб. *биқин*, *қишининг биқини* в том же значении, каз. *буйрін таяну*, лит. тат. *билгә таяну*.

Pülä suḡar, pulä suḡatu 'человек, который может нанести сильный удар, убить насмерть' (букв. 'расколет ударом пополам'); ср. каз. *болә соғады*.

Tojaḡ pastru 'приобрести скотину вместо проданной или зарезанной', ср. каз. *тояқ бастру* (букв. 'поставить копытце').

Qabyḡa jabu 'пожиться за счет кого-нибудь' (букв. 'покрыть ребра [жиром]'); ср. каз. *қабырға жабу*.

Quša ɣartaḡu 'совместно состариться (о супругах)', (букв. 'состариться парой'), ср. др.-тюрк. *қош||қуш* 'пара'¹⁸.

В языке сибирских татар слово *маң* встречается лишь в составе двух идиоматических выражений:

Maḡ pasmaity 'шагу не ступит, шага не сделает': *Maḡ pasmaity Patimä äbä peskä* 'Тетя Фатыма к нам не приходит (ногой не ступает)'.

Maḡ parmaity 'не подходит, не налезает': *patinḡkäse maḡ parmaity* 'ботинки не налезают, не по ноге'.

Слово *маң*, по-видимому, восходит к др.-тюрк. *маңғ* 'шаг'¹⁹. Зафиксировано оно также в башкирском и казахском языках, например: каз. *аяқты маң-маң басу* 'ходить важно, приосанившись'.

Перечень этот может быть продолжен.

Изучение имеющегося в нашем распоряжении обширного материала по языку сибирских татар позволяет сделать следующие выводы:

1. Древнетюркский пласт весьма четко прослеживается во фразеологии западносибирских татар, причем бытующие в народноразговорном языке многие древнетюркские слова и термины сохраняют прежнюю семантику.

2. Некоторые древнетюркские слова перестали употребляться самостоятельно, став архаизмами, и встречаются лишь в идиоматических выражениях, сохранившихся преимущественно в лексике старшего поколения западносибирских татар.

3. Древнетюркские элементы обнаруживаются в различных жанрах устного народного творчества западносибирских татар, особенно в фантастических сказках.

4. Язык сибирских татар изобилует элементами узбекского, казахского, уйгурского языков, а также языков тюркских народов Алтая.

5. Изучение древнетюркских элементов в лексике и морфологии современного народноразговорного языка западносибирских татар, восстановление архетипов лексики этого языка будут способствовать более глубокому раскрытию родственных связей между языками тюркских народов.

6. Сравнительное изучение древнетюркских элементов имеет также большое значение для историко-этнографического изучения сибирских татар, в частности для выяснения их происхождения, исторических, экономических и культурных связей с другими народами.

¹⁷ Махмуд Кошгарий. Указ. соч., т. I, стр. 380.

¹⁸ Там же, т. III, стр. 139.

¹⁹ Там же, стр. 376.

Л. В. ДМИТРИЕВА

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НАЗВАНИЯ С КОРНЕМ *БОҢ-~*БОҚ-)

В тюркских языках есть глагольный корень *боҢ-~*боқ- со значением «душить, давить», «завязывать, затягивать». Его фонетические варианты: туркм., тур., карaim. к., аз., лоб., уйг. боҢ-, карaim. к., казах., тат., карач.-балк., карaim. т. г., ног. бу-, гаг., кирг. бӯ-, каракалп. був-, башк. бив°, узб. боҢ-, ж.-уйг., хак. поҢ-, алт. бӯ-, тув. боҢ-, чув. пов°- (Севортян, Сл.)¹.

В монгольских языках этому глаголу соответствует: монг. боҢ- < *bogā- 'связывать', ср.-монг. бо'о- 'преграждать, загораживать (путь)', халх. бō- 'завязывать' (P. Vergl., 2)²; монг. боҢ- < *bogā- 'связывать' = эв. бōк- < *bogā-k 'удерживать, сдерживать, останавливать' = др.-тюрк. боҢ- 'задушить' (P. Vergl., 123).

М. Ряснен находит параллели тюркскому боҢ- ~ буҢ- ~ бӯ- 'задушить' ~ як. буоҢ- 'запрещать' также в монг. боҢ- 'связывать' ~ тунг. бōк- 'удерживать, сдерживать' ~ ф.-угр.: эст. роо- 'вешать', венг. fűl- 'задушить', 'утопить' (Räs. EW, 78)³.

Таким образом, корень *боҢ- ~ *боқ- можно считать общеалтайским.

Среди производных от него в тюркских языках укажем: др.-тюрк. боҢит 'узел', 'сустав, сочленение (у пальцев, тростника)', боҢип 'сустав', 'сочленение'. Нам кажется, что производными от этого же корня являются зафиксированные в словаре В. В. Радлова основы: тур. бубдақ 'узлы', 'сучья', казах. бӯда 'вязанка (дров)', тур. будақ 'сучок, отпрыск', 'ветвь', 'виноградная лоза', староузб. боқ 'древесная кора' (P. Сл., IV)⁴. Сюда же отнесем др.-тюрк. боҢиқ ~ буиқ ~ бӯқ 'опухоль, нарыв в горле, зоб', др.-тюрк. буиқ 'бутон', 'соцветие, чашечка'.

Если обратиться к материалам В. М. Иллича-Свитыча по ностратическим языкам, то там мы найдем следующие параллели: алт. *р'ока 'пузырь' (ульч. роко 'пузырек', 'зоб рябчика', нан. рока 'пузырь', 'мозоль', ма. fuka 'пузырь') ~ драв. *rokк 'пузырь' (тамил. rikku- 'покрываться пузырями', телугу rokku 'пузырь' || 'покрываться пузырями') (И.-Св., 1966, стр. 403)⁵.

¹ Словник к подготовляемому Э. В. Севортяном этимологическому словарю тюркских языков (машинопись). Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность Э. В. Севортяну за предоставленную им возможность использовать материалы этого словаря.

² N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Wiesbaden, 1960.

³ M. Räsänen. Versuch Etymologischen Wörterbuch der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1969.

⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1888—1911.

⁵ В. М. Иллич-Свитыч. Соответствия смычных в ностратических языках. — В сб.: «Этимология, 1966». М., 1968.

На основании приведенного выше по словарю В. В. Радлова тур. *бубдақ* 'узлы', 'сучья', явного производного от корня **боф*- ~ **боқ*-, мы относим к производным от того же корня и тур. *будақ* 'сучок, отпрыск', 'ветвь', 'виноградная лоза' через реконструкцию **буф*-+*ыт*+*ақ*.

Это название ветви встречается в следующих фонетических формах: др.-тюрк. *butaq* ~ *butiq*, Зам.⁶ *budaq*, узб. XIV в. *бутақ* ~ *будақ*, казах., карач.-балк., кирг., кумык., ног., тат. Том. (Абдрахманов)⁷ *бутақ*, узб. *бутоқ*, башк., тат. *ботақ*, тат. Бараб. *ботақ* ~ *бытақ*, *путақ* ~ *потақ*, тур. *budak*, азерб. *будаь*, тув. *будук*, як. *бутук* ~ *мутук*, алт. Туба *быдақ* (Баскаков)⁸, туркм. *пудақ* 'ветвь, побег', казах. *бутақша*, каракалп. *путақша* 'ветвь, побег' < *бутақ* в том же значении + афф. -*ша*, образующий имена уменьшительные.

В. В. Радлов в словаре отмечает, что, например, тар., тел., алт., леб., кюар. *путақ* 'ветвь, ветка' произошло от глагола *пута*- ~ *пуда*-+афф. -*қ* (Р. Сл., IV). Наиболее полно значения этого глагола приводятся у Э. В. Севортяна (Севортян, Сл.): туркм. *пұда*-, тур., азерб. *буда*-, караим. к., карач.-балк., караим. г., кирг. *бута*-, казах., тат., башк., узб. *бута*-, ног. *быта*-, каракалп. *пута*-, ж.-уйг. *пуге*-, алт. *буда*-, як. *мута*- 'обрезать ветки, удалять сучья', 'рубить дрова', 'срубить, уничтожить'. Есть в кирг. *бута*, лоб. *пута* 'кустарник', 'растение' (Севортян, Сл.).

Судя по указанному выше значению глагола *бута*- 'обрезать ветки', в основе *бута*- должен быть корень со значением 'ветвь, ветка'. Это, очевидно, *бут*, так как -*а*- — глаголообразующий аффикс. В туркм. глагол *пұда*- с долгим *ұ*, то есть *пұт*. Тогда вполне закономерно, что *пұт* < **пуф*- ~ **буф*-+афф. -*ат*, образующий отглагольные имена абстрактного значения (в результате этого словообразования возникла основа со значением «ветвь, ветка»).

Сравним эту основу с основой *бутақ* 'ветвь'. Тогда в предлагаемой нами реконструкции *бутақ* < **буф*-+*ыт*+*ақ* можно вычленить *бұт* 'ветвь'+афф. -*ақ* (афф. -*ақ* образует от имен имена с уменьшительным значением).

М. Ряснен также связывает основу *бутақ* 'ветвь, ветка' с *бута*- 'обрубать ветки' (Räs. EW., 90).

К корню **боф*- ~ **боқ*- мы относим и основу *бубдай* 'пшеница', реконструируя ее через: **боф*- ~ **боқ*+-афф. -*ыт*+афф. -*ай*, где первый аффикс образует залоговую форму от корня **боф*- (~ **буф*-) в значении 'завязывать', а второй аффикс образует отглагольные имена.

В словнике к этимологическому словарю Э. В. Севортяна отмечены следующие фонетические варианты этого слова: туркм., тур., уйг. *бубдай*, азерб. *бубда*, караим. к., лоб. *бофдай*, карач.-балк., караим. т. г. *будай*, кирг. *будай*, казах. *бидай*, ног., каракалп. *бийдай*, тат. *бұдай*, башк. *бүйзай*, узб. *бубда*⁹, алт. *будай*, хак. *пубдай*, тув. *быда*, гаг. *ббдай* 'пшеница', 'крупа', 'суп с крупой', 'каша'. М. Ряснен в качестве параллелей приводит монг. *buɣudaj* 'пшеница' и гольд. *būda* (Räs. EW., 86).

⁶ *Замахшари*. Мукаддимат ал-адаб [по статье: А. К. Боровков. Названия растений по бухарскому списку Мукаддимат ал-адаб. (К изучению узбекской ботанической терминологии). — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 96—111].

⁷ М. А. Абдрахманов. О составе и развитии некоторых групп лексики томско-тюркских говоров. — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. XX, вып. 2. Томск, 1962, стр. 112—126.

⁸ Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба—кижи). М., 1966.

Действительно, в монгольских языках: п.-монг. *boγudaj*, монг. *бугудай*, калм. *būd'ā ~ bud'ā* 'пшеница'; в тунгусо-маньчжурских: нег. *буда* 'пшено', орох. *буда* 'пшено', 'пшеничная каша', 'похлебка (из пшенной крупы)', орок. *буда ~ будда* 'крупя', нан. *бода* 'каша (из пшена или чумизы, жидкая, пресная)', 'похлебка (из крупы)', маньчж. *буда* 'каша (преимущественно пшеничная)', 'вареная пища', 'обед', 'время еды', ср. чж. *pūh-tū-kuāi* 'рис' (СТМЯ)⁹.

Г. Клозон тюрк. *buğdāy ~ buğday* возводит к корню *bōg+афф. -tay||-tey, который он определяет как редкий и с неясным значением (Clauson, 312)¹⁰.

Г. И. Рамstedт относит это название пшеницы к корню *bug (без указания, глагольный или именн. это корень и каково его значение). Он приводит в качестве параллелей голл. *tuži* 'овес', 'ячмень', айн. *tingi*, яп. *tingi* 'ячмень', 'пшеница', среднетюрк. *buḡsu* 'блюдо, приготовленное из пшеницы с миндалем и соусом', *buḡsum* 'пиво' (R. Einf., 58)¹¹.

В славянских и индоевропейских языках название пшеницы восходит к глаголу «толочь, дробить». Например, рус. *пшено, пшеница* — к глаголу *пыхати* 'молоть', суфф. -ено передает понятие 'толченое (-пшено)'. *Пшеница* — от тем. *пышен-*+суфф. -ица, то есть такое зерно, которое дает пшено-муку (Преображенский¹², — в связи с глаголом *пихать* 'толкать, двигать').

Ср. в семитских языках глагол «молоть» дает производное название злака или муки: ар. *тахана* (*тхн*) 'молотить', *ханта* (*хнт*) 'пшеница'¹³. В осетинском В. И. Абаев отмечает очень близкое по звучанию тюркскому названию пшеницы слово *buğdæg ~ buğdæg* 'открытый (о местности)', 'неогороженный', 'обнаженный' и поясняет: «Восходит к ир. *buxtaka, где *buxta*- прош. причастие от *baug-* 'распускать', бел. *bojaq-* 'открывать'»¹⁴. Значение «открытый» (и тогда *buğday* — заимствование из иранских языков) могло бы быть отнесено к названию пшеницы, так как особенностями ее как злака является безостость, отсутствие пленки у зерен.

Вслед за Г. И. Рамstedтом мы возводим название *бугдай* к корню *боγ- (~ *буγ-), который отмечает и Г. Клозон. Мы считаем, что это общеалтайский глагольный корень. Учитывая показания монгольских языков, можно предположить, что наиболее старая его форма звучала как *боγ- (>монг. *bogā <*bog-+ā <-а- с ларингалом?) и одно из его значений «связывать», а именно «связывать крест накрест», легло в основу тюрко-монгольского (<алтайского) названия пшеницы *бугдай ~ бугудай*.

На тюркской и монгольской почве отсутствуют основы со значением «толочь», «молоть» в фонетическом облике, близком к *боγ- ~ *боқ-.

Очень широкое распространение данного названия пшеницы в тюркских и монгольских языках, так же как и распространенность других про-

⁹ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (составлен коллективом авторов под редакцией и при участии В. И. Цинциус). Находится в печати. Выражаю искреннюю благодарность авторам — сотрудникам сектора алтайских языков ЛОИЯ АН СССР за возможность пользоваться материалами словаря.

¹⁰ G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

¹¹ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki, 1957.

¹² А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

¹³ В. П. Старинин. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С. С. Майзея). — «Советское востоковедение», 1955, № 104, стр. 104.

¹⁴ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958.

изводных от корня **боу*- ~ **боқ*-, позволяет предполагать в этом названии исконный алтаизм, а не заимствование, хотя бы и очень близкое по звучанию.

Думается, что будет правомерным указать на примере двух производных от корня **боу*- ~ **боқ*- названий, относящихся к миру растений («ветвь» и «пшеница»), следующие необходимые условия для сравнительно-исторических и этимологических исследований в тюркских языках:

1) привлечение (правда, с величайшей осторожностью) материалов других алтайских языков (в возможных случаях — и ностратических языков);

2) выявление заимствований;

3) учет всех диалектальных форм, как и всех единичных фонетических показателей (например, по словарю В. В. Радлова *бубдақ* 'ветка');

4) учет всех старых (по памятникам и другим источникам) форм;

5) уделение серьезного внимания долготам в корнях как показателю утраченных ларингалов;

6) учет морфологических и семантических показателей при реконструкциях и этимологизации, то есть учет значений и особенностей употребления конкретных аффиксов, так же как и учет зафиксированных в литературе семантических моделей и значений для реконструируемых названий (здесь необходим выход за пределы тюркских и алтайских языков).

К. М. МУСАЕВ

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ*

Сравнительная лексикология — одно из слабо разработанных направлений в тюркологии. Несмотря на существование многих классификационных схем тюркских языков, до сих пор не выявлены главные лексико-семантические дифференцирующие признаки их основных групп: северо-восточных, среднеазиатских, северо-западных (кыпчакских) и юго-западных (огузских) тюркских языков.

В лексике тюркских языков выделяются два типа слов, в которых нашли отражение их исторические взаимоотношения: интегрирующие и дифференцирующие.

К интегрирующим элементам в лексике и семантике тюркских языков относятся слова и их значения, имеющие наибольшую частотность употребления в повседневной жизни при аналогичных условиях быта, ведения хозяйства и т. д. Это прежде всего названия основных явлений природы, частей тела человека и животных, личные и указательные местоимения, простые количественные числительные, основные названия цветов, качеств и свойств, основные глаголы движения и состояния. Эта категория слов — один из главных показателей лексической общности древнетюркских языков; являясь в лексико-семантическом плане едиными для всех или большинства тюркских языков, такие слова обнаруживают ареальные различия, главным образом фонетические.

Например, название *березы* (семейство деревьев и кустарников, широко распространенных на территории расселения тюркоязычных народов) одинаково во всех тюркских языках (редкие исключения составляют позднейшие заимствования или новообразования): кирг., каз., каракалп., алт. *қайың* 'береза', тат., башк., кумык., карач.-балк., крым.-тат. *қайын*, тур., караим. т. *кайын*, узб. *қайин*, уйг. *кейин*, азерб. *гайын*, туркм. *гайың*, хак. *хазың*; тув. *хадың*, якут. *хатың*, чув. *хурйан*.

В некоторых языках это слово претерпело семантические изменения (например, в турецком оно обозначает также «бук»).

В свое время Махмуд Кашгари использовал данное название в качестве одного из показателей для фонетической классификации тюркских языков. Это указывает на то, что еще в XI в. это слово было общим для тюркских языков¹. Весьма часто общетюркские слова встречаются в монгольских языках, а иногда и в тунгусо-маньчжурских. Например, *қайың* имеет следующие параллели в монгольских языках: монг. *хусун* (орф.

¹ Махмуд Кашгари. Туркий сўзлар девони (в дальнейшем — МК), т. I. Тошкент, 1960, стр. 68.

хусан), бурят. *хунун* (орф. *хунан*), калм. *хусун* (орф. *хусм*). Г. И. Рамстедт сравнивает данное слово также с лексемами некоторых самодийских языков: арин. *кус*, ненецк. *хо*². В. М. Иллич-Свитыч считал реконструированной алтайской формой этого слова форму *күүба*, близкую к диалектному слову в эвенкийском языке³. Название березы относится к первому — главному типу интегрирующих лексических элементов тюркских языков.

Существуют общетюркские слова и другого типа. Несмотря на наличие у них общего корня, дифференциация групп тюркских языков происходит на базе морфологических особенностей этих слов (здесь мы несколько отвлекаемся от фонетических особенностей слова).

Например, название *овцы* также относится к числу общетюркских слов. Во всех современных тюркских языках его корень обозначается словом *қой* с незначительными фонетическими отклонениями: ног., каз., каракалп., кирг., уйг., карач.-балк., кумык., крым.-тат., караим. *қой*, караим. т., г. *кой*, тат., башк. *қуй*, узб. *қўй*, хак., тув. *хой*.

Это же слово, но с морфологическим приращением употребляется в юго-западных (огузских) тюркских языках. Однако такое явление нельзя рассматривать как лексический дифференцирующий признак, образующий отдельный лексический ареал тюркских языков. Скорее им очерчивается морфологический ареал, или производится морфологическая дифференциация: турим., азерб. *гойун*, тур., гаг. *койун* (элемент *-ун* рассматривается тюркологами как морфема, некогда выражавшая значение уменьшительности⁴). По форме к юго-западному названию овцы близко монгольское и бурятское *хони(н)*.

Углубленное изучение лексики тюркских языков выявляет существование на этом уровне множества дифференцирующих классификационных элементов. Можно установить лексико-семантические показатели, четко делящие тюркские языки на две большие группы — кыпчакскую и огузскую, и показатели более дробного деления. В числе этих показателей немало слов, относящихся к древнему слою лексики. Такие элементы указывают на особенности самостоятельного развития отдельных тюркских языков после распада общетюркского языка-основы.

Современный уровень наших знаний позволяет определить признаки огузских, кыпчакских, восточных и карлукских (среднеазиатских) языков в конкретных лексических пластах, объединенных явно выраженной семантической общностью.

Сложную картину исторического взаимодействия тюркских языков позволяет представить, например, исследование названия *коровы*, по которому современные тюркские языки можно разделить на четыре ареала:

1) слово *сыйыр* 'корова' в разных фонетических вариантах представляет собой характерный термин для основной, весьма обширной группы кыпчакских языков (восточных, северных и части западных): каз., каракалп., ног., тат. *сыйыр*, башк. *һыйыр*; к этой же зоне примыкают некоторые тюркские языки, по многим другим признакам отличающиеся от языков данного ареала: узб., уйг. *сийир*, туркм. *сығыр*, гаг. *сыыр*;

2) другой ареал образует слово *ийнек* 'корова' в различных фонетических вариантах, охватывающее сибирские и юго-западные тюркские

² G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, стр. 199.

³ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — В сб.: «Этимология». М., 1965, стр. 330.

⁴ W. Bang. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen. — «Kélet Szemle», XVII. Budapest, 1916—1917, стр. 131, 142; А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 110.

языки: тур., гаг. *инек*, азерб. *инэк*, тув. *инек*, хак. *інек*, якут. *ынах*; к этой же группе относится чувашское *ене*; в киргизском языке это слово встречается в старом слое лексики и в фразеологизмах:

3) третий ареал характеризуется наличием обоих приведенных названий коровы (ареал западно-кыпчакских тюркских языков): карач.-балк. *ийнек/сыйыр*, крым.-тат. *ийнек/сығыр*, караим. *сығыр/ийнек*, кумык. *сыйыр/ийнек*, Cod. Сип. *сығыр/ийнек*; эти названия отражают тесные исторические контакты, существовавшие между указанными выше кыпчакским и огузским ареалами; в армяно-кыпчакских памятниках встречается *ийнак*;

4) наконец, четвертый ареал характеризуется наличием третьего слова для обозначения коровы в тюркских языках: алт., кирг. *уй*. Отдельно стоит уйгурское название — *кала*.

Из приведенных трех основных названий коровы в древнетюркских памятниках упоминаются два: *инек* и *уз*. Только у Махмуда Кашгари встречается слово *сығыр* 'корова', что свидетельствует, по-видимому, о характерности его для западных тюркских языков.

К дифференцирующим словам относится также название *свиньи*, четко делящее современные тюркские языки на две группы: характерным огузским названием следует считать *доууз*, употребляющееся в современных юго-западных и западно-кыпчакских языках; в кыпчакских языках для обозначения свиньи распространено слово *чочка* (в разных фонетических вариантах). Языки с почти параллельным употреблением слов *доууз* и *чочка* образуют так называемую зону вибрации. Примечательно, что для последних языков характерно и параллельное употребление двух различных названий коровы: *инек* и *сыйыр*.

Следует отметить, что в «Словаре» Махмуда Кашгари широко употребляется *доууз*, а *чочка* в фонетическом варианте *чочук* встречается лишь один раз в значении «поросенок». Это свидетельствует, по-видимому, о том, что *чочка* во времена Махмуда Кашгари было характерно для западных тюркских языков (западных кыпчакских) и не употреблялось на востоке, где был создан труд выдающегося ученого.

Весьма возможно, что тюркское *чочка*, *шошка*, *сосха*, *сысна* имеет древнейшую связь с индоевропейским названием свиньи — *сус*, ср. русск. *свинус*, *свинья* и т. д.⁵

Зоологи отмечают два древних вида свиньи: азиатского кабана и восточноевропейскую свинью. Возможно, тюркские названия свиньи отражают эти разновидности животных, встречавшихся на территории расселения тюркоязычных народов еще в древнюю эпоху.

Для установления исторических взаимоотношений тюркских языков важное значение имеет исследование новообразований, возникших на базе данной лексической единицы, различных пословиц, поговорок и фразеологизмов с участием этого слова, возможностей данного слова-названия образовывать словосочетания с другими словами. Все это можно проследить на примере названия свиньи.

В западнокыпчакских языках имеется общее единое название свиньи, варианты которого отличаются фонетически чередованием начального *т/д*: карач.-балк. *тоңуз*, Cod. Сип. *тоңуз*, арм.-кум. *тоңуз*, кумык. *доңуз*, караим. т. *доңуз*, крым.-тат. *домуз*. Слово *тоңуз/доңуз* имеет также переносное значение в ряде языков: «невежда», «низкий, нечистоплотный человек». Все новообразования, обозначающие предметы, понятия и явле-

⁵ Ср.: E. Benveniste. Noms d'animaux en Indo-Européen. — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 45, f. 1, Paris, 1949, стр. 74.

ния, связанные со словом «свинья», образуются от этого основного слова: Cod. Сип., арм.-кум. *кийик тоңуз*, карaim. т. *кийик доңуз* 'кабан', 'дикая свинья'; Cod. Сип. *тиши тоңуз*, карaim. т. *тиши доңуз*, карач.-балк. *ана тоңуз* 'самка свиньи', 'свиноматка', карач.-балк. *тоңузчу*, кумык. *доңузчу* 'свинопас', карач.-балк. *тоңузчулуқ*, кумык. *доңузчулуқ* 'свиноводство', карач.-балк. *тоңуз ферма*, кумык. *доңуз ферма* 'свиноводческая ферма', карач.-балк. *тоңуз эт*, кумык. *доңуз эт* 'свинина' и т. д.

Разработка проблем сравнительной лексикологии имеет важное значение как для исследования проблем тюркологии и вопросов развития «алтайских» языков в целом, так и для исследования окружающих языков, имевших в историческом прошлом непосредственные контакты с тюркскими языками.

Современной тюркской диалектологией выявлен и накоплен огромный материал по лексико-семантическим и фонетическим особенностям диалектов и говоров тюркских языков. Однако этот ценнейший материал, отражающий исторические взаимосвязи тюркских языков и их отношения с другими «неродственными» языками (шире — исторические связи носителей этих языков), еще не подвергнут сравнительному исследованию с целью выявления общетюркской лексики.

Нормы современных литературных тюркских языков во многом еще окончательно не установились, они находятся в процессе формирования и дальнейшего развития. В литературные языки наряду с неологизмами, возникающими посредством внутреннего словообразования и внешнего заимствования, проникает и богатая диалектная лексика, отражающая особенности общественно-бытового уклада, обычаев, занятий носителей диалектов.

Группа диалектных слов зафиксирована в ряде диалектологических словарей тюркских языков, монографиях, а также в многочисленных диссертациях.

В этих работах отражены, как можно судить по весьма условной и предварительной классификации, следующие особенности диалектной лексики в сопоставлении с данными современных литературных языков.

1. Фонетическое отличие литературного и диалектного слов при общей семантике.

Например, в татарском литературном языке слово со значением «сирота» имеет фонетическую форму *йатим*, а в диалекте — *житим*, отличающаяся от литературной обоими гласными: *и—е* [*i*] вместо лит. *а—и*, а также начальным согласным: соответствие *ж—й*⁶.

Слово со значением «хлев» в литературном башкирском языке — *азбар*, а в восточном диалекте — *албар*. Здесь интересно соответствие *з—л*. Остальные звуки слова полностью совпадают. Вместе с тем данное диалектное слово находится в связи и со следующей группой диалектальной лексики (семантически отличаясь от соответствующего слова литературного языка), обозначая также «открытый загон для скота»⁷.

2. Семантическое различие литературного слова и соответствующего диалектного.

Например, башк. *аласык* в литературном языке, как и во многих других тюркских языках, означает «лачуга», ср., например, каз. *лашык*, карaim. *алачык*, русск. *лачуга*, заимствованное из тюркских языков. В диалектах башкирского языка это слово имеет более узкое специаль-

⁶ «Татар теленең диалектологик сүзлеге» (под ред. Л. Т. Махмутовой). Казан, 1969, стр. 574.

⁷ «Башкорт һейләштеренең һүзлеге» (под ред. Н. Х. Максүтовой). Өфө, 1970, стр. 25.

ное значение: «сруб с крышей на летовках для хранения молочных продуктов», «летняя кухня»⁸.

В татарском литературном языке слово *алма*, как и во всех тюркских языках, имеет основное значение «яблоко»; однако в диалекте оно означает «картофель»: *алма боткасы* 'картофельное пюре', *алма бәлеше* 'пирог с картофелем'; *алма кыймагы* 'картофельные лепешки, оладьи' и т. д.⁹

Данная группа слов тесно связана со следующей группой диалектной лексики.

3. Лексика, характерная для разговорного языка местного населения. Примером такой лексики могут служить слова, входящие в предыдущую группу.

4. Лексика, связанная с ремеслами или бытом, характерными для данной местности, другими словами, профессиональная лексика.

Например, в диалектах и говорах казахского, каракалпакского, узбекского и туркменского языков, носители которых занимаются выращиванием дынь, имеется множество связанных с этим занятием специальных терминов¹⁰.

5. Слова, отражающие связи диалекта или говора с соседними тюркскими и нетюркскими языками в историческом прошлом и в настоящее время.

Например, каз. диал. *орам* 'улица', *азбар* 'двор, хлев' отражают как исторические связи казахского языка с западнокыпчакскими и северокыпчакскими языками, для которых эти слова являются литературной нормой, так и современные контакты между языками этих групп.

Следует также отметить, что какое-либо слово, являющееся диалектным для одного тюркского языка, может быть литературным для другого. Например, каз. южн. *шақы* вместо лит. *бұтақ* указывает на связь говоров с бытующим в них этим словом с карлукскими языками, в которых иранское заимствование *шох* является литературным. В данном случае можно вполне определенно утверждать, что каз. *шақы* заимствовано из узбекского языка, так как оно характерно прежде всего для узбекского и уйгурского языков. Казахский же язык в южной части Казахстана, где распространено это слово, исторически контактировал с узбекским языком.

6. Слова, отражающие древние связи племени или рода — носителя данного диалекта или говора с другими родственными или находившимися в длительном территориальном контакте племенами и этническими группами.

Эта группа слов требует более детального исследования, ибо тюркоязычные племена в древности постоянно смешивались. Сказанное относится прежде всего к казахскому языку: ср. казахский обычай запрещения внутриродовых браков, сохранившийся до наших дней, с заключением браков между двоюродным братом и сестрой у народов, подвергшихся сильному влиянию ислама.

Если исходить из предположения, что отдельные отличительные признаки современных огузских и кыпчакских языков установлены, к примеру, в названиях ряда животных и растений, то, используя диалект-

⁸ «Башкорт һөйләштәренә һүзлегә», стр. 24.

⁹ «Татар теленә диалектологик сүзлегә», стр. 34—35.

¹⁰ См., например: Т. Бегжанов. Каракалпак тили диалектологиясының мәселелеринен. Нөкис, 1971, стр. 92—93. Этой категории слов посвящены также многие исследования С. И. Ибрагимова по узбекской диалектологии.

ные материалы, можно определить ареалы сильного смешения кыпчакских и огузских языков. Это смешение отчетливо прослеживается в диалектах узбекского, туркменского языка и западнокыпчакских языков: кумыкского, караимского, карачаево-балкарского и крымскотатарского. Следы подобного смешения, имевшего место в далеком прошлом, остались в диалектах и говорах восточнокыпчакских языков, в первую очередь казахского и каракалпакского.

Современный туркменский литературный язык, по известным классификациям, относится к языкам огузской группы, однако, на наш взгляд, это требует уточнений. Многие морфологические, синтаксические и лексические явления дают основание считать туркменский язык близким к кыпчакскому типу языков. Например, для обозначения коровы в туркменском языке употребляется слово *сығыр*, характерное для кыпчакских языков. Однако в диалектах, например в диалекте хасарли, распространено огузское слово *инэй*, а литературное *сығыр* имеет узкое значение — «рабочий вол». В литературном туркменском языке заяц обозначается огузским словом *товшан*, а в диалектах, например в том же диалекте хасарли, употребляется кыпчакское слово *ғойан*¹¹. Приведенные примеры показывают, что даже один диалект может отражать смешение разных племенных языков: огузских и кыпчакских.

Характерной особенностью буйнакского диалекта кумыкского языка является параллельное употребление кыпчакского и огузского слов в названии коровы: *сыйыр* и *инек*. Однако в других диалектах наблюдается употребление единого названия коровы: хасавюртовское *сыйыр* — кыпчакское, хайдакское *инек* — огузское¹².

Кумыкское литературное название вишни — *джиш* можно рассматривать как кыпчакское слово, распространенное во многих тюркских языках. В диалектах же бытует позднее заимствование, характерное для огузских языков, — *албели*.

В каракалпакском языке, одном из типичных кыпчакских языков, свинья обозначается словом *шошқа*. Однако в говорах этого же языка встречается и параллельное употребление огузского *доңыз*¹³.

Особенности диалектов ногайского языка указывают на то, что этот язык служит как бы связующим звеном между западнокыпчакскими и восточнокыпчакскими языками. Например, западнокыпчакское слово *кертти* 'правда', характерное для караногайского диалекта, отсутствует в акногайском диалекте. Иногда подобные связи находят отражение в фонетических особенностях общего слова: караногайское *қағыз* имеет фонетическое сходство с соответствующими словами восточнокыпчакских и северокапчакских языков, тогда как акногайское *қағыт* имеет фонетические соответствия в западнокыпчакских языках.

Древние исторические связи восточнокыпчакских и западнокыпчакских языков в диалектной лексике проявляются ярче, чем в лексике литературных языков. Например, в караимском языке имеется название месяца *курал ай* 'май' (об этимологии этого слова пока можно делать лишь предположения). В говорах казахского языка это название сохра-

¹¹ См.: Г. Сапарова. Диалект хасарли туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1970, стр. 17.

¹² См.: А. Сатыбалов. Очерки по лексике и семантике кумыкского языка. Л., 1946, стр. 172.

¹³ См.: Т. Бегжанов. Указ. раб., стр. 90.

нилось в словосочетании *құралайдың салқыны* 'прохлада месяца куралай', что было уже отмечено С. Омарбековым¹⁴.

Многие из окраинных диалектизмов тюркских языков показывают тесные контакты того или иного диалекта или говора с диалектами или говорами соседних нетюркских языков, что особенно четко прослеживается в диалектных названиях растений и животных. Например, характерным для литературного кумыкского языка является обозначение понятия «стадо» словом, типичным для кыпчакских языков, — *белек*; в кайтагском же диалекте этого языка употребляется даргинское заимствование *нахир*, что отражает длительные тесные контакты носителей данного диалекта и иберийско-кавказских языков. Слово «слива» в литературном языке обозначается иранским заимствованием *шаптал*, распространенным во многих тюркских языках, в то время как в кайтагском диалекте в этом значении употребляются иберийско-кавказские заимствования *чадиган* и *чIавлихъ*¹⁵.

Из перечисленных групп наиболее важными для сравнительно-синхронного и сравнительно-исторического исследований лексики тюркских языков являются вторая, пятая и шестая, в которых нашли отражение весьма сложные взаимоотношения между тюркскими языками, а также древние контакты тюркских языков с нетюркскими.

Сбор диалектной лексики требует от исследователя тщательного определения диалектной принадлежности каждого слова, чтобы исключить возможность отнесения к диалектной лексике широко распространенных слов, употребление которых не ограничивается определенным ареалом.

Как мы видим, сравнительное исследование диалектной лексики тюркских языков может дать много интересного и ценного для изучения истории этих языков.

¹⁴ С. Омарбеков. Зор тынысты зерттеу. — «Известия Академии наук Казахской ССР», серия общественных наук, 1967, № 4, стр. 94.

¹⁵ И. Керимов. Очерки кумыкской диалектологии. Автореф. докт. дисс. Баку, 1967, стр. 13.

Н. А. БАСКАКОВ

ПРОЦЕССЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ АЛТАЙСКОГО (ОЙРОТСКОГО) ЯЗЫКА*

Исторические условия сложения некоторых тюркских общенародных языков способствовали объединению диалектов и говоров хотя и родственных, но различных по своему происхождению племен и этнических групп. Интеграция происходила под эгидой единого общенародного языка и под его нивелирующим воздействием.

Один из типичных примеров диалектной структуры таких языков представлен в современном алтайском (ойротском) общенародном языке, возникшем на основе южных диалектов. Причем этот язык является единым как для алтайцев — носителей южных диалектов, так и для алтайцев — носителей северных диалектов, имеющих довольно отдаленное родство с диалектами юга.

Под влиянием единого литературного языка, на котором ведется преподавание в начальной школе, транслируются радиопередачи, печатаются газеты, общественно-политическая и художественная литература и т. д., естественно, изменяется речь алтайцев — носителей северных диалектов, приобретая некоторые общие с южными диалектами черты.

Однако и литературный алтайский язык, в свою очередь, испытывает влияние северных диалектов. Происходит так называемая интерференция — проникновение специфических особенностей литературного языка (или что то же — южных диалектов) в устную речь носителей северных диалектов и обратный, значительно менее интенсивный процесс — проникновение главным образом лексических элементов северных диалектов в литературный алтайский язык.

Чем же характеризуются процессы интерференции в развитии алтайских диалектов?

Как уже отмечалось, более интенсивному воздействию подвергаются, безусловно, северные диалекты под нивелирующим влиянием литературного языка. Это воздействие реализуется в основном на фонетическом уровне и в меньшей степени на морфологическом, в то время как обратное влияние происходит лишь в лексике, главным образом в терминологической ее части.

Известно, что северные диалекты алтайского языка по своим классификационным признакам относятся к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-лунской ветви тюркских языков, в то время как южные диалекты — к кыпчакско-киргизской группе той же ветви тюркских языков.

Из трех северных диалектов наиболее интенсивно подвергся воздействию южных диалектов диалект туба (черневых татар), в то время как кумандинский и чалканский изменились в меньшей степени.

Любопытно, что северные диалекты в первую очередь воспринимают у южных диалектов (а следовательно, и у литературного языка) наиболее специфические фонетические особенности, которые в начальный период сосуществуют с соответствующими явлениями, характерными для северных диалектов, и только затем приобретают доминирующее значение.

Так, для северных диалектов характерен начальный *č*, а для некоторых основ *n'* вместо их субститутов—общетюркского *j* и алтайского *dj ~ tj*. Этот начальный *č* в туба диалекте встречается уже значительно реже, чем в кумандинском и чалканском, в которых он также подвержен замене *č > dj ~ tj*; ср. *djyl ~ tjyl* вместо *čyl* 'год', *djyš ~ tjyš* вм. *čyš* 'лес, чаща'; *djaqšy ~ tjaqšy* вм. *čaqšy* 'хороший' и пр.

Сказанное относится и к изменению *n' > dj ~ tj*; ср. *djaan ~ tjaan* вм. *n'aan*; *djaŋys ~ tjaŋys* вм. *n'aŋys* 'один, единственный', *djan ~ tjan* вм. *n'an* 'бок'; *djeŋ ~ tjeŋ* вм. *n'eŋ* 'рукав'; *djeŋil ~ tjeŋil* вм. *n'eŋil* 'легкий' и пр.

Таким образом, северные диалекты приобретают характерный для южных диалектов признак *dj ~ tj* вм. *č, n'*.

Факультативными в произношении представителей северных диалектов становятся характерные для них проточные *š'* и *ž'* и аффриката *č*—южных диалектов; ср., например: *čyq- ~ š'yq-* 'выходить'; *čanaq ~ š'anaq* 'сани'; *č'ekrep ~ š'ekrep* 'сукно' и т. д. при старой норме *š'yq-, š'anaq, š'ekrep* и т. д. или: *pyçaq ~ pyž'aq ~ pyš'aq* 'нож'; *biči- ~ piž'i- ~ piš'i-* 'писать'; *qačap ~ qaž'an ~ qaš'an* 'когда' и т. д. при норме *pyž'aq ~ pyš'aq, piž'i ~ piš'i, qaž'an ~ qaš'an* и т. п.

Определенные сдвиги и адаптация происходят также в области губных согласных. Характерные для северных диалектов соответствия *m ~ b* в начале слова и *b||v|| ~ m* в середине слова нарушаются, и губные согласные приходят в соответствие с нормами литературного языка, ср., например, в северных диалектах *müge ~ mögü* 'волк'; *molat ~ molot* 'сталь'; *mursaq* 'барсуk'; *malqaš* 'грязь'; но *tevir ~ tebir* 'железо'; *tabaq ~ tavaq* 'горло'; *töben ~ töven* 'низ' соответственно замещаются литературными формами: *bögü* 'волк' вм. *mögü*, *bolot* вм. *molot* 'сталь', *borgsaq* вм. *mursaq* 'барсуk', *balqaš* вм. *malqaš* 'грязь' и *temir* вм. *tevir* 'железо'; *tamaq* вм. *tavaq* 'горло'; *tömen* вм. *töven* 'низ' или параллельно сосуществуют.

Характерный для северных диалектов конечный согласный *y ~ g* также либо исчезает, полностью замещаясь долгой гласной, как в литературном языке, либо параллельно сосуществует в речи одного и того же носителя диалекта, ср., например: *taγ ~ tuu* 'гора'; *suγ ~ suu > su* 'вода'; *uγ ~ üg > üg ~ üj* 'дом'; *šerig ~ čerüü* 'войско'; *qyγlyγ ~ qyrluu > qyrlu* 'гористый, холмистый' и пр.

В области вокализма северные диалекты также подвержены воздействию южных диалектов и литературного языка.

В речи представителей северных диалектов, особенно представителей диалекта туба, как правило, сосуществуют и те и другие нормы, ср., например, сближение в отношении соответствия узких и широких гласных: для северных диалектов алтайского языка является нормой соответствие общетюркским широким *o, e, ö > u, i, ü*, то есть вокализм, близкий к болгарскому или поволжским современным тюркским языкам — татарскому, башкирскому и, отчасти, чувашскому; для современных говоров диалекта туба и других северных диалектов характерны уже факульт-

тативные варианты: $u \sim o$: $ul \sim ol$ 'он'; $ugo \sim ogo$ 'яма'; $mursaq \sim borsaq$ 'барсуk'; $ujda \sim ojto$ 'обратно' и пр.; $\ddot{u} \sim \ddot{o}$: $müre \sim bögü$ 'волк'; $rürük \sim rörük$ 'шапка'; $\ddot{s}üj \sim \ddot{c}öj$ 'тянуть' и пр.; $i \sim e$: $sibis \sim semis$ 'жирный'; $pik \sim bek$ 'крепкий'; $pil \sim pel \sim bel$ 'поясница'; $ilek \sim elek$ 'решето' и пр.

Таким образом, имеет место вокализм, близкий в отношении слабого различия $e \sim i$, $\ddot{o} \sim \ddot{u}$, $o \sim u$ не только к болгарскому и современным поволжским языкам (чувакскому, татарскому и башкирскому), но и к древнетюркским языкам енисейско-орхонских надписей.

Некоторые сдвиги в сближении речи северных и южных алтайцев под влиянием единого литературного языка наблюдаются и в области характерных морфологических показателей. Так, например, для диалекта туба постепенно становится нормой оформление исходного падежа в соответствии с литературным алтайским языком, а именно: $-paŋ/-peŋ$, $-daŋ/-deŋ$; $-taŋ/-teŋ$ вместо исконного $-dyn/-din$, $-tyn/-tin$, например: $mendiŋ \sim mepeŋ$ 'от меня'; $ügdin \sim üjdeŋ$ 'из дома' или оформление аффикса множественного числа $-lar/-ler$ вм. $-lyŋ/-liŋ$.

Параллельными и факультативными формами стали, например, формы отрицательного дееспричастия: $djebijin \sim djimej$ 'не едя, не евши'; $subabijin \sim soramaŋ$ 'не спрашивая' и т. д.

Любопытно, что процессы интерференции, как уже отмечалось выше, затрагивают наиболее характерные черты северных диалектов, в то время как южные диалекты и современный алтайский литературный язык проявляют несравненно большую устойчивость в отношении воздействия северных диалектов, хотя в области лексики количество терминов, заимствованных из северных диалектов южными и литературным языком, довольно значительно.

Итак, процессы интерференции в развитии северных и южных диалектов алтайского (ойротского) языка характеризуются в большей степени воздействием южных диалектов и базирующегося на них литературного алтайского языка на северные диалекты. Последние постепенно нивелируются: первоначально в них появляются параллельные закономерности в фонетике и факультативные формы слов в морфологии, а затем под влиянием литературного языка, школьного преподавания, печатных изданий и т. п. приобретают характер смешанных диалектов, постепенно ассимилирующихся литературным языком.

Таким образом, северные диалекты, хотя и имеют значительные расхождения с южными и относятся по основным характеризующим их чертам к другим классификационным группам (в данном случае хакасской подгруппе), благодаря воздействию единого литературного языка постепенно сближаются с южными диалектами. В настоящее время представители молодого и среднего поколения северных алтайцев, как правило, говорят уже на едином алтайском литературном языке.

Аналогичные процессы происходят в диалектных системах языков и других тюркских народов, например узбеков или уйгуров, общенародный язык которых образовался в результате консолидации хотя и родственных, но разнотемных этнических групп.

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ТЮРКСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И МАХМУД КАШГАРСКИЙ *

Основное направление в тюркской диалектологии в настоящее время — это синхронная, или описательная, диалектология, имеющая свой объект и свои методы исследования.

Объектом описательной диалектологии является структура диалектного языка с его территориальным варьированием, рассматриваемая в одном, как правило, современном хронологическом срезе¹. Последнее условие, строго говоря, не может считаться обязательным, однако момент современности в исследованиях по тюркской диалектологии пока еще преобладает.

Ведущим методом диалектологических исследований до недавнего времени был монографический. Теперь же диалектологи все чаще обращаются к лингвогеографическому методу — отбору изоглосс и нанесению их на карты.

Если к признакам структурности и территориальности добавить фактор времени, то есть изменяемость, то можно исследовать развитие системы диалектного языка. Этим занимается историческая диалектология, также имеющая свой объект и свои приемы исследования.

Предмет исторической диалектологии — развитие структуры диалектного языка и история диалектного деления языка.

Данное определение можно отнести как к одному конкретному языку, так и к группе родственных языков с единым праязыком. Однако, как показывает опыт сравнительного исследования других языковых семей, выявить диалектное членение праязыка вообще не представляется возможным. Единственное, что удастся сделать, — это приблизительно установить принадлежность одного или нескольких современных языков к более древней языковой общности, которую можно квалифицировать как диалект праязыка².

Для исторической диалектологии источниками являются письменные памятники, современный диалектальный материал, данные лингвогеографии, топонимики и антропонимики.

Старые рукописи и письменные памятники содержат ценнейшую информацию и данные для воссоздания истории диалектного языка. Однако не все тюркские языки располагают такими источниками, к тому же многие памятники написаны алфавитами, неполно отражающими звуко-

¹ К. В. Горшкова. Историческая диалектология русского языка. М., 1972, стр. 5.

² «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1973, стр. 155.

вой состав того или иного языка. Таким образом, тюркоязычные письменные памятники не могут служить главным источником для исторической диалектологии.

Тем не менее существующие старописьменные тексты конкретных тюркских языков должны быть подвергнуты сплошному, целенаправленному исследованию. Изучение письменных текстов включает текстологические наблюдения, сравнение списков, установление орфограмм, приемов письма, связи переписчиков с орфографическими школами, выявление влияния различных культурных центров — то есть все то, что содействует в конечном итоге отделению фактов графико-орфографического порядка от могущих получить чисто лингвистическую трактовку³.

Всем этим должно заниматься **лингвистическое источниковедение** — вспомогательная дисциплина по истории языка, еще не существующая в тюркологии, но необходимость которой, по мере расширения исторических исследований, все более ощущается.

Тюркоязычных письменных памятников, связанных с современными языками и диалектами по линии генетической преемственности, совсем немного. Поэтому основное место в сравнительно-исторических исследованиях, особенно в области исторической фонетики, занимают данные диалектов и говоров. Все это вызывает необходимость широкого исследования диалектной речи методами экспериментальной фонетики и фонологии и обобщения полученных результатов. При исторической трактовке изоглосс большую ценность представляют карты с территориальной проекцией языковых явлений, квалифицируемых в качестве элементов системы.

Оценивая диалектные различия, необходимо определить их принадлежность к архаизмам или новообразованиям. При этом лингвистические карты современных диалектов тюркских языков в отдельных случаях станут не только важнейшим, но и единственным источником установления древнего диалектного членения того или иного языка.

Вспомогательную роль при диалектных реконструкциях играют данные о тюркских заимствованиях в неродственных языках, а также материал тюркской топонимики и антропонимики.

В исторической диалектологии применяются те же методы, что и в историческом языкознании: сравнительно-исторический метод в сочетании с приемами этимологии, метод внутренней реконструкции и типологический метод, языковые универсалии.

Метод внутренней реконструкции является частным случаем сравнительно-исторического метода. В исторической диалектологии, базирующейся на ретроспективном методе внутренней реконструкции, существует прием «от исследователя к прошлому», иначе говоря, диалектолог начинает исследование с анализа современного диалектного языка, а затем, последовательно снимая поздние пласты и проникая таким образом в более древние, описывает прошлые состояния и прослеживает тем самым диалектную систему в развитии⁴.

Историческая диалектология как предмет представлена в тюркском языкознании недостаточно широко. Объяснение этому следует искать в общем состоянии сравнительных исследований в тюркологии.

Сравнительно-исторический метод пока очень слабо используется тюркологами, он не стал еще, как в индоевропеистике, признанным инструментом исследования.

³ К. В. Горшкова. Указ. раб., стр. 24—26.

⁴ Там же, стр. 46.

Все еще не проведена полная реконструкция тюркского праязыка. Практически тюркский язык-основа не известен исследователям. Поэтому, естественно, он и не привлекает внимания тюркологов-диалектологов. Можно назвать только некоторые направления тюркского языкознания, имеющие отношение к исторической диалектологии, наметившиеся в основном в 60-е годы.

1. Классификация древнетюркских языков и диалектов.

Ранняя схема принадлежит В. В. Радлову, более поздние разработаны С. Е. Маловым, Н. А. Баскаковым, А. фон Габэн. Причем первая и последняя посвящены специально древнетюркским языкам и диалектам, а вторая и третья рассматривают их в связи с общей классификацией тюркских языков. Все эти схемы строятся на разных исходных данных и вследствие этого дают неодинаковые результаты.

Разумеется, уточненное построение подобной схемы станет возможным лишь после обстоятельного изучения древнетюркских языков и выяснения их диалектного состава.

2. Разыскания в области диалектологии языков тюркских рунических и древнеуйгурских памятников.

С. Е. Малов, во всех тонкостях знавший материал рунических надписей, заметил вариативность некоторых языковых черт и предложил перенести их на географическую карту для выяснения территориальных границ явлений — пожелание, так и оставшееся нереализованным.

И. А. Батманов сделал попытку определения диалектной принадлежности языка рунических памятников на основании выбранной им совокупности признаков.

Следует заметить, что в тюркских рунических надписях нашел отражение наддиалектный стандартный язык, бывший в ходу у многих тюркоязычных племен и племенных объединений. Этот язык не отражал местные диалектные признаки. Локальные рефлексy носили нерегулярный характер, и судить по ним о диалектном членении едва ли возможно. Исследователи отмечают, к примеру, «диалектную окраску» языка надписи Тоньюкука. С. Е. Малов указывал на уйгуризованный характер глагола в памятнике в честь Моюн-Чура. Существует предположение, что в древнеуйгурских надписях на алфавите брахми отобразилась диалектная единица, противостоявшая уйгурскому ареалу в целом. Вопрос этот в какой-то мере можно решить, используя лингвогеографический метод, то есть путем отбора вариативных признаков и нанесения их на карту.

3. Возведение определенных диалектных явлений современных языков к их архетипу.

Данный прием применил Н. К. Дмитриев при описании говора татар Сызрани; им пользовались также некоторые другие исследователи диалектных говоров тюркских языков. Этот путь, открывающий историческую перспективу развития диалектных систем, основан на внутренней реконструкции и может быть широко использован диалектологами.

4. Выяснение связей средневековых письменных памятников с современными языками и диалектами, поиски своего рода «опорного диалекта» языка письменных памятников.

Здесь прежде всего следует отметить исследования Г. Ф. Благовой и Х. Даниярова об отношении языка чагатайских памятников и языка узбекской диалектной группы «тюрк». Сюда же можно отнести намечающийся сейчас способ определения диалекта переписчика на основании языковых вкраплений в тексте памятника.

5. Выявление и описание языков древнетюркских племен.

Следует назвать публикации А. Н. Кононова и М. Ш. Ширалиева о языках племен, упоминаемых Махмудом Кашгарским, работу З. Б. Му-

хаммедовой о языке туркмен по данным письменных памятников мамлюкского Египта и статью Э. Р. Тенишева о языке древних киргизов по материалам языка этнической группы киргизов уезда Фу Юй (КНР). Тема «языки тюркских племен по Махмуду Кашгарскому» отнюдь не исчерпана, хотя она и привлекала уже внимание исследователей. В рамках небольшой статьи не представляется возможным осветить этот вопрос с соответствующей полнотой, как это сделано, например, в работе О. Прицака о языке болгар по сведениям Махмуда Кашгарского. Однако можно, суммировав имеющиеся у Махмуда Кашгарского данные, воссоздать контуры языков (диалектов) отдельных племен, что имеет определенное значение при рассмотрении ряда вопросов тюркской исторической диалектологии, а именно: отношения этих языков к праязыковой общности, их связи с современными тюркскими языками, диалектами и зональными объединениями тюркских языков.

Ниже рассматриваются языки только тех племен, для которых тот или иной тюркский язык является родным.

Махмуд Кашгарский делит племена территориально на две группы: западную и восточную. Западная группа — печенеги, кыпчаки, огузы, емеки, башгырты, киргизы, болгары, сувары. Восточная группа — чигили, аргу, тохси, ягма, уйгуры.

Языки западных тюркских племен

1. Язык кыпчаков.

1. Гласный *e* вместо *i*:

sen вм. sin 'ты'.

2. В начале имен и глаголов вместо *j* ноль звука или *ǰ*:

elkin вм. jelkin 'путешественник'⁵.

yluy вм. jyluy 'теплый',

ǰinǰū вм. jinǰū 'жемчуг',

ǰuydu вм. juǰdu 'длинная верблюжья шерсть'.

3. Смычный *b* в начале слова вместо *m*:

ben вм. men 'я',

bün вм. mün 'суп, похлебка'.

4. В середине имен *p* вместо *k*:

erpek вм. ektek 'хлеб'.

5. Среднеязычный *j* в середине слов вместо *ǰ*:

qajun вм. qaǰun 'береза',

qajun вм. qaǰun 'тесть, деверь',

ajuy вм. aǰuy 'медведь'.

6. В середине имен и глаголов *z* вместо *j* встречается только в речи некоторых кыпчаков, по-видимому, билингвов или усвоивших неродной язык:

azaq вм. ajaq 'нога',

tozdy вм. tojdy 'насытился'.

⁵ Примеры см.: C. Brockelmann. Mahmud al-Kāšghari über die Sprachen und die Stämme der Türken in XI Jahrh. — KCsA, I, 1, 1921, стр. 26—40; Besim Atalay. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, I, III, Endeks. Ankara, 1939—1943; ego же. Divanü lûgat-it-türk dizini. Ankara, 1972.

7. В середине имен *d* вместо *j*:

adaq вм. ajaq 'нога',
adyu вм. ajuu 'медведь'.

8. В середине имен ноль звука вместо *y*:

čutuq вм. čutyuq 'пестрая ворона',
tataq вм. tamyaq 'горло'.

9. В середине имен *g* вместо *h*:

ügi вм. ühi 'филин',

10. Причастие на -ап вм. -уап:

baḡap вм. baḡuap 'идуший',
uḡap вм. uḡuap 'бьющий, ударяющий'.

11. Показатель прошедшего времени -dam вместо -dum:

bardam вм. bardum 'я отправился'.

12. Глагольные формы с формантами -dačy, -asy и -duq (во всех лицах).

13. Отдельные слова: evet — частица утверждения, uṣap 'двухпарусный корабль'.

Перечисленные признаки говорят либо о сильной смешанности языка кыпчаков, либо о том, что под одним термином *кыпчак* объединялись различные этнические группы, в языках которых имелись локальные особенности.

II. Язык емеков.

1. *q > x* перед *s*:

aḡsa- вм. aqsa- 'хромать'.

2. В середине имен и конце глагольных основ *z* вместо *j*:

aзақ вм. ajaq 'нога',
tozdy вм. tojdy 'насытился'.

3. Глагольная форма на -asy.

4. Отдельные слова: ota- 'жесть, сжигать'.

Емеки входили в состав кыпчаков. Их язык, по свидетельству Махмуда Кашгарского, близок языкам кыпчаков, киргизов, огузов, тохси, чигилей, ягма.

III. Язык башгыртов.

По свидетельству Махмуда Кашгарского, язык башгыртов, как и язык емеков, близок языкам кыпчаков, киргизов, огузов, тохси, чигилей, ягма.

IV. Язык огузов.

1. Гласный *e* вм. *i*:

sen вм. sin 'ты'.

2. В начале имен и глаголов вместо *j* ноль звука или *ž*:

elkin вм. jelkin 'путешественник, гость',
ylyu вм. jylyu 'теплый',
žinžü вм. jinžü 'жемчуг',
žuydu вм. juydu 'длинная верблюжья шерсть'.

3. Начальный *b* вместо *m*:

ben в м. мен 'я',
bün в м. mün 'суп, похлебка'.

4. Начальный и конечный *d* вместо *t*:

deve в м. teve 'верблюды',
öd в м. öt 'отверстие'.

5. Серединные *kt* вместо *gd*:

bökte в м. bögde 'кинжал',
jikte в м. jigde 'лох, джигда'.

6. В середине слов *j* вместо *δ*:

qajun в м. qadun 'береза',
qajun в м. qadun 'тесть, деверь',
ajuu в м. aduu 'медведь'.

7. В середине слов *d* вместо *δ*:

aduу в м. aduu 'медведь'.

8. В середине имен ноль звука вместо *γ*:

čimuc в м. čimuc 'пестрая ворона',
tamaq в м. tamac 'горло'.

9. Конечный *w* вместо *v*:

aw в м. av 'охота',
ew в м. ev 'дом'.

10. Причастие на -ап в м. -уап:

baran в м. barun 'идуший',
uran в м. urun 'бьющий'.

11. Формы прошедшего времени с аффиксом -dam вместо -dum:

bardam в м. bardum 'я отправился'.

12. Формы настоящего времени с аффиксом -a:

men baran 'я иду',
men turan 'я встаю'.

13. Глагольные формы с аффиксами -γuçu, -daçu, -asy, -duq (для всех лиц)

14. Отдельные слова: bart 'сосуд для воды', čeg 'время', imir 'сумерки', evet/(j)emet — частица утверждения.

Сравнение языков огузов и кыпчаков обнаруживает большое сходство их фонетики, морфологии и значительную смешанность, что позволило Махмуду Кашгарскому в ряде случаев объединять оба языка.

V. Язык булгар.

1. В середине имен и конце глагольных основ *z* вместо *j*:

azaq в м. ajaq 'нога',
tozdu в м. tojdu 'насытился'.

2. Глагольная форма на -asy.

3. Отдельные слова: lav 'воск для печатей'.

Серединный *z* соответствует срединному же *r* в языке памятников Волжской Булгарии XIII—XVII вв.⁶

VI. Язык суваров.

1. Гласный *e* вместо *i*:

sep вм. sip 'ты'.

2. Начальный *b* вместо *m*:

ben вм. men 'я',

bün вм. mün 'суп, похлебка'.

3. В середине слов *z* вместо *j*:

azaq вм. ajaq 'нога',

tozdy вм. tojdy 'насытился'.

4. Глагольная форма на -dačy.

Язык суваров обнаруживает сходство с языком болгар (по признаку *z*) и языками кыпчаков и огузов (по начальному *b* и аффиксу -dačy), свидетельствуя об их смешении.

Языки восточных тюркских племен

VII. Язык чигилей (чийилей).

1. В середине имен и глагольных основ *δ* вместо *j*:

aδaq вм. ajaq 'нога',

qaδyη вм. qajyη 'береза',

qaδup вм. qajup 'тесть, деверь',

toδdy вм. tojdy 'насытился'.

2. Глагольная форма на -yüčy.

3. Отдельные слова: bašaq 'туфли', čekeк 'оспа', samda 'сандалии'.

Серединный *δ* является характерной чертой языка чигилей, который, по-видимому, был родным и для Махмуда Кашгарского, уроженца Барсгана⁷.

VIII. Язык аргу.

1. В середине и конце имен *n* вместо *j*:

qanп вм. qaju 'какой',

qon вм. qoj 'овца',

čyуap вм. čyуaj 'бедный'.

2. У некоторых аргу в середине слов *j* вместо *δ*:

ajaq вм. aδaq 'нога',

tojdy вм. toδdy 'насытился'.

3. Конечный *η* вместо *n*:

jη вм. jup 'шерсть'.

4. Глагольные формы на -jη и -yüčy.

5. Отдельные слова: baštar 'серп', day 'нет, не является', balyqlan- 'загрязниться'.

⁶ O. Pritsak. Kāšgharīs Angaben über die Sprache der Bolgaren. — ZDMG, Bd 109, N. F., Bd 34, 1959, стр. 92—116.

⁷ Т. А. Боровкова. Грамматический очерк языка «Дивāну лугāt-ит-турк» Махмұда Кāшгари. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 4.

По свидетельству Махмуда Кашгарского, аргу, подобно согдакам и кенжекам, знают два языка, один из которых иранский; иными словами, язык аргу не самый чистый среди тюркских.

IX. Язык тохси.

1. В середине слов *p* вместо *k*:

ертек вм. ектек 'хлеб'.

2. Серединный *j* вместо *δ*:

qajyŋ вм. qabyŋ 'береза',

qajyp вм. qabyŋ 'тесть, деверь',

tojdy вм. toddy 'насытился'.

3. Глагольная форма на -yŋ.

4. Отдельные слова: *evet* — частица утверждения.

Часть племени тохси, как указывает Махмуд Кашгарский, называет себя тохси-чигиль. Язык тохси, по его словам, наиболее правильный.

X. Язык ягма.

1. В середине имен *p* вместо *k*:

ертек вм. ектек 'хлеб'.

2. В середине имен и глагольных основ *j* вместо *δ*:

ajyŋ вм. abyŋ 'медведь',

qajyŋ вм. qabyŋ 'береза',

qajyp вм. qabyŋ 'тесть, деверь',

tojdy вм. toddy 'насытился'.

3. В середине имен *d* вместо *δ*:

adyŋ вм. abyŋ 'медведь',

adgyŋ вм. adgyŋ 'другой'.

4. В конце слов *ŋ* вместо *n*:

jyŋ вм. jyn 'шерсть'.

5. Отдельные слова: *kiŋi* 'женщина, жена', *čaryŋ/čynük/šynük* 'чина-ра', *otay* 'халат, одежда', *ota-* 'сжигать', *qa-* 'собирать, укладывать', *evet* — частица утверждения, *ottuz* 'три' (не тридцать!).

Язык ягма, по сравнению с близким ему языком тохси, несколько смешан, но тем не менее Махмуд Кашгарский считает его также самым правильным языком.

XI. Язык уйгуров.

1. Прошедшее время имеет регулярную форму на -dy и безличную форму на -dyŋ/-dük.

2. Глагольные формы на -yŋ и -yŋy.

3. Отдельные слова: *balgy* 'город', *jalafač* 'посол', *jartmay* 'деньги'.

Таковы далеко не полные сведения о языке тюркских племен XI в. Даже эти отрывочные данные позволяют сделать вывод как о близости отдельных языков друг другу (кыпчакского и огузского, булгарского и суварского, тохси и ягма), так и общей смешанности древнетюркских племенных языков. В дальнейшем необходимо эти данные проверить по другим источникам, прокомментировать и дополнить, что составит предмет специального исследования.

А. Т. КАЙДАРОВ

СЛУЧАИ ВЫПАДЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В УСТНОЙ РЕЧИ УЙГУРОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ*

Выпадение согласных звуков и связанные с этим изменения фонетического облика слова и его словоформ наблюдаются почти во всех тюркских языках¹, однако в каждом из них это явление имеет свои особенности. Особое положение занимает современный уйгурский язык. От других тюркских языков он, по нашим наблюдениям, отличается: 1) составом неустойчивых согласных; 2) относительной регулярностью выпадения некоторых из них; 3) фонетическими условиями выпадения; 4) различными изменениями в структуре слова и словоформ, возникающими вследствие указанного выпадения; 5) традиционным отражением этого явления в орфографии литературного языка.

Следует отметить, что выпадение согласных или неустойчивость их положения в определенных позициях в слове и словоформах при произношении относятся к характерным фонетическим особенностям тюркских языков древнего происхождения. Но поскольку выпадение звуков, как таковое, происходит в сфере устной речи и непосредственно связано с особенностями произношения, то оно, естественно, не нашло достаточно полного и систематического отражения в дошедших до нас письменных памятниках. И все же письменную фиксацию неустойчивости отдельных сонорных согласных можно встретить в «Диване» Махмуда Кашгарского, в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Алтын ярук», уйгурских юридических документах и других письменных памятниках VIII—XIII вв. Так, например, относительно регулярное выпадение сонорного *r* в «Диване» Махмуда Кашгарского наблюдается главным образом в абсолютном конце слова (в показателе условного наклонения *-sar > -sa*: *barsa* 'если пойдет', в форме древнего направительного падежа *-ra||-ru*: *saṣar > saṣa* 'тебе'), в местах стечения согласных и перед сонорным (в показателе множественного числа: *aṣlaka < aṣlarka* 'кушаньям, пицам'; в структуре сложных образований: *biṣān < biṣlān* 'вместе, с' и др.). Сам же Махмуд Кашгарский эти случаи выпадения объясняет особенностями устной речи тюркоязычных племен разных регионов и их стремлением к облегченному произношению тех или иных звуко сочетаний.

¹ Н. К. Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных *p, l, n* в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 279—280; *его же*. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — Там же, стр. 281—288; Э. В. Севортян. Выпадение согласных в южных тюркских языках. — Там же, стр. 289—292; С. К. Кенесбаев. Фонетика. — В кн.: «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 58—118; Т. Талипов. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972 и др.

В письменных памятниках средневековья и более поздней эпохи выпадение согласных фиксировалось с различной степенью регулярности в зависимости от тюркоязычной среды, в которой создавался тот или иной памятник. Изучение данного вопроса представляет несомненный интерес и является предметом специального исследования. В настоящей же статье излагаются некоторые наблюдения над живой речью уйгуров, говорящих на общелитературном уйгурском языке, в достаточной мере владеющих нормами его произношения, в основе которых лежит произношение илийско-семиреченских уйгуров². Для сравнения рассматриваются также некоторые особенности неустойчивых согласных в различных диалектах и говорах³.

Как показывают наблюдения, в потоке живой речи уйгуров происходит выпадение в общей сложности восьми согласных звуков. Причем одни из них выпадают сравнительно регулярно, другие — менее регулярно, третьи — эпизодически.

К первой группе неустойчивых согласных можно отнести:

сонорный r: та:а: < та:а:а 'большой мешок из пряжи', та:а:ил < та:а:ил 'полосатый; тигровой масти', ʁо:ʁип < ко:ʁип 'переметная сума', ö:mü-laš- < örmü-laš- 'ползаты, ходить на четвереньках', ба:ми < ба:ми 'есть ли?', ка:мак < ка:мак 'крючок, удочка' и др.;

фарингальный глухой согласный h: сә:га < сә:га 'пустыня' *перен.* 'деревня, сельская местность', ба:пә < ба:пә 'причина, повод', мө:г < мө:г 'печать, штамп', тө:мәт < тө:мәт 'ложное обвинение, нападки', һәмга: < һәмга: 'спутник' и др.

Ко второй группе неустойчивых согласных следует отнести:

сонорный l: ал:миди < ал:миди 'он не взял, не брал', к'ә:мәйду < к'ә:мәйду 'он не придет, не придет', ка:майду < кал:майду 'он не останется' и др.;

сонорный n: барамсә < барамсән 'пойдешь ли ты?', ішәш < ішәнш 'вера, доверие', čila: < čila: 'один из сортов джигды' кәт < кәнт 'сахар (кусковой)' и др.;

губно-зубной звонкий согласный v: со:да < со:да 'торговля', со:у < со:у 'холод', со:ға < со:ға 'подарок, преподношение' и др.

К третьей группе неустойчивых согласных относятся:

среднеязычный сонант j: хо:ла < хо:ла 'двор', бо:га < бо:га 'циновка, камышовый мат', се:гә < сә:гә 'корова', ʃә:гән < ʃә:гән 'джегән' и др.;

глубокозаднеязычный глухой k: да:ғ < да:ғ 'слава, известность', та: < та: 'часть, со значением «до, до самого...»' и др.;

переднеязычный глухой t: га:с < га:с 'правда, истина', һә:га:ғүл < һә:га:ғүл *досл.* 'семицветный цветок', хә:сән < хә:сән 'радостный, довольный', гәх < гәх 'материя, ткань', до:с < до:с 'друг, приятель' и др.

Выпадение указанных согласных прежде всего объясняется их фонетической и фонологической природой, что, к сожалению, пока еще не стало предметом специального изучения. Между тем ослабление этих согласных в соответствующих фонетических условиях, подверженность их редукции, различным изменениям, субституциям и трансформациям — все это в совокупности и приводит к их выпадению. Однако в каждом конкретном тюркском языке тенденция к выпадению, как отмечалось,

² А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. — В сб.: «Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка». Алма-Ата, 1969, стр. 320—335.

³ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970, стр. 53—54.

⁴ В абсолютном конце уйгурских слов не допускается употребление звонкого *d*. Согласно этой закономерности конечный *d* в арабо-персидских заимствованиях всегда воспринимается уйгурами как глухой *t* и поэтому подвержен выпадению.

проявляется по-разному. Все это затрудняет установление общих универсальных закономерностей выпадения согласных не только для всех тюркских языков, но даже в пределах одного из них.

В полной мере это относится и к современному уйгурскому языку. Кажущаяся регулярность или последовательность в выпадении каждого из согласных в этом языке часто нарушается, причем в совершенно одинаковых фонетических условиях, что часто не поддается объяснению. Так, например, слово *kaɣa* 'ворона' в устной речи уйгуров, как правило, произносится *ka:ɣa* с выпадением сонорного *r* непосредственно перед согласным *ɣ*. Однако в совершенно идентичной позиции, например, в слове *kaɣu* 'слепой', согласный *r* не выпадает. Точно также в односложном слове *baɣ* 'есть, имеется' конечный *r* обычно неустойчив, тогда как в слове *taɣ* 'струна' в той же позиции этот согласный не выпадает. Таких примеров очень много⁵.

Следовательно, здесь оправданно говорить не столько о строгих или абсолютных закономерностях выпадения согласных, сколько о его наиболее типичных случаях. В уйгурском языке к ним относятся:

1. Выпадение согласных в словах и словоформах: в первых, вторых, третьих и последующих слогах.

2. Выпадение согласных в конце конечного слога слова или словоформы⁶:

ka: < *kar* 'снег', *äɣva*: < *äɣvah* 'дух, душа умершего', *k'ä*: < *k'äl* 'приходи', *okamsä*: < *okamsän* 'будешь ли ты читать, учиться?', *o*: < *ov* 'охота', *täh* < *täxt* 'престол' и др. Исключение из этого правила составляет среднеязычный сонант *j*, заменяющий неустойчивый фарингальный *h* и не выпадающий в исходе слов: *ištäj* 'аппетит' вм. *ištäh* и др.

3. Одновременное выпадение двух, трех и более неустойчивых согласных в структуре одного и того же слова или словоформы. При этом выпадающие согласные могут быть как однородными, так и разнородными; например, в словоформе *kima:vazla*: < *kimarvazlar* 'игроки в азартные игры' одновременно выпадают два *r*, в словоформе *dos:lani* < *dostlar* 'наших друзей' — глухой *t* и сонорный *r*.

4. Выпадение в фонетической структуре одного и того же слова разных неустойчивых согласных, что приводит к образованию фонетических вариантов этого слова, например: *šähär* 'город' > *šähä*: || *šä:r* || *šä*: и др. Иногда на месте выпавшего неустойчивого согласного, например, фарингального *h*, появляется другой согласный, например, сонант *j*: *gajida* < *gahida* 'иногда'; *Tahir* > *Tajir* (имя собственное); *zäh* > *zäj* 'сырость'; *ärvah* > *ärvaj* 'дух', *meḥman* > *mejman* 'гость'. Подобного рода субституции, как отмечал в свое время С. Е. Малов, являются особенностью уйгурских диалектов Кашгарии. Например:

Atam bamu bu šäjinqä.
 Apam bamu bu šäjinqä...
 'Есть ли отец в этом городе,
 Есть ли мать в этом городе...'

— так начинается кашгарская песня. Здесь *šäjinqä* < *šähäriñdä* 'в вашем городе' является результатом замены *h* > *j* и выпадения *r*.

⁵ Г. Садуакасов. О некоторых свойствах сонорного *p* в современном уйгурском языке. — В сб.: «Исследования по уйгурскому языку», кн. 2. Алма-Ата, 1970, стр. 68—77.

⁶ Выпадение согласного в абсолютном начале слова — для уйгурского языка явление не типичное. Что же касается слов с начальным фарингальным *h* типа *hoda* 'муравейник', *härä* 'пила; оса', *hašk'arä* 'разоблачение', *halka* 'серьги' и др., которые иногда произносятся и без *h*, то это явление другого порядка и не связано с выпадением начального *h*.

5. Выпадение как таковое присуще всем лексико-грамматическим категориям слов, иначе говоря, оно отмечается как в структуре корневых и производных основ, так и в структуре различных словоформ, включающих все морфологические (словообразовательные) показатели, служебные элементы, частицы и т. д.

6. Выпадение согласных в одинаковой степени присуще как собственно уйгурским, так и заимствованным словам и грамматическим формам.

Наряду с указанными выше наиболее типичными случаями неустойчивости согласных выпадение каждого из них имеет свои характерные особенности, хорошо прослеживаемые при дифференцированном их рассмотрении. Так, например, сонорный *r* в устной речи уйгуров выпадает преимущественно в середине слова непосредственно перед согласными и в абсолютном конце слова и словоформы: ä:män < ärmän 'полюнь', ja:tak < jaṛnak 'китайская медная монета', ä:k'ilimäk' < ärk'ilimäk' 'баловаться, вести себя вольно'. jö:gmäčgöl < jörgimäčgöl 'вьюнок', čatyu < čatyuṛ 'редька', tömü: < tömür 'железо'. Фарингальный *h* также чаще всего выпадает в абсолютном конце слова и словоформы, например: gupa < gupah 'грех, вина', guva: < guvah 'свидетельство' и т. д. В середине же слова *h* выпадает, в отличие от *r*, в основном в интервокальном положении, например: ba:nä < bahañä 'причина, повод', na:l < naḥal 'подковка для обуви', ba:tur < bahadur 'богатырь'. Однако в некоторых случаях *h* выпадает и в позиции перед сонорными и звонкими согласными: te:taṇ < tej-taṇ||mehtaṇ 'гость'.

Сонорный *l* выпадает главным образом в односложных, двусложных и многосложных основах: a:ṇa < alma 'не бери', k'elämidī < k'elä+almidī 'не смог прийти' и др. Аналогичные особенности присущи и другим неустойчивым согласным, выпадение которых также имеет свою специфику.

Отличительной чертой рассматриваемого фонетического явления в уйгурском языке является то, что некоторые неустойчивые согласные, выпавшие при определенных фонетических условиях, могут восстанавливаться при соответствующем изменении этих условий. Так, например, в произношении слова баг 'иди' или 'есть' конечный сонорный *r* обычно выпадает: баг > ba:. Но он может восстановиться, оказавшись в интервокальном положении с присоединением к слову баг аффикса деепричастия -а или лично-временного показателя -du: baridu 'он пойдет'. Такое явление можно проиллюстрировать на примере однокорневых производных основ:

Kančä čevär bolsañmu sän oma uruška,
Aplašmäjdu kolda oṇak ujkusizlikta...

'Каким бы ты мастером жатвы ни был,
Не выпавшемуся трудно управлять серпом...'

(И. Саттаров)

В данном примере представлены три однокорневые производные основы: oṇa 'жатва', oṇiṣ- 'производить жатву' и oṇak 'сerp', где в роли морфемы выступает один и тот же глагол oṇ- 'жать, косить'. В словах oṇa, oṇak выпадает сонорный *r*, что зафиксировано и в письменности. Однако выпадения *r* в слове oṇiṣ (имя действия от oṇ-) не происходит, ибо здесь этот звук находится в интервокальном положении.

Данная особенность свойственна, пожалуй, только уйгурскому языку.

Выпадение согласных нередко приводит к различным изменениям в фонетико-морфологической структуре слов, что, в свою очередь, влечет за собой и изменения в их семантике и стилистических функциях.

Структурная модификация слов в результате выпадения согласных носит различный характер в зависимости от того, происходит ли это выпадение в «чистом виде» или влечет за собой выпадение других соседних звуков или целого звукосочетания. В результате часто образуются стяженные, эллиптические формы слов ($\ddot{a}x\ddot{a}x < \ddot{a}g + x\ddot{a}lik$ 'мужчина'), возникают геминаты ($bommajdu < bol + maj + du$) и вторичные долготы, появляются трансформированные варианты слов и их дубликаты и т. д.

Изменения эти бывают иногда настолько сложными, что указанные слова трудно поддаются фонетической и этимологической реконструкции без привлечения сравнительных данных из других родственных языков или языка-источника. Приведем несколько примеров: *samsak* 'чеснок' — каз. *saɣumsak*; *kořak* 'кукла' — каз. *kuɣřak*; *ömtčük* 'паук' — каз. *örmek'ři*; *hekik* 'икота' — каз. *ukuɣyk*; *mälä* 'село, квартал в селе' — иран. *mähäl-lä* и др.

Неустойчивость положения согласных и их регулярное или нерегулярное выпадение соответствующим образом отражаются и фиксируются в письменно-литературном языке уйгуров. При этом здесь сталкиваются противоборствующие тенденции: с одной стороны, действие фонетических закономерностей развития устной речи уйгуров, а с другой — тенденция к нормализации и регламентации письменного языка с преобладающей опорой на морфологический, но не фонетический принцип. Определенное влияние имеет и историческая преемственность письменных традиций языка уйгурской классической литературы.

В письменном языке уйгуров прослеживается неустойчивость указанных выше восьми согласных в самых различных разрядах слов. Такие слова, как *aslan* 'лев', *oɣak* 'серп', *taɣak* 'расческа', *tavuz* 'арбуз', *tatuk* 'шрам', *köɣük* 'мост', *řova* 'бульон', *boɣa* 'циновка', *kaliɣař* 'ласточка', *amut* 'вид груши', *dölät* 'государство' и др., имеют вполне застывшую форму и в таком виде зафиксированы в орфографических словарях. Согласно правилам орфографии, в написании отдельных разрядов слов выпадение согласных не отражено, однако на практике такие слова пишутся двояко и даже в нескольких вариантах: *zäɣɣarči||zäɣäči* 'золотых дел мастер', *joluvcı||joluči* 'путник', *bekar||beka* 'напрасно', *řijir||serä* 'корова' и др.

Таким образом, выпадение согласных как особенность устной речи постоянно оказывает влияние на письменный язык, создавая в какой-то момент определенные трудности в языковой практике. Упорядочение этого своеобразного процесса имеет не только чисто практическое, но и теоретическое значение, особенно в период стабилизации устных и письменных норм национального литературного языка.

Д. Г. ТУМАШЕВА

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ*

За последние годы тюркская диалектология обогатилась значительными лексикографическими работами. Изданы диалектологические словари казахского, узбекского, азербайджанского, татарского, башкирского, киргизского, чувашского языков. В ходе обсуждения принципов составления этих словарей и в процессе их создания было высказано немало ценных предложений по классификации типов диалектных лексических различий. Их обобщение представляет интерес как для собственно лексикографической практики, так и для лингвогеографических исследований. Предметом изучения должна стать также типология диалектных различий в фонетике, морфологии и синтаксисе, что имело бы значение для монографического исследования диалектов и работы над диалектологическими атласами.

Диалектная лексика, как, впрочем, и диалектная фонетика, морфология и т. д., изучается обычно в сравнении только с литературным языком. Это оставляет вне поля зрения исследователей вопросы соотношения и взаимопроникновения диалектных явлений различных уровней в рамках национального языка. Соотносительность диалектных различий не учитывается и при диалектном членении языков. Таким образом, разработка теории диалектных различий важна и по этой причине.

1. В процессе изучения диалектной лексики и составления словарей квалификация диалектных слов, не имеющих соответствий в литературном языке, не представляет особых затруднений. Последнее объясняется отсутствием за пределами ареала данного диалекта либо самих реалий (так называемые этнографические диалектизмы в лексике), либо отдельного слова, выражающего данное понятие или значение. Например, слово *шіш* в тоболо-иртышском диалекте, помимо основного значения «вилы», «вилка», означает еще «деревяшку, которую надевают теленку на нос, чтобы он не сосал мать»: *Посау имәйім тисә тә, имәлмайты, шіш бәйәп қуйаты* 'Если теленок захочет сосать, деревяшка мешает ему'. Слова, выражающего последнее значение, в татарском литературном языке не существует в связи с отсутствием самой реалии, и потому оно является этнографическим диалектизмом.

К этому же типу диалектизмов относятся слова *цэй/цэйлік* (татарский говор) 'две перекладки для сушки дров, расположенные под потолком', *мауыл/мағыл* (тюменский и тарский говоры) 'перекладка для одежды, протянутая от стены к стене' и др.

Значительную часть диалектной лексики составляют слова, не имеющие лексического соответствия в литературном языке. Поэтому в последнем их значения передаются с помощью словосочетаний или описательно: *чолдор* (говор уральских татар) — тат. лит. *кечкенә кыңгырау* 'маленький колокольчик', *уқсын* (говор нагайбаков) — тат. лит. *кыргый сарым-сак* 'дикий чеснок', *ицмәк* (тобольский говор) — тат. лит. *йомшак бияләй* 'мягкие рукавицы' и т. д.

2. Другую группу диалектных лексических различий составляют слова, имеющие в диалектах и литературном языке общее значение при разном материальном выражении. Это так называемые абсолютные «синонимы» (если позволительно применить этот термин к словам, относящимся к разным диалектам); например: тюр. *куңмәкүң* — тоб. *үтинә* — тар. *май шабала* — тевр. *сантуғаң* — лит. *камка* 'божья коровка'; тюр. *қартна* — тоб.-иртыш. *мама* — тар. *нәнә* — тоб. *олинә* — тевр. *үйә* — усть-ишим. *әвә* — лит. *әби* 'бабушка'; тюр. *палцағуын* — тевр. *балцағуан* — усть-ишим. *балбақсы* — тар. *арғун* — лит. *бал корты* 'пчелка'; тоб.-иртыш. *қортқайақ* — тюр. *мама* — тевр. *пашлық* — лит. *карчык* 'старуха'.

«Диалектными синонимами» эти слова можно назвать лишь условно, поскольку они все же входят в общенациональный лексический фонд языка. Анализ диалектной лексики татарского языка, например, показывает, что имеется значительное сходство лексического материала даже у таких отдаленных в языковом отношении диалектов татарского языка, как средний и восточный, не говоря уже о западном и восточном, в которых немало общих фонетических и грамматических черт.

3. К лексическим диалектным различиям относятся также слова, имеющие при общности значения и корневой морфемы расхождение в словообразовательных элементах. Сами аффиксы при этом могут быть характерными и для литературного языка, однако в диалектах они оформляют те слова или группы слов, которые в литературном языке данный аффикс не присоединяют: тоб. *қыргы* — лит. *кыргыч* 'терка'; восточно-тоб. подговор *қорлы* — тоб. *қорақлы* — лит. *кордаш* 'одногодок'; тоб. *қалатқы* — тюр. *қалқын* — лит. *калкавич* 'поплавок'; нагорн. *сырмыш* — лит. *сырма* 'стеганка, телогрейка'; тюр., тоб. *үрмәқи* — заболот. *үрмәцәк* — лит. *үрмәкүч* 'паук'; сиб. диал. *оца* — лит. *очла* 'заострять'; тоб. *асғыр* — лит. *аздыр* 'развращать, портить'; восточно-тоб. *усқар* — лит. *уздыр* 'пропускать'; тар. *кіңір* ~ лит. *кечерәй* 'уменьшаться'; тоб. *ақла* — лит. *агарт* 'белить'.

В ряде случаев в диалектах сохраняется непроеизводная основа слова, утраченная в литературном языке: тюр., тоб. *суы* — томск. *суца* — лит. *суын* 'остывать'; сиб. *қусқа* — лит. *кузгат* 'сдвинуть с места'; тевр. *шик* — лит. *шиклән* 'сомневаться'. Регистрация таких слов в диалектологических словарях, безусловно, необходима. (Об отношении данных словообразующих форм к морфологическим различиям см. ниже).

Многие лексические соответствия между диалектами и говорами образуются противопоставлением непроеизводной и производной основ: *ций*—*цийық* 'черта', *урын*—*урынтық* 'нары', *итім*—*итімсік* 'сирота', *кийә*—*кийәлік* 'несчастье, наказание', *мәшкә*—*мишкәләк* 'гриб'. Эти различия выходят за пределы словообразовательной системы диалектов и поэтому относятся к лексическим диалектизмам. Для отличия от других групп лексических диалектизмов их можно назвать лексико-морфологическими.

4. К лексическим диалектизмам относятся слова, имеющие разное значение и одинаковое фонетическое оформление. Их можно назвать диалектными «омонимами» (разумеется, с той же оговоркой, что была сделана выше в отношении междиалектных «синонимов»): тевр. *ичмэк* 'пиджак' — сиб. *ичмэк* 'мягкие рукавицы'; тюрм., тоб., тар. *қыртыш* 'пелина' — тоб. *қыртыш* 'межа' — тар. *қыртыш* 'свиное сало'; тюрм., тоб. *аң* 'лось' — тюрм., тоб. *аң* 'охота' и др.

5. Лексическими диалектизмами являются также слова одинаковые по звучанию, но имеющие в разных диалектах различия в объеме значений, семантических связях с другими словами и т. п. Разновидности этих диалектизмов, которые можно условно назвать «семантическими», приводятся ниже:

а) одно и то же слово многозначно в одном диалекте и однозначно в другом или литературном языке; например: тюрм., тоб. *йәш* 'молодой, сырой, неспелый, недоваренный' — лит. *яш*, имеющее только первое из перечисленных значений, остальные передаются в литературном языке соответственно словами *чи*, *өлгермәгән*, *пешип житмәгән*. Отсюда возникают различия и в словоупотреблении: *утын йәшмә?* — лит. *утын чиме?* 'дрова сырые?' Значениям тоб. *таса* 'здоровый, крепкий, хороший' в литературном языке соответствуют слова *таза*, *нык*, *яхшы*: *Мин аны таса биләм* — лит. *Мин аны яхшы беләм* 'Я его хорошо знаю'. Многозначно в сибирско-татарских диалектах слово *аш* 'еда, хлеб (на корню), хлеб, суп' — лит. *аш* 'суп, еда'. То же относится к слову *пала*, означающему «ребенок, дитя, сын, мальчик, парень» — лит. *бала* 'ребенок, дитя, малыш';

б) среди семантических диалектизмов можно выделить омоантонимы, то есть одинаково звучащие слова с противоположными значениями (чаще всего оценочного типа): пенз. *матур* — 'бойкий, проворный, умелый' — хвалын. *матур* 'злой'; тар. *йелли* 'работающий' — тоб. *йелли* 'ветренный; психически больной': *Пис йақта йақшы ишләгәнни йелли ишкә тип қуйатылар, сис йақта исәрни йелли титиләр* 'В наших краях словом «йелли» называют того, кто хорошо работает, в ваших краях так называют ветреного, легкомысленного человека'; тоб. *пасынцак* 'тихий, крохотный, смиренный' — тар. *пасынцак* 'дерзкий, непослушный'; тат. лит. и сиб. диал. *қуйу* 'положить, поставить' — сиб. диал. *қуйу* 'оставить, бросить'. *Порыңқы әтәтләрни қуйтылар* 'Древние обычаи сейчас бросили';

в) ряд семантических диалектизмов находится в отношениях лексической синекдохи: выражению общего, или широкого, понятия в одном диалекте (или литературном языке) соответствует выражение частного, или узкого, понятия в другом диалекте (или литературном языке): тоб. *цийә* 'ягода' — тюрм., тар. *цийә* 'брусника'; тевр. *йиләк* 'земляника' — лит. *жиләк* 'ягода'; заболот. *тәүлік* 'один год' — лит. *тәүлек* 'сутки';

г) возможны метонимические отношения между семантическими диалектизмами (выражение одинаково звучащими словами близких или смежных понятий): тар. *бөрі* 'ветка' — лит. *бөре* 'почка'; сиб. *цибін* 'комар' — лит. *цебен* 'муха'; том. *цirkәй* 'муха' — лит. *черки* 'мошкara'; сиб. *тубык* 'колено' — лит. *тубык* 'щиколотка'; сиб. *цицу* 'снимать' — лит. *чишу* 'развязывать'; тоб. *цәйнәү* 'кусать' — лит. *чәйнәү* 'жевать'; урал. *дебет* 'гусятинный пух' — сиб. *тибит* 'козий пух', 'утинный пух';

д) встречаются семантические диалектизмы, отличающиеся друг от друга сферой употребления, семантическими связями с другими словами; например, заболот. *цырай* и лит. *чырай* имеют одно и то же значение — «лицо, физиономия, вид». Однако предложение *Йуышмайс ицқацан, цырайларыгыз қаралып қалған* 'Не умываетесь никогда, лица у вас перепачканы' не соответствует нормам литературного языка, где в данном

контексте следует употребить слово *битләрегез*. Слово *таю* в литературном языке имеет значение «поскользнуться» и «незаметно убежать, ускользнуть, исчезнуть». Кроме того, глагол *таю* употребляется во фразеологических сочетаниях: *акылдан таю* 'свихнуться, сойти с ума'. Выражение *саулыктан таю* 'лишиться здоровья', 'потерять что-либо, лишиться чего-либо', встречающееся у оренбургских мишарей, является лексическим диалектизмом.

6. При выявлении диалектных различий и отнесении их к тому или иному уровню языка наибольшую трудность представляют слова, имеющие при общем значении некоторые различия в фонетическом оформлении. Если различия определяются регулярными и закономерными соответствиями между диалектами или между диалектом и литературным языком, то их можно отнести к фонетическим диалектизмам. Таковы закономерные соответствия: *ч* (аффриката) в ряде говоров западного, мишарского, диалекта татарского языка ~ *ч* (фрикативное) в литературном языке ~ *ц* в тоболо-иртышском диалекте: *пы^тчак* ~ *пычак* ~ *пыцак* 'нож', *печэн* ~ *печэн* ~ *пицэн* 'сено'; соответствие дифтонга *өй* литературного языка монофтонгу *у* в некоторых говорах западного и восточного диалектов: *өй* ~ *ү* 'дом', *төймә* ~ *түмә* 'пуговица', *көйләү* ~ *куләү* 'напевать' и др. Если фонетические соответствия характерны для отдельного слова или ограниченного ряда слов, то последние могут рассматриваться как лексические диалектизмы: тюр. *кушқалақ* — лит. *кузгалак* 'щавель', *цөцбүрә* ~ *цөцбәрә* 'пельмени', *мим* ~ *миң* 'родинка', *баас* ~ *баа* 'цена' (слово *баас* образовалось путем морфологического переразложения из *баа-сы* > *баас-ы*, затем *баас* стало осознаваться как корень слова, ср. *бааслы* 'ценный'), *селен* ~ *сеңел* 'младшая сестра'. (Здесь, правда, возникает вопрос об отношении фонетических различий к историческим закономерностям и общетюркским соответствиям).

Таким образом, если фонетические соответствия не являются закономерными и не затрагивают фонематической системы диалектов, то они характеризуют отдельное слово и относятся к лексике. Известная повторяемость фонетического различия еще не является признаком регулярности и закономерности. Например, при наличии закономерного соответствия начальных *ж* ~ *й* в литературном языке и сибирско-татарских диалектах в некоторых говорах последних в ряде слов встречается начальное *и*: *иләк* 'ягода', *ир* 'земля', *ити* 'семь'. Данное соответствие, безусловно, имеет лексикализованный характер, и поэтому такие слова следует относить к лексическим диалектизмам.

При отборе слов для диалектологического словаря мы нередко руководствуемся наличием значительных расхождений в звучании между диалектным и соответствующим литературным словом, сознавая при этом, что фонетические соответствия, обусловившие столь значительные расхождения, могут носить закономерный характер¹. Однако «объем» или «степень» фонетических различий не могут иметь решающего значения для выделения фонетического или лексического диалектизма.

7. Фонетические различия могут быть связаны не только с корневыми морфемами, но и с аффиксальными: тар. *мақтанцай* — тоб. *мақтанцақ* — лит. *мактанчык* 'хвастливый', 'хвастун'; нагайбак. *тәгәрми* — ичкин. *тәгәрмәй* — лит. *тәгәрмәч* 'колесо'; тевр. *инәмгә* — тоб. *инәма* 'моей матери' (дат. падеж); тевр. *олу* 'старший', *кичу* 'младший', *иссү* 'горя-

¹ См.: Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961, стр. 95; «Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969, стр. 7.

чий' — лит. *олы, кече, ессе*; нагорн. *барымын* — лит. *барырмын* 'я пойду' и т. д. Определение уровня диалектного различия и в этом случае представляется достаточно сложным.

Фонетические различия в словообразовательных аффиксах могут выступать как собственно фонетические, морфологические и лексические [о лексических диалектизмах, возникающих благодаря оформлению общего корня различными словообразовательными аффиксами, уже говорилось выше (см. *қйрақлы, қорлы, қордаш* и др.)]:

а) фонетические различия в аффиксальных морфемах (словообразовательных и словоизменительных) могут квалифицироваться как собственно фонетические, если они определяются фонетическими закономерностями, характерными для диалекта; например, соответствия ассимилятивных вариантов аффиксов неассимилятивным (*урманның* — *урманлык* 'лесистое место', *урманнар* — *урманлар* 'леса'; *қыстар* — *қызлар* 'девушки', *қысты* — *кызы* 'девушку'), встречающиеся в говорах томских татар, относятся к фонетическим диалектным различиям:

б) фонетические различия в словообразовательных аффиксах являются морфологическими (точнее, словообразовательными), если, во-первых, их варианты не определяются фонетическими закономерностями и, если, во-вторых, в словообразовательном плане они противопоставлены другим аффиксам, присоединяются к определенному классу слов, образуя общее значение производной основы. Например, аффикс татарского языка *-чык* в слове *мактанчык* образует целый ряд прилагательных и существительных от глаголов страдательного залога с общим значением избытка признака (в отрицательном оценочном плане): *мактанчык* 'хвастливый, хвастун', *бәйләнчек* 'привязчивый, навязчивый, назойливый', *кыланчык* 'кокетливый, кривляющийся, кривляка', *болганчык* 'мутный' и др. В словообразовательном аспекте в тоболо-иртышском диалекте ему противопоставлен аффикс *-цак*: *пасынцак* 'тихий, кроткий, смиренный', 'дерзкий, непослушный', *ауланцак* 'беспринципный, шаткий, колеблющийся', *үсінцак* 'молодой, растущий', *онотцак* 'забывчивый', *мактанцак* 'хвастливый'. Фонетическое различие в этих аффиксах (соответствие широкого гласного узкому) не вытекает из закономерных фонетических соответствий, существующих в настоящее время между данным диалектом и литературным языком, и потому оно является не столько фонетическим, сколько словообразовательным.

Аффикс *-цай*, встречающийся только в слове *мактанцай* тарского говора, не образует соответствующего лексического ряда и не представляет собой фонетическую разновидность аффиксов *-чык* и *-цак*. Поэтому данное различие является лексическим, но не словообразовательным или фонетическим.

По нашему мнению, и первый тип различий словообразовательного характера должен найти отражение в диалектологических словарях, так как слова, оформляемые соответствующими аффиксами в диалектах, не совпадают со словами в литературном языке, что видно из приведенных примеров с аффиксом *-чык* и *-цак*;

в) фонетические различия в корне слова и словообразовательных аффиксах могут лексикализироваться, и тогда каждый фонетический вариант получает самостоятельное значение; ср., например, татарские слова *азак* 'конец', *айак* 'нога, конечности' и *азау теш* 'коренной зуб', представляющие собой фонетические варианты одного слова, образование которых основано на исторических закономерностях.

Приведем пример из тоболо-иртышского диалекта: тар. *төннөк* 'дверца в подполье', тоб. *төнлөк* 'проем в потолке для лестницы, ведущей на второй этаж (на ночь закрывается дверцей)', тар. *төнлөк* 'подполье';

г) к словообразовательным диалектным различиям относятся междиалектные «синонимические» аффиксы, выражающие общее или близкое лексико-грамматическое значение. Например, аффикс *-цыл/-цл* в тоболо-иртышском диалекте соответствует по значению, придаваемому им производной основе, литературному аффиксу *-чан* (аффикс *-чыл* также имеется в литературном языке, но встречается реже) и образует прилагательные со значением склонности к чему-либо: *кәпцл* 'разговорчивый, словоохотливый', *йомакцыл* 'знающий много сказок', *татцыл* 'маркий', *пуйшцыл* 'сварливый', *пуйцыл* 'рослый' — лит. *сүзчән, буйчан, телчән, уйчан* и т. д.

Диалектное морфологическое различие образуют синонимические диалектные аффиксы субъективной оценки: тоб., тюм. *-цыгац*, тоб. *-цак*, бар. *-ац, -ак* — лит. *-чык*: *кысцыгац* 'девчонка, девчушка', *китапцыгац* 'книжка, книжечка', *кысцак* 'девчушка', *сасцак* 'болотце', *палыгац* 'рыбка', *йөрәгәч* 'сердечко', *малайак* 'мальчишка', *төзәк* 'пенек', *цаңак* 'санки' — лит. *кызчык, китапчык*;

д) к морфологическим диалектным различиям относятся словообразовательные аффиксы с таким лексико-грамматическим значением, для выражения которого в литературном языке нет адекватного аффикса; например, аффикс *-гыр, -гир, -қыр, -кір* тоболо-иртышского диалекта, образующий от глагольных основ прилагательные со значением полноты признака не имеет точного эквивалента в литературном языке: (*пицән*) *цапқыр* 'умеющий хорошо, быстро, ловко косить (сено)', *йөскір* 'умеющий хорошо плавать', *көлгир* 'смешливый', *ацуланқыр* 'сердитый, гнезливый', *кысгыр* 'горячий, быстро возбуждающийся'.

Фонетические различия в словоизменительных аффиксах могут быть фонетическими (об этом см. выше) или морфологическими. Так, например, соответственные различия *барымын* — *барырмын*, свойственные диалектам татарского языка, относятся к фонетическим, поскольку они могут проявиться только в фонетическом составе слова, а именно: при наличии согласного *р* в основе глагола и наращении аффикса *-р* последний выпадает перед аффиксом лица: *пешеремен* < *пешерермен*, *күремен* < *күрермен* и т. д.

Напротив, соответствие *анама* ~ *инәмгә*, наблюдающееся между литературным языком и тевризским говором, на первый взгляд, отражающее лишь фонетическое различие (отсутствие — наличие согласного *г* в аффиксе), является различием морфологического характера, так как регулярно проявляется в парадигме притяжательного склонения независимо от фонетических условий: *палам-а* — *паламқа/паламга*, *атаң-а* — *атанқа/атаңға* и т. д.

Таким образом, вопрос о характере фонетических различий в корне слова и аффиксах и отнесении их к фонетическим, морфологическим или лексическим диалектным различиям имеет принципиальное значение. Применение общих положений к конкретному языковому материалу порождает определенные трудности, объясняющиеся сложностью, многоплановостью самих диалектных различий и, кроме того, неразработанностью ряда вопросов фонетики тюркских языков и диалектов на фонологическом уровне. Поэтому диалектологи тюркских языков должны уделять больше внимания разработке теории диалектных различий.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Д. САНЖЕЕВ

О ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ*

Независимо от того, будут ли тюркские и монгольские языки признаны «потомками» якобы некогда существовавшего алтайского праязыка или нет, показания каждого из языков, входящих в эти группы, чрезвычайно важны для определения исконности тех или иных языковых явлений в них. Поэтому монголисты давно уже используют данные тюркских языков при решении вопросов исторической фонетики монгольских языков. Тюркологи же почти совсем не обращаются к монголистике, мотивируя это тем, что исконное родство между тюркскими и монгольскими языками «до сих пор остается неясным», и потому «на вопрос о возможности использования монгольских и тунгусо-маньчжурских материалов при реконструкции тюркских праформ необходимо ответить отрицательно»¹. С этим, однако, согласиться нельзя. Как известно, показания именно неродственных языков часто могут быть использованы при реконструкции форм изучаемого языка, особенно в случаях ранних заимствований, относящихся к дописьменному периоду (например, древнейшие тюркизмы в финно-угорских языках). Ранние тюркизмы в монгольских языках также могут сохранять свои формы почти в неизменном виде (мы имеем в виду фонетический облик соответствующих слов), тогда как в самих тюркских языках эти древнейшие формы могут измениться настолько, что при сравнительно-историческом изучении их первоначальный облик невозможно восстановить.

Нельзя не учитывать и того, что в языках какого-либо одного региона независимо от характера их связей с родственными или неродственными языками могут в большей мере, нежели в языках разных регионов, происходить одни и те же процессы. Учет таких процессов и явлений очень важен, а иногда и просто необходим при изучении тех или иных языков.

Ниже рассматриваются некоторые явления в монгольских языках, которые, как нам кажется, должны представлять интерес для тюркологов.

Только в тех монгольских языках и диалектах, где сильные согласные характеризуются наличием придыхания, соответствующие слабые согласные оказываются не звонкими, а «полувзвонкими», или «звонкими неполного образования» (по Б. Я. Владимирцову). Этим монгольским «полувзвонким» согласным в центрально-азиатских тюркских языках соответствуют, видимо, «слабые глухие» (по Э. Р. Тенишеву). Здесь мы сталкиваемся фактически с одним и тем же явлением, хотя тер-

¹ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 12.

минологически и обозначаемым различно, ибо «слабые» почти идентичны «звонким», и разграничить их можно только методами экспериментально-фонетического исследования. Впрочем, в процессе развития от простых сильных к вполне слабым согласным типа бурятских или калмыцких могут иметь место различные промежуточные фазы, что является, по-видимому, результатом отмирания аспирации как фонологического фактора (существенного дифференциального признака) в большинстве тюркских языков (в ряде монгольских языков придыхание уже не имеет фонологической значимости, хотя оно весьма заметно, а в других языках его вообще нет). Можно сделать общее заключение о том, что в тюркско-монгольском лингвистическом мире, почти так же как и в индоевропейских языках, аспирация некоторых смычных со временем по мере продвижения с востока на запад отмирает.

Поскольку в восточной группе монгольских языков и диалектов аспирация имела определенное фонологическое значение, небезынтересно отметить, что китайские и тибетские слабые, или звонкие, и простые сильные, или глухие, согласные в монгольских китаизмах и тибетизмах одинаково отражаются как слабые, или «полузвонкие», тогда как только придыхательные глухие согласные китайского и тибетского языков отражаются в виде сильных, или глухих. Сказанное относится также к бурятским и калмыцким китаизмам и тибетизмам, хотя в бурятских и калмыцких диалектах аспирация почти полностью отсутствует.

В этой связи имело бы важное и принципиальное значение изучение фонетической субституции определенных согласных в иноязычных словах, вошедших в тюркские языки, с обязательным учетом соответствующих явлений в тех языках-источниках, в которых определенным согласным, в первую очередь смычным, присуще придыхание. Здесь имеются в виду санскритизмы, китаизмы и тибетизмы в лексике тюркских языков. Еще более показательным было бы изучение в китайском и тибетском языках ранних тюркизмов, сохранивших черты, уже утраченные в самих тюркских языках.

Особенно много дало бы исследование фонетической субституции смычных согласных санскрита в тюркских санскритизмах, например, рядов звонких и глухих (простых и придыхательных) типа четырехчленного ряда *d, t, dh, th*. При этом, разумеется, необходимо иметь в виду тот факт, что многие санскритизмы проникали в тюркскую лексику через согдийское и, видимо, реже, тибето-китайское посредство, а это, конечно, не могло не отразиться на характере тюркской субституции санскритских согласных; например: монг. *очир* ← *вачир* ← др.-уйг. *вчир* ← согд. *вчр* ← санскр. *ваджра* 'алмаз', 'жезл' → тибет. *баджар* → монг. *баджар* → *бадзар*. Подобные явления, по-видимому, возможны и в тюркской лексике. Среди некоторых тюркских санскритизмов обращают на себя внимание слова типа *дарма* 'закон, учение, основа, элемент' — древнетюркское *дарма* ← санскритское *dharma*. В этой связи возникает вопрос о том, как санскритский четырехчленный ряд укладывался в тюркском двучленном (глухие — звонкие, или, что фонологически одно и то же, простые глухие — придыхательные глухие), — конечно, по данным современных центрально-азиатских тюркских языков. К сожалению, особенности древнеуйгурской письменности не позволяют судить об этом применительно к древнетюркскому периоду. В этом отношении больший интерес представляют памятники тюркской речи в передаче письмом брахми, а также манихейским и тибетским. Здесь следовало бы обратить внимание на монгольские и, особенно, живые тибетские тюркизмы. Однако именно тибетские памятники с тюркской лексикой наименее изучены.

Из сказанного выше следует, что фонетическая форма иноязычных тюркизмов, данные центрально-азиатских тюркских языков, характер субституции иноязычных фонем и т. д. позволяют говорить о наличии в пратюркском или древнетюркском языке не одних лишь начальных простых глухих.

Тюркологам необходимо исследовать древнейшие монгольские тюркизмы, например, с начальными в современных тюркских языках согласными *д-||j-*, *j-||дж-*, *д-||т-* и т. д., такие, как *дэлэнг* 'вымя', *јара* 'болячка, язва', *джула* 'светильник, свеча', *таг* 'горное плато', *дархан* 'мастер' и т. п. Безусловно, трудно согласиться с мнением, что изучение подобных явлений лежит лишь в сфере интересов монголистов. Впрочем, монголисты могут толковать их только по следующей схеме: в каких-то тюркских диалектах далекого прошлого имелась бинарная оппозиция смычных согласных либо по признаку аспирации, либо по звонкости, либо по напряженности (фонологически все это одно и то же в плане двучлена). Среди множества частных вопросов такого рода следует выделить вопрос об установлении диалектов, отраженных в памятниках уйгурского письма. Например, монгольский тюркизм, первоначально буддийский термин *дзула* ← *джула* 'светильник' имеет, несомненно, уйгурское происхождение, хотя в уйгурском языке и не было начального *дж-*. По-видимому, монголы заимствовали это слово из такого уйгурского диалекта, где перед узкими гласными вместо общего начального среднеязычного *j-* был начальный *дж-*, что наблюдается в некоторых диалектах современного уйгурского языка. И если это действительно так, то данный факт имеет и экстралингвистическое значение, ибо позволяет установить, носители какого уйгурского диалекта имели контакты с монголами и исповедовали буддизм.

Далее рассмотрим общезвестное в монгольских языках явление, имеющееся, по всей видимости, и в тюркских языках, а именно — «перелом» гласного *и-* ← **и-||ы-*. Этот гласный в монгольских языках характеризуется двумя особенностями. Во-первых, *и-* во многих случаях подвергается «перелому», то есть переходит в какой-то другой гласный, причем не обязательно в результате ассимиляции, поскольку рассматриваемое явление наблюдается и в односложных словах: *тың* → *тоң* и *туң* 'именно, точно' (ср. казахское *тың* 'подслушивание'). Обратное же явление, то есть переход какого-либо другого гласного в *и-* (в корневых лексических морфемах), не отмечено, за исключением, конечно, метатезы. Именно потому в монголистике говорится о переломе данного гласного, а не об ассимиляции. Во-вторых, начальный *и-* очень часто наращивается протетическим *j-*. Причем указанное явление в современных монгольских языках не носит тотальный характер, а потому эти языки дают разные показания: халх. *ял-*, бурят. *ила-* 'побежать', бурят. диал. *яла-* 'осиливать, справляться, быть в состоянии' (из др.-монг. *ила-*); халх. *ёзор*, бурят. *узуур* 'корень, основание', халх. книжн. *язуур* то же, а также 'происхождение, родовитость' (из др.-монг. *иджагур*); халх. *ёроол*, бурят. *оёор* 'дно, основание' (из др.-монг. *иругал*)².

Протетическое *j-* в тюркских языках отмечает А. М. Щербак³, приводя ряд примеров, к которым мы добавим следующие: каз. *ағаш*, тат. *ағач* ← пратюрк. **ығач* → др.-тюрк. *ығач*, *ағач*, *ығач* 'дерево'; кирг. *жылан*, башк. *йылан*, тат. *елан*, узб. *илон*, азерб. *илан*, др.-тюрк. *йылан* ←

² См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 176—190; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., 1953, стр. 104—114.

³ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 181.

пратюрк. *илан 'змея'; др.-тюрк. *ыру*⁴, тув. *ёра*, кирг. *жоро* 'знак, примета, дурное предзнаменование' и т. п. — из пратюркского *ыру*: *ыр-у* (к этой же корневой основе восходят др.-тюрк. *јор-*, каз. *жор-*, башк. *юра-* 'гадать, толковать' и т. п.); возможно, что тув. *ёра* и кирг. *жоро* являются монголизмами, ср. халх. *ёр*, бурят. *ёро* с теми же значениями.

На основании приведенных тюркских примеров можно прийти к заключению, что начальный пратюркский гласный *и-||ы-* подвергается перелому и наращивается протетическим *ј* (в ряде тюркских языков развившимся в *дж-||ж-*), так же как и в монгольских языках. Иными словами, если в тюркских языках имеется соответствие начального *и-||ы-*, любого гласного, кроме *и-||ы-*, и *ј-||дж-||ж-*, то празвуком мог быть лишь *и-||ы*, а иногда и *е-*. О некоторых других случаях появления протетического *ј-* упоминает А. М. Щербак⁵. Однако возможно, что праформами слов *армаган* и *јармакан* 'дар, подарок' были формы типа *ырмаган* и *ырмакан*. Равным образом теоретически можно допустить, что некогда в древнетюркских или пратюркских диалектах имелось слово *ышук*, давшее затем *ашук* и *јашык* 'шлем'. По-видимому, можно указать на вероятность появления протетического *ј-* (который А. М. Щербак справедливо считает самым древним в тюркских языках) перед узкими *у-* и *ү-*, в которые легко переходят соответственно *ы-* и *и-*. Нам кажется, что проблема такого рода протетических явлений в тюркских языках, как древних, так и современных, заслуживает специального исследования с учетом тех данных, которыми располагает монгольское языкознание.

С судьбой начального *ы-||и-* и этого же гласного в первом слоге связана и проблема праформ слов типа современных тюркских *джорга* и *орга* 'иноходец', промежуточной формой которых при развитии от возможной пратюркской *ыруга* является др.-тюрк. *јорыга*, метатезная по своему облику (ср. монг. *джируга* и эвенк. *дирэ*)⁶. Если это слово является производным, как полагают, от глагольной основы *јор-* 'идти, ходить', то возможно, что его корневая основа восходит к *ыр-* (ср. др.-тюрк. *ырга-* 'двигать, раскачиваться, трясти', кирг. *ырга-* то же, а также 'двигаться, шевелиться').

В связи с вышесказанным приходится отметить, что реконструкции праформ в тюркологии и монголистике фактически представляют собою не более как выбор из имеющихся данных в рамках материала современных и не очень древних тюркских и монгольских языков. К примеру, в монголистике реконструкция ограничивается транслитерацией старописьменных форм с весьма незначительными «поправками» с учетом показаний тюркских языков, а в тюркологии обходится без обращения к данным монгольских языков, то есть не проникает глубже соответственно XII и VI вв. нашей эры. Именно поэтому очень важно древнейшие тюркизмы искать в монгольских языках, а монголизмы — в тюркских памятниках прошлого. Еще важнее искать древнейшие иноязычные заимствования в алтайских языках, а алтаизмы — в неалтайских языках, например, методами ностратики, хотя сама гипотеза о ностратическом праязыке более чем сомнительна.

Остановимся еще на двух явлениях. Как известно, монг. *кесег* (халх. *хэсэг*, калм. *кэсэг*) 'часть' является тюркизмом, так как в монголь-

⁴ В «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, стр. 212) дан также вариант *игү*, что неверно, поскольку древнеуйгурское письмо, как известно, не различало гласные *и-ы*, *у-ү*.

⁵ А. М. Щербак. Указ. раб. Однако эту протезу необходимо проследивать в совокупности с явлениями перелома гласного *и-||ы-* (см. выше примеры слов, означающих в тюркских языках «дерево»).

⁶ Г. Д. Санжеев. Заметки по тюрко-монгольскому вокализму. — В сб.: «Studies in general and oriental linguistics». Tokyo, 1970, стр. 508—515.

ских языках отсутствует его исходная глагольная основа *кес-*, существующая в тюркских языках и имеющая значение «резать, делить». Однако в монгольском языке употребляется как бы вариант этой тюркской глагольной основы с вокализмом заднего ряда: *қасу-* (халх. *хас-*) 'убавлять, сокращать, урезывать, уменьшать'. В этой связи хотелось бы привести еще одну параллель: монгольское *кари-* (халх. *хари-*) 'возвращаться домой' и, например, казахское *кері* 'обратно, назад', древнетюркское *керу* то же и 'напротив'. Видимо, в более ранние времена в тюркских и монгольских языках существовали общие слова, но с вокализмами разных рядов. Здесь следует отметить и древнетюркские *јор-* и *јөр-* 'толковать, объяснять' (если нет ошибки в прочтении текста уйгурского письма, как это случилось с приведенным выше *ыру*); ср. монг. *иру-а* (интерпретируется как разившееся из *ирва* или *јирва*, в действительности же знак *-а* является показателем того, что предшествующий ему «вав» следует читать как *-о-*). О чередовании гласных заднего и переднего рядов в монгольских языках известно уже давно⁷.

Наконец, укажем еще на одно явление, нуждающееся в разъяснении тюркологов. Оно связано с давней проблемой отсутствия в тюркских словах конечного гласного, имеющегося в соответствующих словах монгольских языков. Приведем лишь два примера: кирг. *эрк* 'воля, свобода' и *эрке* 'баловень, неженка' (др.-тюрк. *ерик* и *ерк* 'сила, воля, могущество, власть', *ерке* 'баловень, неженка' и *ерік* 'воля, свобода'); каз. *жақ* 'щека, сторона, край' и *жаға* ← *жақа* 'воротник, берег' (др.-тюрк. *јақ* 'сторона' и *јака* 'воротник', кирг. *жак* и *жака* в тех же значениях); ср. монг. *ерке* (халх. *эрх*, бурят. *эрхэ*) 'право, власть, полномочие, капризный, избалованный' (здесь имеет место не омонимия, а полисемия), *джақа* (халх. *зах*, бурят. *заха*) 'край, сторона, воротник'. Возникает вопрос: каким образом и когда в тюркских языках одни и те же слова раздвоились фонетически и семасиологически, хотя изначально эти слова соответственно не являлись омонимами? По-видимому, нет оснований полагать, что тюркские слова с конечными гласными являются монголизмами.

Как известно, тюркизмы в монгольских языках выявляются сравнительно легко в тех случаях, когда возможно применить метод морфологического анализа, то есть когда производящие основы многоморфемных слов имеются в тюркских языках, но отсутствуют в монгольских; например, бурят. *јара* 'болячка, язва' из тюрк. *јара* при глагольной основе *јар-* 'рассекать, расщеплять' (о монг. *кесег* 'часть' упоминалось уже выше). Поиски же тюркизмов в монгольских языках методами фонетического анализа затруднены тем, что в целом фонетическая система монгольских и тюркских языков почти идентична, в силу чего звуковые субституции при взаимном заимствовании осуществляются очень легко. Нужно сказать, что поиски монголизмов в тюркских языках до сих пор почти не предпринимались (тут речь идет, конечно, о ранних монголизмах, а не о появившихся в этих языках после XIII века, не говоря уже о тувинских и алтайских монголизмах). Ниже мы приведем лишь два ранних монголизма.

Киргизское слово *кабырга* 'ребро' (в казахском языке еще и 'стена') выдает свое монгольское происхождение тем, что, во-первых, будь оно исконно тюркским, скорее звучало бы как *кабырук*, а во-вторых, его корневая основа отсутствует в тюркских языках, но имеется в монгольских, например: халх. *хавь* 'что-либо находящееся близко, окрестность' ← *қабы*⁸. Это простейший пример тюркского монголизма. Второй пример, как нам

⁷ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., стр. 126—134.

⁸ Ср. также др.-тюрк. *қабыш-* 'объединяться' и каз. *қабық* 'кора дерева'.

кажется, заслуживает специального рассмотрения прежде всего самими тюркологами. Речь идет о таком слове, как киргизское *жудурук* 'кулак' (общеизвестные его параллели из других тюркских языков мы не приводим). Принято считать, что это слово является производным от глагольной основы *јум-* 'закрывать' или этимологически связано с киргизским же *жумру* 'круглый' (по-видимому, здесь тюркологи-лингвисты имеют в виду туркм. *юмрук* в том же значении «кулак», вряд ли этимологически связанное с приведенным кирг. *жудурук*). Однако представляется более вероятным, что корневая основа данного слова имеется в однозначном монгольском *нидурга* ← *ныдурга*: *ниду-* (халх. *нүдэ-*, бурят. *нүдэ-*) 'толочь, измельчать в ступе, колотить, избивать кого-либо', а также в *нидура-* ← *ныдура-* (халх. *нудар-*, бурят. *нудар-*) 'бить, ударять кулаком, толкая (не взмахом)', 'при помощи кулака сдирать шкуру с туши'. И если это так, то либо корневая основа данного слова давно утрачена в тюркских языках, но сохранилась в монгольских, либо это слово в ряде тюркских языков является древним монголизмом. Полагаем, что подобные факты ранних тюркско-монгольских лингвистических связей могут быть обнаружены в тюркских языках при более тщательном исследовании лексики алтайских языков вообще.

В заключение хотелось бы обратить внимание исследователей на то, что при решении проблемы стечения согласных в конце слов в тюркских языках, которому в монгольских лексических параллелях соответствуют сочетания согласный+гласный (например, кирг. *керт-* и монг. *керчи-* 'резать'), необходимо оперировать лишь одноморфемными словами, но никоим образом не многоморфемными или такими одноморфемными, которые по народной этимологии могут быть поняты как двуморфемные. Дело в том, что при заимствовании каким-либо языком иноязычных слов последние подвергаются не только фонетической, но и морфологической субституции (по народной этимологии).

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М. Б. БАЛАКАЕВ

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Для создания художественных образов поэты и писатели широко используют все богатства родного языка. Творчески осмысливая сокровища общенародного казахского языка, современные литераторы Казахстана продолжают прогрессивные традиции своих предшественников — Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, Султанмахмута Торайгырова и др.

Каждый советский писатель живет общими интересами многонациональной литературы нашей страны, пользуется литературным языком своего народа. Вместе с тем, в зависимости от национальной принадлежности того или иного писателя и под влиянием той среды, в которой он жил, в языке создаваемых им произведений нередко встречаются диалектизмы. Например, прозаик и поэт Сакен Сейфуллин — выходец из Центрального Казахстана — писал на общенародном казахском языке, но в некоторых его произведениях дооктябрьского периода встречаются отдельные диалектизмы, типичные для говоров Центрального Казахстана.

Иногда писатели, уроженцы определенной области, употребляют диалектизмы, свойственные говорам других областей, если считают это полезным с точки зрения художественности. Так, Мухтар Ауэзов, родившийся в Семипалатинске, использовал диалектизмы, характерные для говоров Чимкентской и Алма-Атинской областей; поэт Ильяс Жансугуров, уроженец Аксуйского района Талды-Курганской области, использовал слова из говоров Западного Казахстана (об этом см. ниже).

Создавая художественное произведение, писатель стремится к красочности и своеобразию языка. С этой целью он вырабатывает свою индивидуальную манеру письма, наилучшим образом соответствующую его творческому замыслу. Поэтому язык художественной литературы не всегда и не полностью находится в строгом соответствии с нормами общелитературного языка. Однако следует иметь в виду, что влияние языка художественной литературы в наше время столь велико, что писатель должен чрезвычайно бережно и внимательно относиться к языку и стилю своих произведений, в частности к употреблению диалектизмов.

По нашему убеждению, казахский язык не распадается на резко выраженные диалектные группы, но включает в себя локальные говоры, широко изучаемые диалектологами. Местные языковые особенности, характерные для различных говоров, условно названы нами диалектными явлениями. Не являются нормой слова *žuda* 'совсем, слишком', *kojsaj* 'перестань, довольно', *kaıtkum žok* 'я не намерен вернуться', встречающиеся в языке романа «Сыр-Дарья» С. Муканова. Несколько необычно зву-

ным средством создания художественного образа. Так, собранные в Уральске специфические слова и выражения, характерные для говора казахов Западного Казахстана, писатель И. Жансугуров умело использовал в речи персонажей своей пьесы об Исатае и Махамбете. Это такие слова, как *manat* 'монета', *kalmaly* вм. *kalmajuk* 'не останемся', *pāp* вм. *il'k'ep* 'большой' и др.

Совершенно бесспорно, что умело введенные диалектизмы обогащают жанровые и стилистические возможности художественной литературы.

Нельзя говорить о целесообразности использования диалектных явлений в художественном произведении вообще. Следует рассматривать каждый конкретный случай в отдельности. Должны приниматься во внимание и жанровые особенности произведения, и литературные приемы социально-стилевой дифференциации речи, находящейся в прямой зависимости от содержания. Чтобы эффективно бороться против художественно неоправданных использований диалектизмов, необходимо раскрыть общие закономерности в употреблении диалектных явлений в художественной литературе.

Известно, что диалектизмы в языке литературных произведений выполняют самые различные функции: придают местный колорит, подчеркивают историческую достоверность событий, характеризуют персонажи, стилистически разнообразят произведения, обогащают синонимические ряды литературного языка.

В романе Х. Есенжанова «Янк — светлая река», в котором описываются исторические события, происходившие на территории Западного Казахстана, автором используются слова, специфичные для говоров Уральской области, как в диалогах, так и в авторской речи. Х. Есенжанов делает это сознательно и в основном оправданно, если не считать того, что диалектизмы в речи автора встречаются чаще, нежели в речи его героев. Так, персонажи употребляют слова: *lajkattap* вм. *uñajlap*, *lajyktap* 'стараться делать прилежно', *äntek'tik* вм. *añattyk* 'ошибочность', *mañşuk* вм. *uñtyk* 'страсть', *barkyp* вм. *žajdary* 'жизнерадостный'.

В авторской речи и в комментариях к этому роману употребляются ранее не встречавшиеся в литературном языке либо малоупотребительные слова: *mokşar* 'преграждая путь', *ilk'i* 'впервые, сначала', *salaualy* 'степенный', *sybdygum* 'редкий', *žar* 'стена', *mätök* 'франт', *mäk'erlik* 'упорство' и др.

Если использование слов *mokşar*, *mäk'erlik*, *barkyp* художественно мотивировано, то вряд ли можно считать оправданным употребление диалектных слов *ilk'i*, *sybdygum*, *mätök*, а также *žarğa ilingen* 'висящий на стене'. В романе «Янк — светлая река», написанном в основном хорошим литературным языком, малопонятные широкому читателю слова типа *mürder* вм. *susty* 'суровый', *sakartau* вм. *samarkau* 'вялый', *žarkat* вм. *bök'ebaj* 'шаль' и другие, безусловно, затрудняют чтение. Было бы весьма уместно, если бы автор снабдил такие слова комментариями, как это сделал писатель А. Сарсенбаев в романе «Рожденные в буре».

Многие наши писатели и языковеды видят в использовании локальных слов средство обогащения лексики литературного языка. Именно так расценивались профессионализмы, встречающиеся в романах «Караганда», «Сыр-Дарья», «Кровь и пот» и других. Вероятно, М. Ауэзов имел в виду местные профессионализмы, когда писал о необходимости обогащения литературного языка за счет областных слов.

Действительно, казахский литературный язык значительно обогатился как за счет сельскохозяйственных терминов, заимствованных из

устной речи населения юга Казахстана, так и за счет терминов рыболовства (да и не только рыболовства) из говоров Западного Казахстана.

Писатели правомерно употребляют слова *šabandoz* 'наездник', *otak* 'сорняк', *köšet* 'саженцы', *asaq* 'временная помощь', *tüjnek* 'несозревшая, маленькая дыня', *atyz* 'полоса земли', *kaγyk* 'грядка', *däliz* 'проходная комната' и т. д., взятые из лексики населения Южного Казахстана.

Однако вряд ли можно считать оправданным употребление не освоенных литературным языком слов *žudā* 'очень', *baγzy bigeu* 'некоторые', *mārte* 'раз', *taṃ* 'дом', *aukattanu* 'кушать' и других из говоров той же части Казахстана.

Совершенно недопустимо употреблять в авторской речи вместо литературных слов искаженные просторечные или диалектные формы, например: *karek'et* вм. *ärek'et* 'деятельность', *k'özegeṃ* вм. *k'özdegeṃ* 'прицелиться' у А. Нурпейсова, *kazbaγla* вм. *kazbala* 'копаться' у Д. Досжанова, *dušpaṃ* вм. *dušpaṃ* 'недруг' у Т. Алимкулова.

Здесь уместно напомнить следующие слова М. Горького: «Мало ли что и мало ли как говорят в нашей огромной стране, — литератор должен уметь отобрать для работы изображения словом наиболее живучие, четкие, простые и ясные слова»².

Неправильное понимание необходимости пополнять литературный язык словами народной речи приводит к засорению языка невыразительными и малопонятными словами.

Тщательно отобранные, выразительные диалектизмы не только обогащают литературный язык, но и помогают писателю правдиво отображать жизнь, характеры своих героев.

² М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 560.

Х. Р. КУРБАТОВ

МЕТРИКА «АРУЗ» В ТАТАРСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

Первыми значительными произведениями тюркоязычной литературы, созданными по правилам арабо-персидского квантитативного стихосложения *аруз*¹, как известно, являются поэмы «Кутадгу билиг» (1069—1070) Юсуфа Баласагунского и «Хибат ал-хака'ик» (XII—XIII вв.) Ахмеда Югнаки [метр обеих поэм — *мутака́риб-и мусамман-и махзүф* (иногда — *максүр*), то есть восьмистопный усеченный *мутака́риб*]². Однако можно предположить, что в поэзии тюркоязычных народов, принявших мусульманство, метрика *аруз* применялась несколько ранее, о чем свидетельствует большая часть поэтических текстов, включенных в «Дивану лугат-ит-тюрк» (1073 г.) Махмуда Кашгари³ и, следовательно, созданных задолго до этого «Дивана».

Весьма примечательно, что татарский поэт XII—XIII вв. Кул-Гали написал поэму «Йосыф ўә Зөләйха» (1212 г.) силлабической метрикой⁴. И это в тот период, когда в тюркской письменной поэзии полностью господствовала арабо-персидская система стихосложения *аруз*.

Последующие поколения татарских поэтов уже широко применяют эту систему квантитативного стихосложения.

Метр поэм «Хосров ў Ши́рин» Кутба (1341 г.), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353 г.) и татарской версии «Шәх-наме» Шерефи (XV в.) — *хазадж-и мусаддас-и махзүф* (— — — — — — — —). Например:

Anıñ kem al äñindä män jarattı,
Buıy berlä saçınu tññ jarattı

(«Möxäbbät-namä»)⁵

¹ Однако Х. Усманов считает, что «размер *аруз* в тюркоязычной поэзии возник в недрах тюркского стиха, и в данном случае, видимо, следует говорить не столько о влиянии персидского стихосложения на тюркскую поэтику, сколько об их типологическом сходстве» (см.: «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 152).

² И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1972, стр. 14—21; К. Махмудов. Ахмад Югнакийнинг «Хибатул ҳақойиқ» асари ҳақида. Тошкент, 1972, стр. 17; К. Қаримов. Некоторые вопросы композиции, метра и жанра «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 100—104.

³ См.: М. Fuad Köprülü. La métrique 'arüz dans la poésie turque. — «Philologiae turcicae fundamenta», II. Wiesbaden, 1965, стр. 252—253; Ahmed Aymutlu. Arüz. İstanbul, 1969, стр. 7—8; И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 21—22.

⁴ А. Джефар, в распоряжении которого, по-видимому, находился другой тюркоязычный вариант «Йосыф ўә Зөләйха», ошибочно принятый им за казанско-татарский, писал, что эта поэма написана арузом. См.: Акрем Джефар. Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968, стр. 30.

⁵ «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 197.

Здесь после второго и шестого *тафа'иля* (стопы) каждый стих разбивается паузной цезурой на два полуступишия, а последние после четвертого слога (то есть после каждой стопы) имеют обыкновенную (межсловесную) цезуру. Тем самым аруз приобретает ритмическое звучание, характерное для народных песен. Иначе говоря, в одном и том же стихотворении переплетаются особенности и аруза, и силлабики:

(— — — — | — — — — || — — — — | — — — —).

Подобное сочетание особенностей аруза и силлабики можно наблюдать и в творчестве более поздних поэтов — Г. Кандаля, С. Рамиева и др.

Большинство стихотворений Г. Кандаля¹¹ (в том числе и цикл стихов, посвященных Сахибджамал) написаны метром *хазаджу-и мусаман-и салим* с паузной цезурой после второй и шестой стоп

(— — — — — — — — || — — — — — — — —):

Ilahi, bu asyl qoşny
Tubyj ayaçyna qundyr
(«Qälämem dä taja ide»)

‘Боже, сделай так, чтобы эта благородная птица
Села на дерево тубы [райское дерево]’
(«И перо выпадало из моих рук»).

Значительно реже употребляется *хазаджу-и мусаддас-и махзүф*

(— — — — — — — — — —):

Küñeldän kitärür öc narsä qajyu:
Jäşel çiräm, güzäl mäxbüb, aqar su
(«Qajyuğa dāwa»)

‘Три вещи снимут горе и печаль с души:
Зеленая травка, прекрасная возлюбленная и текущая вода [ручеек]’
(«Лекарство от горя и печали»).

Г. Кандалий использует и такую разновидность метра *хазаджу-и мусаддас-и махзүф*, где после каждой стопы — цезура

(— — — — | — — — — | — — — —):

Bu xatymny | qabul itep | alasyn;
Qabul itsän, | çiten özep | alasyn
(«Bilge»)

‘Мое письмо принимаешь;
Если принимаешь, краешек отрываешь’
(«Примета»).

У поэта только в двух или трех случаях встречается метр *рамал-и мусамман-и махзүф* с паузной цезурой

(— — — — — — — — || — — — — — — — —),

например:

Kürde küzem, döşde küñlem
Ul bāder surätenä
(«Jä qojaşsyn, jä ajsyn»)

‘Глаза мои увидели, душа полюбила
Твое личико, подобное полной луне’
(«Ты — или солнце, или луна»).

Среди стихотворений, приписываемых Г. Кандалию, есть лишь одно, в котором встречается метр, отсутствующий в других произведениях поэта — *рамал-и мусаддас-и махзүф* (— — — — — — — — — —).

¹¹ Г. Кандалий. Шигырлар. Казан, 1960.

Стиль этого стихотворения также не свойствен творческой манере Г. Кандаля:

Ässälam wä ässälam wä ässälam;
 I žanyj, bāydä sälam bulyr qālam, — и т. д.
 («Här qajčan, här žirdä»)
 'Привет, привет и еще раз привет;
 О любимая, после приветов будет сказано слово'
 («Везде и повсюду»).

Формы народного стиха (силлабика) представлены в творчестве поэта двенадцатисложником с цезурой после четвертого и восьмого слогов и рифмой типа *а—а—а—реди́ф*, *б—б—б—реди́ф*, *в—в—в—реди́ф* и т. д. [в двух стихотворениях — «Назымы Йосыф» («Стих Қисса-и Йусуф») и «Кәжә» («Коза»)], то есть использован метр поэмы «Йосыф үә Зөләйха» Кул-Али.

Излюбленный метр Г. Тукая — *рамал-и мусамман-и махзүф* (— — — — — — — — — —). В первых двух томах четырехтомника произведений поэта, включающих его поэзию¹², этот размер встречается 143 раза:

Näq Qazan artynda bardyr ber awyl — Qyrlaj dilär;
 Zyrlayanda, köj öčen, tawyqlary žyrlaj dilär...
 («Süräle»)
 'Под самой Казанью есть деревня — называется Кырлай;
 Чтобы в песне была рифма, говорят: «Там и куры поют»'
 («Леший»).

По частоте употребления за этим метром следует *хазадж-и мусамман-и сәлим* (— — — — — — — — — —), которым написано 51 стихотворение:

Menä kič. Zur awyl östendä çyqty nurly aj qalqyp.
 Kömeşlängän böten öjlär, wä saxralar tora balqyp
 («Ana doçasy»)
 'Вот настал вечер. Над большой деревней появилась лучистая луна.
 Посеребрились все дома, и все поле блестит'
 («Молитва матери»).

Метр *хазадж-и мусаддас-и махзүф* (— — — — — — — — — —) отмечен в 46 случаях:

Isär žil! Köčlesen, sin bik batyrсын;
 Ačulansaң, žihanny quzçatyrсын
 («Žil»)
 'Дующий ветер! Ты силен, ты — богатырь;
 Если ты рассердишься, вселенную можешь сдвинуть с места'
 («Ветер»).

Метр *рамал-и мусаддас-и махзүф* (— — — — — — — — — —) Г. Тукай использовал главным образом при создании поэм и сюжетных стихов (всего 23 случая):

Başlyjq äle süzne Qarāxmät ilä;
 Jad itärlär — kem belä? — rāxmät ilä
 («Peçän bazary, jaxud jaңa Kisek baş»)
 'Начнем же слово с имени Карахмета;
 Будут вспоминать — кто знает? — с благодарностью'
 («Сенной базар, или новая Отсеченная голова»).

¹² Габдулла Тукай. Әсәрләр. Дүрт томда. Казан, 1955—1956.

В некоторых произведениях [«Бер шәйехнең мөнәжәте» («Жалоба шейха»), «Сөткә төшкән тычқан» («Мышь, попавшая в молоко»), «Алтын этәч» («Золотой петух»)] Г. Тукай применял различные метры (в зависимости от содержания и поэтической интонации). А в стихотворении «Бер газета идарәсе хәленнән» («О делах редакции одной газеты»), построенном на силлабике, заключительное двустопишье имеет метр *хазадж-и мусамман-и сәлим*. Иногда вначале поэт пишет арузом, а затем переходит на размер «Қисса-и Йусуф» («Йосиф ўә Зөләйха») — в стихотворениях «Кечкенә бер көйле хикәйә» («Небольшое рифмованное сказание») и «Кәжә туғрысында» («О козе»).

Форму народного стиха Г. Тукай употребляет довольно часто: 23 стихотворения написаны двенадцатисложником с цезурой после четвертого и восьмого слогов (размер «Қисса-и Йусуф»), 16 — другими размерами силлабики (среди которых встречается наиболее распространенный в современной поэзии десяти-девятисложник с цезурой после четвертого и шестого слогов — стихотворение-песня «Эштән чығарылған татар қызына»). Одно из стихотворений поэта соответствует форме персидской народной поэзии — *рубаи* (метр — *шаджара-и ахрам*, рифма — *ааба*):

Qurqytma sin, alla, jāšen belān, —
Barber mīn quryqmyj jāši belām.
Qurqytсан да quryqmyjм — ajazymny
Satyp aldim jāšem belān!
(«Jāšen jāšnāgāndā»)

‘Молнией и громом не пугай меня!
Не боюсь я, боже, твоего огня!
Я купил бесстрашие дорогой ценой:
Долго лил я слезы в темноте ночной’
(«Молния». Перевод А. Тарковского).

И, наконец, Х. Такташ¹³. Его трагедия в стихах «Жир уллары трагедиясе» («Трагедия детей земли») от начала до конца выдержана (с характерными для драматургического произведения отступлениями) в метре *рамал-и мусамман-и махзүф* (с паузной цезурой после второго и шестого тафа’иля: — — — — — || — — — — —, то есть каждый *мисра’* разбит на две строки):

Salma bezne, täñre, tayyn
Sin yazapqa, qajyuyā.
Ütte yömrebez bolaj da
Qanlı xäsärät, qajyuda...
‘Не бросай нас, боже, опять
В пучину горя и мучений.
И без того прошла наша жизнь
В кровавой печали и скорби’.

В других произведениях Х. Такташа аруз используется не в традиционном напевном стихе, а для создания полиметрического говорного стиха¹⁴. В основе таких стихотворений и поэм, как «Пасха чаннары» («Пасхальные звоны»), «Ғасырлар һәм минутлар» («Века и минуты»),

¹³ *Ғади Такташ*. Сайланма әсәрләр. Казан, 1963.

¹⁴ Как известно, говорной стих, в зависимости от фонетического строя языка, может создаваться в различных системах стихосложения и по своему ритмическому строю может быть двух видов: полиметрическим и дисметрическим или, по традиционной французской терминологии, — *vers libre classique* (стихи со смешанным размером) и *vers libre moderne* (см.: Zygmunt Czerny. Le vers libre français et son art structural. — «Poetics. Poetyka. Поэтика». Warszawa, 1961, стр. 249). Последний в русском стиховедении известен как «свободный стих», или «верлибр».

«Сырқыды аўылы» («Деревня Сырқыды»), «Әўхәди» («Аухадий»), «Никахсызлар» («Внебрачные»), лежит метр *рамал-и мусаддас-и махзүф* (— — — — — — — — — —), но с отступлениями от него по числу стоп в строке.

После 1925 года Х. Такташ использовал в своей поэзии исключительно силлабику.

Анализируя творчество видных представителей татарской поэзии разных эпох, можно прийти к следующему заключению: поэты использовали главным образом два основных рода аруза — *хазадж* и *рамал* — из девятнадцати, насчитывающихся в арабо-персидском и тюркском стихосложении. Изредка встречаются еще *раджаз*, *мутака̄риб* и *муза̄ри*. Притом из каждого рода аруза нашли применение только один или два метра, ритмически наиболее близких народному стиху. Это *хазадж-и мусаддас-и махзуф*, *хазадж-и мусамман-и салим*; *рамал-и мусаддас-и махзуф*, *рамал-и мусамман-и салим*, *раджаз-и мусамман-и макту*, *мутака̄риб-и мусамман-и махзуф*, *мутака̄риб-и мусамман-и макбуз-и аслам*, *муза̄ри-и мусамман-и ахраб*, *муза̄ри-и мусамман-и ахраб-и макфуф-и махзуф*.

В татарском языке нет деления гласных на долгие и краткие. Однако в метрике аруз долгим слогам соответствуют закрытые слоги. Исключение составляет слог, оканчивающийся на n^{15} , η (иногда и на некоторые другие звуки— m , r , j , ω), который, в зависимости от требований метра, может быть и долгим и кратким. Все открытые слоги воспринимаются как краткие, но, попадая на место долгого слога, они могут выполнять и функции последнего¹⁶. Таким образом, при создании стихов в метрике аруз татарские поэты умело использовали богатые резервы родного языка.

У некоторых поэтов в одном и том же стихотворении используются и цезуры и чередование долгих и кратких слогов. Отдельные литературоведы расценивают это как особую систему стихосложения¹⁷, тогда как на самом деле это не что иное, как сочетание особенностей силлабики и аруза, используемых одновременно. Если в «Диване» Махмуда Кашгари такое явление свидетельствует о первых шагах тюркского аруза (арабо-персидская система стихосложения приспособлялась к тюркскому языку через силлабику¹⁸), то в дальнейшем, как указывалось выше, это выражает стремление поэта придать стихам самобытное национальное звучание [что, в сущности, означало постепенный возврат к силлабике— «Пигәмбәр» («Пророк») С. Рамиева или «Ұақыт һәм йақут» («Время и якут»), «Айырма» («Разница»), «Билге» («Примета») Г. Кандаляя], сделать стихи возможно более благозвучными и напевными [например, «Мәрсийәйе Хәмдийе» («Памяти Хамдии») У. Имәни].

¹⁵ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 248—249.

¹⁶ Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи Иззат Султанов. Тошкент, 1949, стр. 46—53; طهیر الدین محمد یاب. عروض رسالہ سی. موسکوا.

۱۹۷۲: عبداللہ الجلداری . علم عروض نمونہ سی۔ اور نیورغ، ۱۹۰۶

Xäjrettin Vəli. Tatar şöier təzeleşe. Qazan, 1929; *Г. Шамуков*. Татар шигырендә **силлабиклык** һәм гарәп бәхәрләре турында. — «Совет әдәбияты», 1959, № 1; *Әхмәт Исхак*. Тукайның шигыри осталыгы. Казан, 1963, стр. 28—30; *М. Бакиров*. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований. Автореф. канд. дисс. Казань, 1972; *М. Хамраев*. Очерки теории тюркского стиха. Алмата, 1969, стр. 20—21; *И. В. Стеблева*. Указ. раб., стр. 18.

¹⁷ М. Бакиров. Указ. раб., стр. 25.

¹⁸ М. Fuad Köprülü. Указ. раб., стр. 252; И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 89.

В период, когда письменная поэзия стала все более тяготеть к ритмам народного стиха, а разговорная речь все смелее использоваться в поэзии, для поэтов стало очевиднее, что система аруз чужда природе народного татарского языка. Поэтому к концу 20-х годов нашего века аруз исчезает из татарской поэзии как система стихосложения, во многом не соответствующая фонетической структуре языка, хотя длительное господство аруза в татарской поэзии и не прошло для нее бесследно (например, употребление ритмически открытых слогов¹⁹).

¹⁹ Необходимо, однако, заметить, что употребление ритмически открытых слогов не является лишь следствием влияния аруза и встречается не только в современной татарской поэзии. Это явление можно наблюдать и в поэтической речи древних тюрков [ср., например, отдельные отрывки из «Памятников древнетюркской письменности» С. Е. Малова (М.—Л., 1951); см. об этом, но в другой трактовке: Х. Госман. Татар шигыре. Казан, 1964, стр. 30—58], и в устной и письменной поэзии многих современных тюркских народов, и даже в русских частушках. Таким образом, спорадическое чередование ритмически открытых слогов является лишь дополнительным средством для достижения большей благозвучности стиха на многих языках.

Л. Н. СЕРИКОВА

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ РУБАИ АЛИШЕРА НАВОИ

При изучении художественных особенностей стиха Алишера Навои весьма плодотворным является обращение не только к канонизированным нормам средневековой восточной поэтики, но и к теоретическим положениям современных исследований русской средневековой, классической и советской литературы, ибо в этих работах часто выявляются закономерности, общие для творчества поэтов разных народов и эпох. В частности, своеобразным ключом к выявлению закономерностей в организации малых форм в поэзии Навои может послужить следующее наблюдение Ю. Лотмана: «Используя тот или иной естественный язык, язык искусства делает его формальные стороны содержательными... В момент восприятия художественного текста мы склонны ощущать и многие аспекты его языка в качестве сообщения — формальные элементы семантизируются, то, что присуще общекommunikационной системе, войдя в специфическую структурную целостность текста, воспринимается как индивидуальное. В талантливом произведении искусства все воспринимается как созданное *ad hoc*»¹.

При внимательном изучении рубаи Алишера Навои обращает на себя внимание однотипность конструкций некоторых групп стихов.

Характерный конструктивный принцип, прослеживаемый в ряде стихов этого жанра, положен, например, в основу следующего рубаи:

Gardun uza bazm uĉun makom ajladi tut,
Ul bazmda xuršidni žom ajladi tut,
Ul žom ila iŝratni mudom ajladi tut,
Oxir dam er k'ujī xīrom ajladi tut (стр. 745)²

‘Устроил место для пира на небесах — держись,
На том пиру солнце сделал кубком — держись,
С этим кубком наслаждение сделал постоянным — держись,
В последний момент (наконец) спустился на землю — держись’.

Здесь отчетливо выступает ступенчатое построение стиха: смысл каждой последующей строки логически связан с содержанием предшествующей. Это достигается путем использования в начале последующей строки слова-понятия, составляющего смысловой центр предыдущей: для первой и второй строк в приведенном примере таким связующим

¹ Ю. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970, стр. 28—29.

² Здесь и далее ссылка на издание: Алишер Навоий. Хазойинул-маоний, т. I. Тошкент, 1959.

элементом является слово *bazm*, для второй и третьей — *žom*. Хотя четвертая строка семантически резко противопоставлена остальным трем, тем не менее она, во-первых, сохраняет их интонацию, а, во-вторых, само противопоставление в первой и четвертой строках антонимической пары понятий (*gardun* 'небеса' — *eg* 'земля') как бы связывает между собой начало и конец четверостишия.

Частный случай подобного типа конструкций представляет собой рубаи, начало второй строки которого повторяет конец первой, а начало третьей — конец второй:

Ahbob dengizk'i, xonumondin tama' uz,
Ne xonu ne mon, k'avnu mak' ondin tama' uz,
Ne k'avnu mak'on, žonu žahondin tama' uz,
Lek'in demangiz munik'i andin tama' uz (стр. 752)

'Друзья, потребуйте: откажись от имущества,
Что от имущества, откажись от всего сущего,
Что все сущее, откажись от души и мира,
Не требуйте только: откажись от нее'.

Или:

Āj šarbati la'ling obihajvondin alaz,
Hajvon sujini kujk'i, čučuk' žondin alaz,
Ne žondin alaz, ne obihajvondin alaz,
K'im harnek'im jok, andin alaz, andin alaz (стр. 748)

'О, шербет рубинов слаще живой воды,
Что живая вода, слаще сладкой души,
Слаще души, слаще живой воды,
Нет ничего, что было бы слаще него, слаще него'.

Такое повторение слов конца первого полустишия бейта в начале второго в классической поэтике называется *тасбе*. В рубаи этот прием распространяется еще на одно полустишие, и этим достигается как больший эстетический эффект, так и композиционная целостность двух бейтов рубаи.

Следует отметить, что связующий элемент здесь — рифма (рифмующиеся слова), а реди́ф в этом существенной роли не играет.

Примечательно, что во втором из приведенных выше примеров Навои не только повторяет последнее слово предшествующей строки в начале следующего за ней полустишия, но и связывает его со словом, синонимичным тому, с которым оно выступает в предыдущей строке: *obihajvon—hajvon suji, čučuk' žondin — žondin alaz*. При этом поэт изменяет порядок связи этих слов, то есть создает своеобразный палиндром, который также способствует композиционной цельности рубаи.

Анализ рубаи показывает, что большинство из них не распадается на бейты, ибо связанными между собой и уравненными конструктивно оказываются первые три строки, а четвертая — скрепляет эту связь, завершая образование единого целого:

Böldi mening olmagimga savdo bois,
Savdoya havoji žomi sahbo bois,
Sahboya doyi dajru čalipo bois,
Bu barčaga ul dilbari tarso bois (стр. 746)

'Стала смерти моей страсть причиной,
Страсти — воспаляющая чаша красного вина причиной,
Вину — пир и крест причиной,
А всему этому — та нечестивая красавица причиной'.

Однако этот тип конструкции рубаи не всегда строится на повторении одного и того же слова в соседних строках. Подобная конструкция

может существовать и без внешней фиксации последовательной зависимости строк:

ʋ
Zonbaxs labing časmai hajvonmu āmas,
Hažrdin oning ičim tola konmu āmas,
Har katrai kon la'li Badahšonmu āmas,
Har porai la'li žavhari žonmu āmas (стр. 753)

‘Твои живительные уста — не родник ли живой воды,
От разлуки с ним не наполнилось ли нутро мое кровью,
Каждая капля крови — не рубины ли Бадахшана,
Каждый кусочек рубина — не жемчужина ли души’.

Здесь каждая последующая строка исходит из предыдущей, образуя семантическую цепь, однако формального выражения это не находит.

Аналогично построен и следующий рубай:

K'ōnglumni yami dard ila kon ajladi išk,
K'ōz jōlidin ul konni ravon ajladi išk,
Har katrani bilmadim kajon ajladi išk,
Bedil āk'ōnim bujla ajon ajladi išk (стр. 758)

‘Сердце мое печали и страдания кровью обагрила любовь,
Из глаз эту кровь заставила течь любовь,
Не знаю, где берет каждую каплю любовь,
Так обнажила мою влюбленность любовь’.

В данном рубай завершенность конструкции достигается соотносительностью слов *k'ōngul* — в первой строке и *bedil* — в последней.

На этом фоне отчетливо проступает этимология слова *bedil*, что позволяет уяснить значения его частей. В результате последняя строка может быть воспринята и как: «любовь выявила, что у меня (больше) нет сердца».

Ситуация, упомянутая в первой строке, находит разрешение в отрицании самого подвергающегося воздействию объекта — сердца.

В другом случае Навои, мастерски обыгрывая эту же пару слов, дает новую интерпретацию традиционному поэтическому образу, выраженному фразеологическим сочетанием «огонь любви»:

Sen xud borasen k'ōngulni kajtaryil axi,
Bedillik ōtidin meni kōtkaryil axi (стр. 742)

‘Ты сама уйдешь, возврати мне сердце,
Спаси меня от огня влюбленности’.

Логическая связь между этими строками основывается на формальной возможности трактовать понятие *bedillik* как состояние отсутствия сердца. Раскрытие буквальных значений частей слова, подготовленное всем содержанием первой строки, позволяет воспринять вторую строку как комментарий к первой, что выявляет в этих строках общее и акцентирует его.

Связь между строками в рубай может быть достигнута также путем использования различных семантических повторов. К разновидностям последних относится прием, известный в классической поэтике под названием *тадридж*. Суть его заключается в постепенном нагнетании от строки к строке экспрессии в стихе. Этим приемом широко пользовался Навои

в своей газельной лирике³. Несомненный интерес представляет использование его в рубаи, включенных в «Хазойинул-маоний». Рассмотрим, например, следующее четверостишие:

Bu kosid iřim oħu fiyon ajladilo,
Bu ruk'a tanimni notavon ajladilo,
Bu sa'b xabar iřimni kon ajladilo,
Bu konliy iřim halok'i řon ajladilo (стр. 742)

‘Этот вестник вздох и стоны моим занятием сделал,
Это послание тело мое слабым сделало,
Эта тяжелая весть сердце мое окровавленным сделала,
Это окровавленное сердце душу мою погибшей сделало’.

В семантическом плане содержание каждой из трех первых строк совпадает: неприятное известие причинило лирическому герою страдание. Различие между вариантами выражения этой общей мысли заключено прежде всего в степени их экспрессивности, нарастающей от строки к строке за счет двух разнонаправленных тенденций. Первые три строки логически связаны между собой последовательной конкретизацией явления, вызвавшего соответствующие эмоции у лирического героя (kosid ‘вестник’ — ruk'a ‘послание’ — sa'b xabar ‘тяжкая весть’), а также сужением значения понятия, обозначающего объект воздействия (iřim ‘общее состояние’ — tanim ‘тело’ — iřim ‘нутро, сердце’). Этот процесс сопровождается усилением накала чувств, передаваемого значением слов, содержащих оценочную характеристику состояния героя: oħu fiyon ‘стоны’ — notavon ‘слабость’ — iři kon ‘страдание’.

Нагнетание экспрессии воспринимается читателем особенно ясно на фоне структурной уравнированности строк, достигаемой поэтом однородным синтаксическим построением каждой фразы и подчеркнуто анафористическим зачином и редифом. Единообразие начала и конца каждой строки наряду с почти полным совпадением их семантического содержания предопределяет и общую интонацию, а интонационный параллелизм способствует их сопоставлению именно в плане эмоциональной насыщенности, которая и выступает в качестве дифференцирующего начала. Целям дифференциации служит также использование для выражения понятий, связанных общей семантикой и выполняющих одинаковую функцию в строке, разнокорневых слов: kosid—ruk'a—xabar.

Уравниванием строк в синтаксическом и интонационном плане, сочетающимся с подчеркиванием указанных различий в семантически однородном контексте, и достигается эффект поэтической напряженности и внутренней динамики стиха.

В четвертой строке, в которой при сохранении стилистического подобию с предшествующими эмоциональное напряжение достигает предела, имеет место заметный семантический сдвиг: на героя воздействует не внешний фактор, сообщаемый и варьируемый в предыдущих строках, а его внутреннее состояние. Логическая связь последней строки с предшествующими тремя осуществляется путем использования в качестве грамматического субъекта названия понятия, ранее выступавшего в роли объекта воздействия.

Наиболее действенным средством в такого типа конструкциях является расположение ряда родственных понятий в порядке градационного

³ М. Шайхзода. Алишер Навоий лирикасининг баъзи бир поэтик усулари ҳақида. — В сб.: «Ўзбек адабиёти масалалари». Тошкент, 1959, стр. 244; Е. Исоқов. Алишер Навоийнинг илк лирикаси. Тошкент, 1965, стр. 105—106.

возрастания или убывания признака. Ряд этот может быть распространен на все четыре строки:

Āj žism, aning k'ōjini pajdo kilak'ōr,
 Āj k'ōngul ōšul k'ōjini ma'vo kilak'ōr,
 Āj k'ōz, sen oning juzin tamošo kilak'ōr,
 Āj ašk', oning k'ōji sori okilak'ōr (стр. 751)

‘О тело, постарайся найти ее улицу,
 О сердце, постарайся обжить ту улицу,
 О глаз, постарайся увидеть ее лицо,
 О слеза, постарайся течь по ее лицу’.

Как и в предшествующем примере, здесь многократно повторяется одна и та же овладевшая героем мысль о необходимости встречи с возлюбленной. Сам по себе прием повтора, подчеркнутый грамматическим и синтаксическим параллелизмом фраз и особенно анафористичностью начал и концов строк, создает впечатление их некой эквивалентности. Однако на этом фоне смысловое различие опорных слов каждой фразы выступает с особенной четкостью: *žism* — *k'ōngul* — *ašk'*. Сопоставление слов этого ряда выявляет строгую закономерность: от строки к строке физический образ героя вытесняется образом эмоциональным, все ярче раскрывается его внутренняя сущность, а сохранение интонационного единообразия стихов еще более подчеркивает это.

Обычно созданию подобного эффекта способствуют также идентичное расположение упомянутых понятий в строке, их единая грамматическая форма. Это прослеживается и в следующем рубаи:

K'ōk'sumni žafo bila jora kiling,
 K'ōnglumni čikoring doyi juz pora kiling.
 Har porasini bir sori ovara kiling,
 Iškim ōtiga bu nav' ila cora kiling (стр. 761)

‘Раньте мою грудь мечом жестокости,
 Выньте мое сердце и разорвите на сто кусков.
 Каждый из кусков бросьте в одну из сторон,
 Огонь моей любви уймите таким образом’.

Смысл последней фразы подводит логический итог всему ряду приведенных понятий, окончательно уничтожая объект. Однако столь наглядное выделение градационного ряда в стихотворении не обязательно:

Juz mehnatu ʔam k'ōngluma etkurdi firok,
 Zonimʔa balovu dard ōkin urdi firok,
 Žismimni fano ōtiʔa k'ōjdurdi firok,
 Cun kujdi, k'ulini sovurdi firok (стр. 758)

‘Сто мучений и скорбей принесла моему сердцу разлука,
 В душу мою стрелы горя и страданий пустила разлука,
 Тело мое сожгла в огне тленья разлука,
 Когда сожгла, развеяла пепел его по ветру разлука’.

Хотя в последнем примере понятия *k'ōnglum*—*žonim*—*žismim*—*k'uli* и не занимают идентичной позиции в стихе и не имеют общей грамматической формы выражения, однако подчинение всей структуры стиха логическому развитию этого ряда не вызывает сомнений. В отличие от предыдущих рубаи здесь грамматический субъект вынесен в конец каждой из строк и выступает как редиф. Это создает единообразие интонационного звучания и способствует сопоставлению строк между собой, подчеркивая различие их семантических оттенков.

Подобного типа конструкция возникает и при сближении в определенной логической последовательности пространственных или временных понятий:

Ollimda tabibi čorasozim ham jök,
Jonimda rafiki dilnavozim ham jök,
Tegramda anisi žongudozim ham jök,
Bošimda šahi bandanavozim ham jök (стр. 759)

‘Передо мной лекаря-целителя моего нет,
Рядом со мной милого приятеля моего нет,
Возле меня любимого моего друга нет,
Надо мной милостивого шаха моего нет’.

Схему организации подобного ряда понятий в рубай графически можно было бы изобразить в виде восходящей спирали. Этим и объясняется внутренняя динамика стихотворных строк, уравновешенных не только внешне — идентичным синтаксическим построением и использованием тождественных грамматических форм, — но и почти полным совпадением семантики, так как *tabibi čorasozim* — *rafiki dilnavozim* — *anisi žongudozim* — *šahi bandanavozim* представляют собой в данном контексте синонимические сочетания. Смысл всех строк один и тот же — он выражает одиночество героя.

Примечательным в этом рубай является и то, что каждое слово первой строки близко по звучанию и совпадает по размеру с соответствующими словами последующих строк. Здесь автором использован прием, именуемый в восточной поэтике *tarce* (что буквально значит «оправлять драгоценные камни»), к которому обычно обращаются только в начальных бейтах газели.

В нижеследующем рубай логическая связь между строками осуществляется путем использования естественной последовательности временных понятий:

Furkat sahari yamyā julikturdi meni,
Hižron k’uni juz baloŷa topšurdi meni,
Gam šomi ölüm holiŷa etkurdi meni,
Tong otkuča ujkusizliŷ öldurdi meni (стр. 771)

‘Рассвет разлуки направил меня к печали,
День разлуки принес мне сто несчастий,
Ночь печали довела меня до состояния, близкого к смерти,
Пока возшла заря, бессонница убила меня’.

Изафетные конструкции здесь прежде всего выражают развитие во времени обозначаемого явления: *furkat sahari* ‘утро разлуки’ — начало, *hižron k’uni* ‘день разлуки’ — естественно следующий за ним этап, и лишь сочетание *yam šomi* ‘ночь печали’, помимо временной ориентации, несет еще и дополнительную нагрузку: передает экспрессивную характеристику явления. Совершенно очевидно, что эти конструкции используются поэтом для объединения семантически и синтаксически однородных строк вокруг единого стержня — основной мысли, выражаемой рубай. Этим и определяется их органическая связь. Художественной эффективностью этой конструкции в различных ее вариантах и объясняется тот факт, что около десяти процентов тюркских рубай у Навои организуется именно по этой схеме.

Связь семантически однородных строк может осуществляться и посредством простого примыкания. При этом однородность семантических функций каждой из строк в стихе (или хотя бы первых трех строк) может быть подчеркнута параллелизмом используемых в ней грамматических форм, например:

Jo kôšifi asrori nihon bôlsa kiši,
Halloli ramuzi osmon bôlsa kiši,
Jo ošiki zori notavon bôlsa kiši,
Devonau rasvoji žahon bôlsa kiši (стр. 769)

‘Или открывателем сокровенных тайн бывает человек,
Толкователем небесных знаков бывает человек,
Или слабым плачущим влюбленным бывает человек,
Безумцем, позором мира бывает человек’.

Одинаковые грамматические формы создают в стихе внутренние созвучия, усиливающие впечатление цельности поэтической формы.

Однородные по своим семантическим функциям строки могут иметь и совершенно различные грамматические формы:

v
Zonim aro ôt la'li suxandoning uçun,
Juzum uza k'avk'ab mohi toboning uçun,
K'ök'sumda alif sarvi xiromonig uçun,
Súzlab juz oçib k'el, bu taraf žoning uçun (стр. 756)

‘Огонь в моей душе — для рубинов твоего красноречия,
Звезды на моем лице — для твоей полной луны,
Алиф в моей груди — для кипариса твоей грациозности,
Приди, заговори, открой лицо — все здесь для твоей души’.

В этом рубай первые слова всех строк синтаксически равноценны. Однако выполняемая каждым из них функция обстоятельства места выражается по-разному: при помощи послелогов аго, uza и местного падежа.

Распространенные обстоятельства образа действия могут быть выражены различно: сочетанием глагола с направительным падежом существительного, с помощью вспомогательного слова в местном падеже, определительным сочетанием в исходном падеже. Неодинаковость грамматических форм при однородности синтаксической организации подчеркивает семантическую функцию этого повтора — основную характеристику предмета, качества или состояния:

Gurbatya tušub zaifu bemor öldum,
Dardu yamu mehnat ilgida zor öldum,
Sartosar ažal tošidin alğor öldum,
Sensiz ne balolarga giriřtor öldum (стр. 764)

‘Попав на чужбину, стал я слаб и болен,
В объятиях страдания, тоски и трудов я плачу,
С головы до ног я изранен камнем смерти,
В какие только беды не попадал я без тебя’.

Повтором может служить и сохранение интонации, выражающей отношение автора к высказываемому. И в этом случае повтор является одним из средств конструктивной организации стиха. Рубай может быть построено и так, что каждая его строка будет выражать риторический вопрос. При этом для всех строк сохраняется общая тема, хотя строки внутренне связываются между собой только интонацией:

Isjon aro kolyon ibtilonimu dejn?
Ma'mur ätk'on nafsi dagonimu dejn?
Jök toat ila k'ibru rijonimu dejn?
Jaxši demak' özin bu balonimu dejn? (стр. 767)

‘Оставшегося в смуте назову ли одержимым?
Того, кто подчинился приказу, назову ли предателем?
Отсутствие гордости и послушания назову ли лицемерием?
Хорошо говорить о себе — назову ли это злом?’

Или:

Masʒidka neʒa ahli rijodek' ātajin?
Jo rind k'ibi azimati dajr ātajin?
Maksud topilsa jaxši, jōksa netajin?
Bošimni olib kaj sori āmdī k'etajin? (стр. 765)

‘Пойти ли мне, подобно некоторым лицемерам, в мечеть?
Или, уподобясь гуляке, отправиться на пир?
Если есть цель — хорошо, если нет — что же мне делать?
Где мне преклонить голову, куда теперь пойти?’

Классическая поэтика отмечает традиционность этого приема, именуемого *таджухул-ал-ариф* («представление знающим незнающего»). В поэтической практике он может сочетаться и с другими приемами, как, например, в следующем рубаи Навои:

Mungluḡ bošim ostidoḡi tošimnimu dej,
Toš ustidaḡi ḡarib bošimnimu dej,
Xasrat sujidin k'ōzumda jošimnimu dej,
Olmak'din sa'brok maošimnimu dej (стр. 771)

‘Скажу ли, что камень под моей головой?
Скажу ли, что на камне моя голова скитальца?
Скажу ли, что в глазах моих слезы от обиды?
Скажу ли, что мой удел труднее (тяжелее) смерти?’

Первые две строки рубай объединяет использованная в них фигура палиндром (во второй фразе повторяются слова первой, но в обратном порядке).

Лексические палиндромы часто выступают у Навои как конструктивный прием, организующий рубайи. Так, например, описывая замерзающий водоем, Навои добивается яркой образности стиха, используя всего два характерных сравнения, но в различных сопоставлениях:

Suv k'ōzgusini boy aro ajlarda šitob,
Sijmob kilur ārdi taxarruk' bila tob,
Daj kildi bu simobni andok k'ōzgu,
K'im k'ōzgu aning košida bōlḡaj sijmob (стр. 744)

‘Когда зеркало вод волнуется в саду,
Оно перекачивается и разбивается, как ртуть,
Зима сделала эту ртуть таким зеркалом,
Что зеркало перед ним явится ртутью’.

В первой строке вода сравнивается с зеркалом, во второй — с ртутью, в третьей строке эти слова объединены в обратной последовательности *sijmob* — *k'ōzgu*, в последней строке они вновь повторяются, но уже в последовательности, обратной по отношению к третьей строке.

О намеренном использовании этого приема свидетельствует повторение подобной организации стиха и в других произведениях поэта:

Kurkutma meni tomuydin, āj zohiri jax,
Zannat manga bōlyusi debon urma zanax,
K'im dōzah oning jodi bila žannat ārur,
Zannat bori sening biladur dōzah (стр. 747)

‘Не пугай меня адом, о отшельник ледяной,
Не болтай о том, что я буду в раю.
Так как ад с памятью о ней — рай,
Рай, в котором все время (суждено пребывать) с гобой, — ад’.

Здесь в первых двух строках противопоставлены понятия, образующие основу палиндрома третьей и четвертой строк. Сохранены семантика

этих понятий, их соотношение и идентичность лексического выражения, обязательная в палиндроме.

Организация стиха может быть обусловлена характером поэтического образа, положенного в основу рубаи. Так, например, когда Навои использует для описания внешности красавицы традиционное в восточной поэзии сравнение черт ее лица с буквами арабского алфавита, расположение строк соответствует порядку этих букв в слове, избранном поэтом:

^v
Zonimdoyi «žim» ik'k'i dolingya fido,
Andin sōng «alii» toza niholingya fido,
«Nuni» doyi anbarin hilolingya fido,
Koliyon ik'k'i nukta ik'k'i xolingya fido (стр. 742)

‘Джим» в моей душе — жертва твоим двум «дал’ам»,
«Алиф» за ним — жертва твоему чистому деревцу.
«Нун» — жертва твоим мускусным лунным серпам,
Две оставшиеся точки — жертва твоим двум родинкам’.

Обыгрывая буквенный состав слова جان ³ «душа», поэт основывается на реальном, хотя и условном, сходстве начертаний букв с чертами лица. Так, букву ج «джим», состоящую из двух дуг, он сравнивает с двумя завитками волос у красавицы, вторую букву ا «алиф» сравнивает с ее стройным станом, ن «нун» — с изгибом бровей; точки, входящие в состав букв, уподобляет родинкам на ее лице. Причем сравнение здесь не прямое, а опосредствованное. Поэт не говорит прямо, что локоны красавицы похожи на букву «джим», а только намекает на локоны, сравнивая их с другой буквой арабского алфавита — د «дал». И здесь и далее сравнение основано на сходстве предполагаемой жертвы с тем, ради чего приносится жертва.

Не столь явное, однако, принятое классической поэтикой обыгрывание графической формы слова можно видеть, например, в таком рубаи:

Nomang manga ruhdin nišan bōldi jana,
Osojiši žoni notavon bōldi jana,
Har harii oning tanimda žon bōldi jana,
Har lafzi hajoti žovidon bōldi jana (стр. 768)

‘Твое письмо подняло (пробудило) во мне дух вновь,
Успокоило мою слабую душу вновь.
Каждая буква его стала душой в моем теле,
Каждая фраза его даровала вечную жизнь вновь’.

Своеобразным основанием для содержащегося в третьей строке утверждения является для поэта совпадение букв слова noma и центральных букв (то есть «души» слова) в слове tanimda. А в четвертой строке семантика слова žovidon ‘вечный’ связывается с частичным совпадением буквенного состава его сниснима — manga и слова nomang.

Во многих случаях композиционную целостность рубаи создает основная мысль, пронизывающая все его стихи. Организация лексического материала диктуется грамматическими и синтаксическими особенностями самого языка:

Äldin kočib ulk'i, tutsa toy ičra karor,
Sovuŷda jeri bu toyning žavfida ʔor.
Issiyda makoni andak'im etmis kor,
Olam älining šahliŷidin bor anga or (стр. 751)

‘Тот, кто бежал от людей и успокоился (нашел покой) в горах,
В холода живет в пещерах этих гор.
В жару — он там, где лежит снег.
Для него есть стыд в положении (он стыдится положения) шаха
над людьми мира’.

Композиционной целостности рубай способствует и образность языка. Например:

Nomangk'i tirik'ligimdin uldur matlub,
O'ib öküyoç bir neça lafzi marub,
K'ör tölyonib aşk' içra özümdin bordim,
Ul nav'k'i, suv içiga tuşgaj mak'tub (стр. 743)

‘Твое письмо, которое мне желаннее жизни,
Я развернул, и, прочтя несколько приятных фраз,
В сильном волнении, я в слезах потерял сознание,
Подобно письму, упавшему в воду’.

Последняя строка служит, казалось бы, частной цели: сообщению ситуации, могущей возникнуть как следствие слов: *aşk' içra özümdin bordim* ‘я в слезах потерял сознание’. Подчеркивая буквальное значение этих слов, поэт добивается образного представления: сознание героя уносится потоком слез, подобно письму, оброненному в воду и уносимому ее потоком. Последнее сравнение, опосредствованно уподобляющее героя письму, подкрепляется первой строкой, говорящей о значении письма для него. Мысль читателя невольно возвращается к началу четверостишия, благодаря чему создается впечатление целостности формы, ее конструктивной замкнутости и завершенности.

Хотя сравнения, применяемые поэтом, и условны, однако в художественном отношении весьма убедительны. Слово воздействует на читателя не только своим прямым логическим содержанием, но и заключенными в нем эмоциональностью, многозначительной недосказанностью.

Эмоциональности поэтической речи способствует также богатство созвучий в стихе, не говоря уже о рифмах и редифах, обусловленных требованиями жанра.

Поэт нередко прибегает и к внутренней рифмовке, именовавшейся в средневековой поэтике *мусаммат*, — каждая строка стиха делится цезурой на полустишия, рифмующиеся между собой:

K'öz bila koşing jaxşi, kaboying jaxşi,
Juz bila sözing jaxşi, dudoying jaxşi,
İjing birla menging jaxşi, sakoying jaxşi,
Bir-bir ne dijn, boşdin ajoying jaxşi (стр. 772)

‘Твои глаза и брови хороши, веки твои хороши,
Лицо и слова твои хороши, губы твои хороши,
Подбородок твой с родинкой хорош, шея хороша,
Что бы ни назвал, с головы до ног ты хороша’.

В этом рубай внутренняя рифма не выдержана с той же строгостью, что и основная, в которой совпадение последней корневой буквы слов обязательно. И все же эти созвучия усиливают мелодичность стиха, подчеркивая одновременно равнозначность его частей в общей структуре, концентрируя тем самым внимание на общих компонентах и подводя к заключительному выводу.

Фонетические повторы могут выполнять разные функции в стихе. Так, смежные слова со сходным звуковым составом обычно воспринимаются в семантическом взаимоналожении. Когда Навои пишет: *hapžari hažring manga kat' ätti hajot* (стр. 746) ‘кинжал разлуки с тобой прервал мою жизнь’, — почти полное совпадение состава и порядка согласных в словосочетании *hapžari hažring* как бы дополнительно мотивирует эту метафору.

Частичное фонетическое совпадение слов, расположенных рядом в строке, особенно в ее начале, воспринимается как дополнительный фактор организации слов в строке: *nomang manga.., har harfi...* (стр. 768).

В этой связи уместно напомнить слова Ю. Тынянова: «Роль звуковых повторов, вызывающих колеблющиеся признаки значения (путем перераспределения вещественных и формальных частей слова) и превращающих речь в слитное, соотносительное целое, заставляет смотреть на них как на своеобразную метафору»⁴.

Интересно сопоставить это наблюдение с выводом Ю. Лотмана: «Отдельный звук сам по себе никакого значения не имеет (если не звукоподражание). Но повторение его в ряде слов заставляет выделить его в сознании говорящего как некую самостоятельную единицу. Это приводит к тому, что слова с этим звуком начинают восприниматься в семантическом взаимоналожении»⁵.

В средневековой поэтике этот вариант повтора выделялся в особую разновидность омонимии — *таджнис*.

Другой разновидностью фонетических повторов являются буквенные палиндромы (по терминологии средневековой поэтики — *маклуб*). Вот пример использования Навои этого приема в рубай:

*Berahmdurur olamni zolim aflok',
Bemehrdurur anjimu davton bebok'* (стр. 760)

‘Безжалостен мир и жестоки небеса,
Немилосердны звезды и бесстыден век’.

В арабской графике выделенные части начальных слов первых двух строк рубай представляют собой полный палиндром — зеркальное повторение букв в словах. Примечательно, что буквенный палиндром здесь является как бы ключом к постижению структурного построения первых двух строк, представляющих собой семантический палиндром, ибо слова *olam* и *davton*, *aflok'* и *anjim* выступают в своем общем значении и воспринимаются как синонимы.

В заключение укажем на необходимость аналитической абстракции при исследовании стиха Алишера Навои. По справедливому мнению Ю. Лотмана, «в стихотворении нет „формальных элементов“ в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие. Художественный текст — сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые»⁶. А потому «путь к познанию — всегда приближенному — многообразие художественного текста идет не через лирические разговоры о неповторимости, а через изучение неповторимости как функции определенных повторяемостей, индивидуального как функции закономерного»⁷.

⁴ Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1965, стр. 156.

⁵ Ю. Лотман. Указ. раб., стр. 179.

⁶ Там же, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 101.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. Ф. БЛАГОВА

РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И УРОВЕНЬ КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ

1. В современной тюркологии одним из ведущих направлений стало сравнительно-историческое изучение языков, что сделало особенно необходимым использование и других, в том числе новейших, «приемов лингвистического исследования, которые дополнили бы сравнительно-исторический метод, оказав ему необходимую поддержку»¹.

Поэтому приобщение к новым методам исследования молодых научных работников и прежде всего аспирантов стало крайне актуальным.

В этой связи в настоящее время исключительную важность приобрели такие вопросы, как направление подготовки квалифицированных кадров, качество материала, составляющего основу проводимых исследований, методика, применяемая при этом. Критерием при оценке качества используемого материала может служить степень пригодности его для проведения сравнительно-исторических исследований.

2. Как известно, важными источниками сравнительно-исторических исследований в тюркологии являются не только материалы тюркоязычных памятников, начиная с древнейших, но и показания тюркских диалектов, ибо, как писал И. А. Бодуэн де Куртене, «только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположения об особенностях языков умерших»².

Диалектологические и историко-лингвистические исследования ведутся сейчас почти во всех тюркоязычных республиках. Эти исследования оформляются главным образом в кандидатские диссертации, многие из которых вводят в научный обиход весьма ценный новый материал.

Само собой разумеется, что самый отбор, организация и степень охвата этого материала находятся в прямой зависимости от методических установок исследователя. Однако приходится, к сожалению, признать, что отдельные работы зачастую лишены надежной методической основы, которая подменяется эклектической подражательностью, «апро-

¹ А. И. Смирницкий. К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании. — «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 3. См. также: Э. А. Макаев. О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства. — В сб.: «Энгельс и языкознание». М., 1972. В современном языкознании, например, ареальный и типологический подходы к изучению языка, как и соответствующие классификации, наряду с генетическим подходом признаются «необходимыми элементами лингвистического исследования» («Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 546).

² И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию, т. I. М., 1963, стр. 349.

бированным» штампом. В результате работа ведется не по заранее продуманному, методически обоснованному плану охвата языковых явлений, а ставится в зависимость от пристрастий, вкусов и возможностей диссертанта и его научного руководителя. Нередко диссертант фактически не проявляет должного интереса к работам своих коллег-диалектографов.

Между тем в описании диалектов (говоров), хотя бы в рамках одного языка (в идеале — определенного тюркоязычного ареала), должна осуществляться известная координация как в плане проводимых исследований, так и в самом описании фактов. О настоятельной необходимости подобной координированности говорит хотя бы пример узбекских диалектов и говоров, которые, по выражению Р. И. Аванесова, дают «разветвленную сеть разновидностей (частных систем), тождественных в одних элементах и различных в других». Строго координированные диалектные описания должны в своей совокупности наглядно раскрыть и эту тождественность, и эти различия. На VI Тюркологической конференции в Ленинграде прозвучал справедливый упрек А. Н. Кононова в адрес диалектографических авторефератов: при ближайшем их рассмотрении оказывается, что они несводимы по самому своему материалу³.

Отсутствие указанной координированности объясняется чаще всего тем, что в диалектографической работе (как, впрочем, и в историко-лингвистической), как правило, не ставится задача системного описания данного диалекта/говора (или: репрезентаций литературно-письменного языка).

В этой области тюркологических исследований все еще господствует атомарный подход к изучаемым явлениям. В историко-лингвистических работах, например, распространен тот тип изложения, который, по словам А. А. Шахматова, «...с самого начала ставит себе целью выяснить обобщающие моменты в исследуемых явлениях и потому оставляет в тени единичные, не поддающиеся обобщению и объяснению факты»⁴. Такие «единичные факты» квалифицируются как «диалектизмы», «архаизмы» и «заимствования из других тюркских языков» и на основе недавно предложенного в тюркологии «метода исключения» — остаются за пределами круга изучаемых явлений⁵.

В диалектографических же работах чаще всего описываются разобщенные и разрозненные «диалектные особенности». Это находит отражение в самих названиях многих кандидатских диссертаций. Например: «Фонетико-морфологические особенности кыпчакских говоров Южного Хорезма» (Х. Бабаниязов, Ташкент, 1966), «Некоторые особенности аральского говора казахского языка» (Г. Калиев, Алма-Ата, 1954); «особенности» того или иного говора стали почти постоянным предметом исследований в казахской диалектографии (названия соответствующих тем см. ниже в примечаниях); «Лексические особенности лиялякского говора киргизского языка» (Ш. Жапаров, Фрунзе, 1969), «Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья)» (С. Куренов, Ашхабад, 1959), «Особенности говора азербайджанцев Гардабанского района» (Г. В. Тушмалишвили, Тбилиси, 1972). Такой же атомарный подход к изучению истории языка превалирует в кандидатских работах

³ Не менее серьезным недостатком является несводимость диалектографических кандидатских диссертаций и их авторефератов также по принятым в них транскрипциям, различные вариации которых применяются при описании диалектов даже одного языка.

⁴ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1936, стр. 8.

⁵ Ш. Шукуров. Староузбекский и современный узбекский литературный языки. — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 92 и сл.

историко-лингвистического характера, например: «Фонетические и морфологические особенности языка „Хибатул-хакаик“» (К. Махмудов, Ташкент, 1964), «Морфологические особенности „Кисаси Рабгузи“» (У. Мирзакаримова, Ташкент, 1969), «Некоторые грамматические особенности языка „Махбул-кулуб“ Алишера Навои» (А. Рустамов, Ташкент, 1958; ср. его же «Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои», АДД⁶, Ташкент, 1966). Примечательно, что отдельные исследователи подобный атомарный подход к исследуемым проблемам пытаются возвести в некий принцип диахронического анализа. Так, Г. Г. Джафаров, констатируя, что диалектологи, «...как правило, отмечают лишь те факты, которые расходятся с нормами литературного языка», подчеркивает: «При диахроническом анализе такие разрозненные факты не создают никакого неудобства»⁷ — как будто диахроническое описание не имеет своим предметом языковую систему!

В результате подобного атомарного подхода к исследуемому материалу диссертанты, обычно произвольно выделяя одну из бытующих в языке форм («особенность»), не фиксируют другую, хотя показательно именно соотношение обеих форм. Так, при описании склонения приводится, скажем, именная парадигма и часть местоименной, но остается вне поля зрения исследователя посессивная парадигма склонения. Или: приводимые диссертантом примеры дают представление о склонении имени с притяжательным аффиксом 3-го лица в винительном, дательном, направительном и местном падежах, но не содержат никаких сведений об исходном и родительном падежах⁸. Тема склонения вообще отсутствует в «Программе по собиранию диалектных особенностей», предложенной Ж. Доскараевым⁹. Более того, составленный Институтом языкознания Академии наук СССР проект «Вопросника „Диалектологического атласа тюркских языков СССР“» (М., 1969, стр. 27—28, составитель раздела Г. И. Донидзе) не ориентирует диалектологов на выяснение такой важной и показательной корреляции в тюркских диалектах, как соотношение именного, посессивного и местоименного типов падежного склонения.

Можно ли составить представление о грамматической системе диалекта, если диалектограф уделяет внимание только лишь формам множественного числа имен, числительным (причем только на *-та* и *-тадан*), аффиксам именного словообразования и «некоторым глагольным формам»¹⁰, или глагольным формам на *-жақ*, *-(у)лы*, «некоторым суффиксам в образовании диалектных слов» и «синтаксическим особенностям»¹¹, или же «некоторым грамматическим формам говора (только одной:

⁶ Авторефераты кандидатских диссертаций здесь и ниже обозначаются как АКД, авторефераты докторских диссертаций — АДД.

⁷ Г. Г. Джафаров. Термины родства в азербайджанском языке. Канд. дисс. М., 1970, стр. 31.

⁸ См., например: В. Эгамов. Фаллаорол шевазининг баъзи бир морфологик категориялари ҳақида. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия, 91. Филологический факультет. Кафедра узбекского языкознания. Самарканд, 1959, стр. 87, 88.

⁹ «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 4. Алма-Ата, 1962 (на казах. яз.). По-видимому, в соответствии с этим в авторефератах кандидатских диссертаций по казахской диалектологии приводятся минимальные и весьма отрывочные сведения о падежном склонении, а иногда такие сведения вовсе отсутствуют (см., например: А. Борибаев. Языковые особенности урдинских казахов. АКД. Алма-Ата, 1966; Ю. Абдувалиев. Фонетико-морфологические особенности ташкентского говора казахского языка. АКД. Алма-Ата, 1967).

¹⁰ Ю. Абдувалиев. Указ. раб., стр. 12—17.

¹¹ А. Борибаев. Указ. раб., стр. 17—22.

-сыңыз/-сіңіз в структуре глагольного спряжения. — Г. Б.) и роли некоторых аффиксов в образовании местных производных слов»¹².

У молодых тюркологов-диалектографов, как, впрочем, и у историков языка, все еще нет четкого представления о том, что каждая «языковая особенность» имеет определенное значение лишь в общей системе соотношений, и только на этом фоне она должна рассматриваться и оцениваться; взятая отдельно, сама по себе, такая «особенность» ничего сколько-нибудь серьезного дать не может¹³.

Здесь уместно напомнить, что В. И. Ленин писал по поводу использования разрозненных фактов вне системы: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только „упрямая“, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»¹⁴. Говоря о необходимости для общественных наук «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться», В. И. Ленин подчеркивал: «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их *целом* преподносится „субъективная“ стряпня...»¹⁵.

При отсутствии четких методических установок и в результате сугубо атомарной разработки языковых особенностей отдельных говоров, диалектов и письменных памятников составляются реестры субъективно избираемых «языковых особенностей». Подобные перечни в своей совокупности, разумеется, не могут дать объективной и всеобъемлющей картины как синхронного, так и исторического бытования грамматических форм в их парадигматических соотношениях.

Пора понять, что если 10-15 лет назад изучение фонетических, грамматических и лексических особенностей старописьменных памятников и тюркских диалектов еще могло квалифицироваться как «важнейшая задача», то состояние современного языкознания требует системного изучения как памятников древне- и старотюркской письменности, так и диалектов.

3. Атомарность морфологического описания в диалектологических работах усугубляется еще и образовавшейся в них явной диспропорцией между фонетическим (и отчасти лексическим) и морфологическим описаниями. В этом отношении весьма показательна монография Т. К. Ахматова «Таласский говор киргизского языка» (Фрунзе, 1959), где фонетике и лексике посвящено по 30 и более страниц, а «грамматическим особенностям говора» — лишь 18, в том числе «особенностям имен существительных» — всего 20 строк. Здесь, конечно, уже не до парадигм падежного склонения, именного и притяжательного! По две стра-

¹² А. Байжолов. Языковые особенности казахов Кустанайской области. АКД. Алма-Ата, 1964, стр. 19 и сл.

¹³ См.: А. И. Смирницкий. Указ. раб., стр. 11.

¹⁴ В. И. Ленин. Статистика и социология. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 30. М., 1962, стр. 350.

¹⁵ Там же, стр. 350, 351.

ницы с небольшим отведено описанию грамматических особенностей кзыл-ординского говора казахского языка и говора казахов Чуйской области¹⁶. Всего одна треть страницы приходится на описание глагольных форм тулейкенского говора киргизского языка¹⁷.

Вопиющая диспропорция в освещении фонетики и морфологии¹⁸ оборачивается в диалектографических работах подведением морфологических различий под фонетические явления («выпадение» того или иного звука, «позиционные чередования»). Так, различия в именном и посессивном типах падежного склонения в узбекских диалектах истолковываются только как «выпадение» звука *г*, *ғ* «в аффиксе направит. падежа в том случае, когда склоняемое слово оформлено аффиксами принадлежности в 1 лице един. числа». На этом основании примеры типа узб. кыпч. *атама* трактуются как возникшие из узб. лит. *отамга* 'к моему отцу'¹⁹. Результатом «выпадения» звука объясняют существование казахских диалектных форм родительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа *бізiң, сізiң* (<казах. лит. *біздің, сіздің*)²⁰. «Казахизованные» формы дательного-направительного падежа личных местоимений типа *маған, саған, оған* в узбекской диалектологии также получают только лишь фонетическую трактовку: «Когда к личным местоимениям, оканчивающимся фонемой *н*, присоединяется окончание дат. падежа, тогда фонема *н* меняет место и переходит к концу слова, например: в литературном языке — *мен+га, сен+га, ун+га*, в говоре — *маға-н/мэгә-н* (мне), *саған/сэгә-н* (тебе), *уған/оған* (ему)»²¹. Здесь мы не касаемся вопроса о возможности подобных «переходов». Отметим только, что формы типа *атама, маған* представляют интерес

¹⁶ См.: *Ш. Бектуров*. Кзыл-ординский говор казахского языка. АКД. Алма-Ата, 1968, стр. 12—15 (ср.: «Фонетические особенности» — стр. 7—12); *О. Накибеков*. Языковые особенности казахов Чуйской долины. АКД. Алма-Ата, 1963, стр. 20—23 (ср.: «Фонетические особенности» — стр. 6—12, «Лексические особенности» — стр. 12—20).

¹⁷ *М. Тураджанова*. Тулейкенский говор киргизского языка. АКД. Фрунзе, 1954, стр. 14.

¹⁸ Разумеется, можно назвать целый ряд диалектографических монографий, где описание диалектной морфологии занимает подобающее место. См., например: *Я. Г. Гулямов*. Грамматика ташкентского говора, ч. 1. Морфология. Ташкент, 1968; *Б. Джумаев*. Шахриябзский говор узбекского языка. Ташкент, 1964; *С. Иброхимов*. Узбек тилининг Андижон шеvasи. Тошкент, 1967; *Ю. Джуманазаров*. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1961 и др.

¹⁹ *Х. Д. Данияров*. Фонетические особенности бахмалского говора. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия, № 91, стр. 78; ср., однако: *его же*. Бахмалский говор узбекского языка. АКД. М., 1955, стр. 8. Фонетической трактовки этого явления придерживаются многие узбекские диалектологи, по-видимому, в первую очередь потому, что в узбекском литературном языке посессивный тип падежной парадигмы не отличается от именного. Среди диалектологов совсем недавно прозвучал призыв рассматривать соответствие типа *инама*: *инамга* как морфологическое [см.: *Д. Г. Тулашева*. К вопросу о типах диалектных лексических различий. — «VII Региональная конференция по диалектологии тюркских языков (15—17 мая 1973 г.). Маловские чтения (18 мая 1973 г.). Тезисы», Алма-Ата, 1973, стр. 20].

²⁰ *Ж. Болатов*. О местных особенностях в языке кош-агачских казахов. — В сб.: «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 4. Алма-Ата, 1962 (на казах. яз.), стр. 73. О произношении *бізiң, сізiң* «в сокращенном виде» см.: *О. Накибеков*. Некоторые местные особенности в языке казахов Буртинского и Адаловского районов Оренбургской области (на казах. яз.). — Там же, стр. 109. Вне поля зрения исследователей осталась мнение В. А. Богородицкого, считавшего местоименные формы родительного падежа на *-ниң* (~ казах. *-дің*) более поздними, чем на *-иң* (*В. А. Богородицкий*. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 152).

²¹ *В. Эгамов*. Фонетические особенности «джекающих» говоров Галля-Аральского района. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия, № 77. Филологический факультет. Кафедра узбекского языкознания, 1958, стр. 56—57.

прежде всего в плане существования в узбекских диалектах различий между именным, посессивным и местоименным типами парадигм падежного склонения, то есть тех различий, которых нет в современном узбекском литературном языке, но которые представлены в среднеазиатско-тюркском ареале. С точки зрения различий, существующих между именной и местоименной парадигмами склонения, должны рассматриваться и казахские диалектные формы *biziñ, siziñ*.

Точно так же считают, что показатель 1-го лица множественного числа желательного наклонения *-ай-ық* в узбекских говорах возник в результате выпадения *-л-* из соответствующего аффикса *-ай-лиқ* современного узбекского литературного языка²² (например, *барайық* < *борай-лиқ*). Между тем эта форма в узбекских диалектах относится к иному конструктивному типу и должна рассматриваться в плане соотношения разных типов показателей желательного наклонения в тюркских языках среднеазиатского ареала.

Как переходы *c > й* и *p > й* истолковываются в узбекской диалектологии формы типа *кэзмэймиди* (< узб. лит. *кетмасмиди*), *бомайақан* (< узб. лит. *бўлмас экан*)²³. Возникновение форм типа *барамэкән* (< узб. лит. *борармикин?*) 'пойдет ли?', *кэләмэкән* (< узб. лит. *келармикин?*) 'придет ли?' считается результатом «выпадения звука *p*»²⁴. Наличие форм типа *еббиз* объясняют действием прогрессивной ассимиляции (< узб. лит. *ебмиз*), хотя тут же приводятся *гилъйбъз-де, болърбъз, қълййкәнбъз*²⁵, не поддающиеся объяснению с точки зрения прогрессивной ассимиляции. Во всех этих трех случаях, как нам представляется, диалектным формам может быть дано морфологическое объяснение.

Существует мнение, что в казахских диалектных глагольных конструкциях типа *кеті қалды* 'уже ушел', *айты қойды* 'уже сказал' деепричастия на *-(ы/і)п* употреблены «сокращенно, без аффикса»²⁶(?!). Но, возможно, в этих конструкциях представлены деепричастия на *-ы/-і*, то есть здесь встречается иной конструктивный тип, отличный от зафиксированного нормами казахского литературного языка.

Такое отнесение морфологии на периферию диалектных описаний выглядит по меньшей мере неоправданным, особенно в настоящее время, когда повышенное внимание к диалектной морфологии во всех ее проявлениях необходимо уже потому, что она является одним из важных источников сравнительно-исторического изучения морфологии тюркских языков. Как известно, одна лишь фонетическая реконструкция без реконструкции морфологических категорий неспособна привести к восстановлению праязыкового состояния.

Столь же общепризнанным в языкознании является примат аспекта формального в грамматическом описании (при обязательности характеристики семантики форм и их функций). Между тем в диалектографических авторефератах нередко формальный анализ почти полностью

²² В. Эгамов. Фонетические особенности «джекающих» говоров Галля-Аральского района, стр. 57. См. также: Х. Д. Данияров. Фонетические особенности бахмалского говора, стр. 78; его же: Бахмалский говор узбекского языка, стр. 6.

²³ М. Валиев. Найманский говор узбекского языка. АКД. Самарканд, 1963, стр. 13, см. также стр. 23. См. еще: Н. Раджабов. Карнабский говор узбекского языка. АКД. Самарканд, 1958, стр. 4, 13.

²⁴ А. Ахмедов. Джушский говор узбекского языка. АКД. Ашхабад, 1962, стр. 12.

²⁵ М. Валиев. Узбек тилининг найман шеваси. Канд. дисс. Самарканд, 1963; Н. Раджабов. Ўзбек тилининг Қарнаб шеваси. Канд. дисс. Самарканд, 1958.

²⁶ Ж. Болатов. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. АДД. Фрунзе, 1970, стр. 47.

приносится в жертву анализу функциональному. Это особенно наглядно проявляется на примере представления в авторефератах падежного склонения: вместо описания падежных парадигм или хотя бы краткой характеристики падежных форм, отличающихся от соответствующих форм литературного языка и других диалектов, зачастую приводится лишь раздел «Замена падежных окончаний»²⁷.

Из разобранных выше примеров ясно, что помимо чрезмерного увлечения фонетической трактовкой собственно морфологических явлений и преобладания функционального описания в ущерб формально-грамматическому — диалектографические работы по-прежнему не могут избежать методической ошибки, о которой почти двадцать лет назад писал К. К. Юдахин²⁸. Дело в том, что для диалектолога-диссертанта факты соответствующего литературного языка по-прежнему остаются единственным образцом и эталоном, от которого диссертант отирается в своем описании и с которым сравниваются и сопоставляются добытые в экспедициях материалы.

Между тем давно пришла пора оценивать диалектные явления с позиций не только данного литературного языка, но также других близкородственных или территориально соприкасающихся тюркских языков и их диалектов, не забывая и истории языков. Ведь именно «отсутствие исторической точки зрения и конкретности» В. И. Ленин считал частым и крупным недостатком любых рассуждений в области общественных явлений²⁹.

При подобном широком осмыслении диалектных фактов, естественно, существенную помощь окажут методы ареальной лингвистики, лингвогеографии, типологии близкородственных языков.

4. В печати неоднократно отмечалось, что показания современной тюркской диалектологии принципиально важны для историко-лингвистических исследований³⁰. Не раз раздавались призывы к диалектологам и историкам языка поддерживать тесные контакты в процессе проводимых исследований³¹.

На деле же попытки увязать диалектографическое описание с историей соответствующего языка и народа — носителя этого языка иногда оборачиваются в авторефератах диссертаций по диалектологии достаточно подробными историографическими и этнографическими описаниями, причем, как правило, сделанными далеко не профессионально³². Тем не менее диссертанты обычно такого рода вступлением щедро отводят солидную долю объема своего автореферата. Думается, что сведения исторического и этнографического характера в лингвистических авторефератах должны быть в разумных пределах минимальными.

5. Возникает вопрос об экономном и рациональном использовании объема автореферата. Нельзя допускать, чтобы чуть ли не сорок страниц диалектографического автореферата отводилось на общие рассуж-

²⁷ Т. Айдаров. Языковые особенности казахов Тамдинского района Узбекской ССР. АКД. Ташкент—Алма-Ата, 1967, стр. 12—14. О функциональной заменимости локативных падежей без формального их описания см. также: О. Накисбеков. Языковые особенности казахов Чуйской долины. АКД. Алма-Ата, 1963, стр. 22.

²⁸ См.: К. К. Юдахин. Итоги и задачи изучения киргизских диалектов. — «Труды Института языка и литературы Академии наук Кирг. ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 349.

³⁰ См., например: Э. В. Севортян. К методам и источникам сравнительно-исторических исследований тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2.

³¹ К. К. Юдахин. Указ. раб.

³² См., например: Ж. Болатов. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку, стр. 30; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, стр. 5—9.

дения, а о «языковых особенностях», к тому же понимаемых главным образом как лексические, говорилось скороговоркой и урывками.

Нередко создается впечатление, что диссертант сам не представляет, в чем заключается цель и ценность его исследования, и работает без хотя бы примерного предварительного плана.

Каждый, кто пишет автореферат кандидатской или докторской диссертации, не должен забывать о том, что диссертации до их опубликования существуют только «на правах рукописи» и труднодоступны. Поэтому авторефераты должны содержать главную информацию и прежде всего о языковом, диалектном материале, легшем в основу диссертации. Переход на ротапринтное издание авторефератов создает для этого необходимые возможности, ибо объем их теперь редко с прежней строгостью ограничивается одним печатным листом³³. Поэтому нельзя в авторефератах ограничиваться лишь перечислением затронутых в диссертации грамматических вопросов, не приводя самих грамматических форм и сведений о характере их употребления. Что может дать, например, читателю перечень, подобный нижеиследующему: «В диссертационной работе даны сведения о различных формах причастия и деепричастия; подробно описаны характерные особенности в употреблении залоговых форм; достаточное внимание уделено и вопросу об образовании форм имен действий на *-ш/-ъш/-ьш*, *-в/-үв/-ув*, на *-мак/-мәк* и т. д.»³⁴. И это в автореферате, объем которого составляет 2,5 печатных листа! Можно ли считать также допустимым, чтобы в автореферате, специально посвященном местоимениям и их «морфологическим особенностям», ни слова не говорилось о местоименном склонении?!³⁵

6. Из всего сказанного нам кажется целесообразным сделать следующие практические выводы:

1) учитывая наполовину исследовательский, наполовину учебный характер кандидатских диссертаций, необходимо усилить контроль, более того — стимулировать и централизовать работу над повышением качества кандидатских диссертаций и их авторефератов. Полезно, чтобы в печати выступали наиболее опытные, ведущие специалисты по подготовке аспирантов и делились своими мыслями, наблюдениями, соображениями в области подготовки диссертационных исследований. Вероятно, можно надеяться, что активное участие в этой работе примут головные институты Академии наук СССР;

2) совместными усилиями предстоит выработать программы-конкордансы для сбора диалектологического материала или вопросника для диалектографических диссертаций сначала на основе диалектов того или иного языка, а в последующий период — составить такие программы по каждому из тюркоязычных ареалов. Помимо разделов фонетики и лексики в таких программах-конкордансах целесообразно особое внимание уделить морфологии, ибо чаще всего именно этому разделу, по крайней мере в авторефератах, уделяется наименьшее внимание. В таких программах необходимо указать круг грамматических форм, подлежащих описанию, и их парадигматические соотноше-

³³ Ротапринтное издание, к сожалению, способствует вместе с тем и появлению в авторефератах изъятий технического характера; в ряде случаев слабая печать, например, не позволяет различать транскрипционные знаки и т. п.

³⁴ *Х. Б. Бабаниязов*. Фонетико-морфологические особенности кипчакских говоров Южного Хорезма. АКД. Ташкент, 1966, стр. 35. См. также: *И. Фарманов*. Ошский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, стр. 15; *Н. Дурдымурадов*. Диалект алили туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1950, стр. 10; *Ш. А. Афзалов*. Паркентский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1953, стр. 16; *М. М. Мирзаев*. Бухарская группа говоров узбекского языка. АДД, Ташкент, 1965, стр. 41.

³⁵ См.: *А. Ибатов*. Местоимения в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1962.

ния; целесообразно выделить также грамматические формы, представляющие интерес в масштабах того или иного тюркоязычного ареала.

В целях увеличения объяснительной ценности добытых в экспедициях материалов необходимо согласование данных диалектографии и историко-лингвистических исследований. Для осуществления этого желательно, чтобы историками языка был сформулирован круг вопросов, на которые должны обратить внимание диалектологи при описании того или иного диалекта. Думается, что полезно привлечь к этому делу молодые историко-лингвистические кадры;

3) было бы полезно регулярно публиковать перечни тем кандидатских и докторских диссертаций. Это способствовало бы централизации тюркологической тематики, координированию научно-исследовательской работы на местах.

Все это, думается, могло бы заметно повысить уровень кандидатских диссертаций и авторефератов по диалектологии и истории тюркских языков и тем самым обеспечить надежность материала, используемого для сравнительно-исторического исследования тюркских языков.

Ш. Ш. САРЫБАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЮРКСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ*

За годы Советской власти тюркская лексикография достигла замечательных успехов. Создано большое число самых различных словарей, в том числе только казахскими лексикографами около ста. Однако достижения в области литературной и региональной лексикологии и лексикографии не равноценны. То же самое можно сказать и относительно прикладной и научно-теоретической лексикографии.

Тюркская региональная лексикография существует всего два десятилетия и особенно интенсивно развивается в последние десять лет. За этот период были изданы обширные диалектологические словари азербайджанского, татарского, узбекского, казахского, киргизского, башкирского и чувашского языков¹.

Начало 60-х годов характеризуется возникновением нового направления—научно-теоретической региональной лексикографии, пока еще отстающей от прикладной диалектной лексикографии. В эти годы появился ряд статей, посвященных методике и обобщению опыта составления диалектологических словарей отдельных тюркских языков². Анализ

¹ «Азәрбајҹан тилинин диалектологик лугәти». Под ред. М. Ш. Ширалиева, Р. А. Рустамова. Составители: М. Ш. Ширалиев, Р. А. Рустамов, А. Велиев, К. М. Гасанов, Б. М. Тагиев. Баку, 1964, 480 стр.; «Татар теленең диалектологик сүзлегә». Под ред. Л. Т. Махмудовой. Составители: Н. Б. Бурханова, Л. Т. Махмудова, З. Р. Садыкова, Г. К. Якупова. Казан, 1969, 643 стр.; Ж. Мукамбаев. Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү, т. I. Фрунзе, 1972, 712 стр. Отв. ред. К. К. Юдахин; «Башкорт һейләштәренен һүзлегә», т. I (Восточный диалект). Уфа, 1967, 300 стр. Под ред. Н. Х. Максютовой, Н. Х. Ишбулатова; т. II (Южный диалект). Уфа, 1970, 326 стр. Под ред. Н. Х. Максютовой. Составители: Н. Х. Максютова, Н. Х. Ишбулатов, С. Ф. Миржанова, С. Г. Гильманова; «Ўзбек халқ шеваһари лугәти». Ташкент, 1971, 409 стр. Под ред. Ш. Ш. Шаабдурахманова. Составители: Ш. Шаабдурахманов, А. Ишасев, Ш. Насыров, Х. Узаков, Д. Абдурахманов; Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968, 104 стр.; «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі». Алма-Ата, 1969, 427 стр. Отв. ред. Г. Мусабаев. Составители: Ж. Доскараев, С. Омарбеков, О. Накисбеков, А. Нумагамбетов, Г. Калиев, А. Айтазин, Ш. Бектуров, Ж. Болатов, Ш. Сарыбаев.

² Р. А. Рустамов. О принципах составления диалектологического словаря азербайджанского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960; Л. Т. Махмудова. О принципах составления татарского диалектологического словаря. — Там же; К. Мусаев. О диалектологическом словаре казахского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1963; Л. А. Покровская. О диалектологическом словаре казахского языка. — Там же; Г. Бакинова. О принципах составления диалектологического словаря киргизского языка. — Там же; Ф. А. Абдуллаев. Опыт составления диалектологического словаря узбекского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968; К. М. Гасанов, Б. М. Тагиев. Из опыта по составлению диалектологического словаря азербайджанского языка. — «Пятое совещание по диалектологии тюркских языков». Тезисы докладов. Баку, 1965; Ф. С. Фасеев. Новый тип диалектологического словаря. — «Советская тюркология», 1970, № 6 и др.

диалектологических словарей тюркских языков показал, что в них, наряду с удачным отбором слов и лексикографическим оформлением диалектной лексики, имеются и определенные недостатки. Так, например, в некоторых словарях представлено неоправданно большое число фонетических диалектизмов (татарский и особенно киргизский словари), отсутствует русский перевод реестровых слов (казахский), в большинстве словарных статей нет иллюстративных материалов (башкирский). Не всегда четко разграничиваются явления омонимии и полисемии. Во многих словарях отсутствуют краткие фонетико-грамматические очерки.

В киргизском диалектологическом словаре многие словарные статьи неоправданно велики, зачастую в них встречаются стихотворные цитаты, растянутые на одну-две страницы. Например, в иллюстративной части к слову *djñpõ* приводится стихотворная цитата в 30 строк. Реестровое слово *žag-žag* иллюстрируется текстом песни на полутора страницах. Следует отметить загромождение некоторых диалектологических словарей различными тематическими «подсобными» словариками типа терминологии родства, названий растений и др. Это нарушает целостность и стройность композиции словаря и противоречит самим принципам лексикографической теории и практики. С таким же успехом можно было бы включать в диалектологические словари отдельные списки названий продуктов питания, лексики фауны и т. д., что превратило бы их в сборник словариков самого различного характера.

Не выдерживается также единообразие в принципах лексикографического оформления отдельных явлений (омонимов, дублетов, многозначных слов и т. д.). Имеются расхождения и в определении состава словарной статьи и частей словаря.

Все это объясняется, с одной стороны, недооценкой принципов лексикографической интерпретации, с другой — неразработанностью теоретических принципов не только региональной, но и литературной лексикологии. А от этого во многом зависит дальнейшее развитие диалектной лексикографии. Так, правильная подача диалектной многозначности находится в зависимости от типа многозначности, к которому принадлежит то или иное полисемантическое слово. Если литературное слово, сохраняя в говорах свое основное значение, несет в себе еще и дополнительное, то подача его должна несколько отличаться от подачи слов, значения которых в говорах не совпадают с соответствующими значениями в литературном языке.

О принципах подачи диалектно-литературных дублетов и вариантов³. До лексикографического оформления этих слов следует определить, к какому типу дублетного ряда они относятся: с ясно или, наоборот, с неясно выраженным литературным компонентом. К тому же дублеты, возникшие на различных территориях, должны подаваться в словаре не так, как сосуществующие на одной и той же территории. В первом случае каждому из компонентов дублетного ряда посвящается самостоятельная словарная статья, во втором — все дублеты образуют один заголовочный ряд.

Большим подспорьем для диалектологов-тюркологов могут служить

³ К диалектно-литературным дублетам и вариантам мы относим слова, параллельно употребляющиеся в литературном языке.

работы многоопытных русских диалектологов⁴ и соответствующие исследования по проблемам литературной лексикографии⁵.

Прежде всего должен быть в принципе разрешен вопрос: должны ли быть тюркские диалектологические словари словарями «полными» (словарь-*thesaurus*), включающими всю лексику, в том числе относящуюся и к литературному языку, или же словарями «дифференциальными», включающими только местную лексику? В тюркской диалектной лексикографии вопрос о типах диалектологических словарей еще не ставился. Составление полного словаря типа *thesaurus*, как показала практика работы над Деулинским и Псковским⁶ областными словарями, практически неосуществимо, ибо до сих пор никому еще не удавалось охватить всю лексику какого-либо говора или диалекта. А это значит, что словарь не может раскрыть системную связь лексики. К тому же так называемый полный диалектологический словарь в определенной степени дублирует литературные словари. Составление словаря последнего типа требует длительного времени, что может в конечном итоге привести к тому, что многие диалектные слова не будут зафиксированы, ибо в Средней Азии и Казахстане развивается активный процесс разрушения местных диалектов, приближения речи сельского населения к нормам литературного языка. Во избежание невосполнимой утраты многих тысяч диалектных слов сбор диалектных материалов должен быть ускорен. Сплошная же гербаризация слов для словаря типа *thesaurus* («необузданный лексикографический максимализм», по выражению Ф. П. Филина) уведет от принципа дифференцированного подхода к лексике говоров. Поэтому вполне прав Г. Г. Мельниченко, считающий, что «...создание дифференциальных словарей — первоочередная задача региональной лексикографии. Нам необходимо как можно быстрее, полнее и точнее зафиксировать диалектную лексику, определенные группы которой очень быстро исчезают в настоящее время»⁷. Ф. П. Филин справедливо замечает: «Теоретически словарь возможен и был бы очень желателен, но, как показал опыт русской и мировой лексикографии, практически неосуществим. Мечта о таком словаре относится к области лексикографической утопии»⁸.

⁴ Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961; его же. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. — В кн.: «Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации». М., 1973; Г. Г. Мельниченко. О принципах составления областных словарей. — «Ученые записки Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского, вып. XXVI (XXXVI)». Русский язык. Ярославль, 1957; Ф. П. Сороколетов. Еще раз о характере областного словаря. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1966, № 4; И. А. Оссовецкий. О составлении региональных словарей. — «Вопросы языкознания», 1961, № 4 и др.

⁵ А. А. Оруджев. Теоретические обоснования к «Толковому словарю азербайджанского языка». Автореф. докт. дисс. Баку, 1962; С. К. Кенесбаев. Из опыта составления двухтомного толкового словаря казахского языка. Алма-Ата, 1960; А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

⁶ «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969; «Псковский областной словарь с историческими данными», вып. 1. Л., 1967.

⁷ Г. Г. Мельниченко. Новый региональный словарь. — «Русский язык в школе», 1971, № 6, стр. 109.

⁸ Ф. П. Филин. Некоторые проблемы диалектной лексикографии. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1966, т. XXV, вып. 1, стр. 7. Есть, конечно, отдельные типы словарей, для которых принципы *thesaurus'a* вполне приемлемы. Можно, например, составить полный словарь языка произведений отдельного писателя (словари языка М. Ауэзова, А. Навои и др.), полные словари отдельных эпических произведений («Алпамыс», «Манас» и др.), полный словарь какого-нибудь исторического литературного памятника и т. д., но не полный словарь отдельного говора.

Поэтому целесообразно создание возможно более полных диалектологических словарей дифференциального типа, к которым относятся все тюркские диалектологические словари, выпущенные до сего времени, хотя и не все слова в этих словарях можно безоговорочно отнести к диалектизмам, ибо они включают и диалектно-литературные дублеты с неясно выраженными литературными компонентами, и в них фиксируется довольно развитая профессиональная лексика, имеющая, однако, локальный характер, наряду с диалектной лексикой, часто используемой в художественной литературе, — все это тем не менее не нарушает принципа дифференциальности. Включение же подобного материала в диалектологические словари оправдывается тем, что вышеназванные языковые явления все еще сохраняют местный характер и в литературном языке не устоялись. Только включение в диалектологический словарь большого количества явно литературных слов дает основание назвать его «полудифференциальным».

Существующие ныне тюркские диалектологические словари являются фактически словарями диалектно-литературными. В будущем полезно, как нам кажется, создать литературно-диалектный словарь, где в качестве реестрового выступало бы литературное слово, а в пояснительной части приводились бы все его диалектные лексические и фонетические дублеты и варианты. Такой словарь поможет в случае необходимости отыскать все диалектные дублеты и варианты интересующего литературного слова. Разграничение и противопоставление литературной и диалектной лексики позволяет читателю определить правильность или неправильность употребления тех или иных слов и их вариантов, что должно способствовать повышению культуры речи, в том числе школьников и студентов. Возможно более полное отражение в словаре диалектных вариантов поможет нормализации лексических дублетов и фонетических вариантов. В то же время подобный литературно-диалектный словарь послужит в дальнейшем базой для составления словаря неправильностей в речи⁹.

Несомненно, полезным оказался бы и словарь фонетических диалектизмов. Краткий словарь такого типа уже составлен чувашским диалектологом Л. П. Сергеевым¹⁰.

Исследователи отмечают важность работы и над другими типами диалектных словарей. Так, В. А. Сенкевич указывает на целесообразность создания частотного словаря словоформ и инверсионного (обратного) словаря отдельного говора. В последнем, как известно, слова располагаются в строго алфавитном порядке, но по буквам, начиная от конца слова¹¹. Г. Г. Мельниченко с сожалением отмечает, что в области региональной лексикографии все еще не созданы акцентологические, синонимические и фразеологические словари¹².

К разряду вопросов, по которым нет еще единого мнения, следует отнести отделение диалектной лексики не только от литературной, но и от других лексических категорий (просторечных, книжных, окказиональных и других слов), принципы отбора слов для диалектологического

⁹ Подробнее о данном типе словаря см.: Ш. Сарыбаев. О новом типе словаря. — Известия Академии наук Каз. ССР», серия общественная, 1972, № 6.

¹⁰ Л. П. Сергеев. Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы. — В сб.: «Материалы чувашской диалектологии», вып. IV. Чебоксары, 1971, стр. 166.

¹¹ В. А. Сенкевич. Границы диалектного слова и типы региональных словарей. Магнитогорск, 1969, стр. 38.

¹² Г. Г. Мельниченко. Некоторые вопросы региональной лексикологии и лексикографии. — В сб.: «Вопросы русского языка», вып. I. Ярославль, 1970, стр. 46.

словаря, проблему словника, особенности подачи омонимов, омоантонимов и многозначных слов. Не выработаны еще единые принципы подачи иллюстративных материалов, диалектно-литературных дублетов, вариантов. Решение спорных вопросов региональной лексикографии часто зависит от степени разработанности соответствующих проблем диалектной лексикологии.

При работе над диалектологическими словарями составители прежде всего сталкиваются с необходимостью определения принципов отбора слов, что тесно связано с вопросом размежевания литературной и диалектной лексики. «Куда труднее, — пишет А. С. Чикобава, — в области лексической размежевать диалектное и литературное»¹³.

Тесная взаимосвязь, переплетенность диалектной и литературной лексики особенно характерны для тюркских языков, в которых «нормы современных литературных тюркских языков во многом еще окончательно не установлены, они находятся в процессе формирования и дальнейшего развития»¹⁴. Это в первую очередь относится к разнодиалектным по происхождению дублетам, вариантам, параллельно употребляющимся в литературном языке. Кроме того, существует масса диалектных слов, находящихся в стадии проникновения в литературный язык. К ним прежде всего относятся слова, не имеющие эквивалентов в литературном языке.

В этой связи в тюркских языках следовало бы кроме диалектной и литературной лексики различать и переходную промежуточную лексическую группу, состоящую не только из слов, начинающих проникать в литературный язык, но и равнозначных дублетов с неясно выраженным литературным компонентом. В процессе дальнейшего развития, нормализации литературного языка одни варианты могут быть вытеснены другими. Часть из них возвратится в группу диалектной лексики, а другая часть закрепится в литературном языке. Эту многочисленную по своему составу промежуточную группу мы называем диалектно-литературной.

Существует мнение, что если то или иное диалектное слово употреблено в языке художественной литературы, его уже нельзя считать диалектизмом. С этим нельзя согласиться, ибо литературный язык и язык художественной литературы не совпадают по значению. В языке художественного произведения по вполне понятным причинам могут встречаться просторечные, диалектные, окказиональные, книжные элементы, лежащие за пределами литературного языка.

Для успешного отбора слов для диалектологического словаря необходимо четко определить словарные диалектизмы. Однако данный вопрос не нашел удовлетворительного решения не только в тюркологии, но и в русском языкознании. «В практике составления словарей имеется много путаницы и противоречий в определении словарных диалектизмов», — пишет Ф. П. Филин¹⁵. «Совершенно необходимо выработать принципиальные положения, определяющие понятие „диалектное слово“, — отмечает Ф. П. Сороколетов¹⁶. Чтобы убедиться в правоте этих высказываний,

¹³ А. С. Чикобава. О принципах составления толкового словаря грузинского языка. — «Лексикографический сборник», вып. 1. М., 1957, стр. 67.

¹⁴ К. М. Мусаев. Диалектная лексика в сравнительной лексикологии тюркских языков. — «VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения». Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1973, стр. 28.

¹⁵ Ф. П. Филин. Заметки по лексикологии и лексикографии. — «Лексикографический сборник», вып. 1. М., 1957, стр. 48.

¹⁶ Ф. П. Сороколетов. О теоретических установках одного областного словаря. — В кн.: «Современная русская лексикология». М., 1966, стр. 68.

достаточно вспомнить определения, которые даются диалектизмам отдельными исследователями: одни рассматривают их в составе литературного языка, а другие — оставляют диалектизмы за его пределами. При определении диалектного слова следует, по-видимому, руководствоваться двумя критериями, вытекающими из следующей формулировки Ф. П. Филина: «Диалектным словом (единственным объектом „Словаря русских народных говоров“, как и любого дифференциального диалектологического словаря) является слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (разрядка наша. — Ш. С.)»¹⁷. Если исходить из данного определения, то объектом диалектологического словаря должны служить: 1) собственно-словарные диалектизмы; 2) словообразовательные диалектизмы: а) диалектное слово+литературный аффикс; б) литературное слово+диалектный аффикс; 3) диалектизмы-словосочетания, фразеологизмы; 4) семантические (или смысловые) диалектизмы; 5) фонетические диалектизмы. Слова с фонетическими изменениями в диалектологический словарь включаются в тех случаях, когда: а) изменения в них имеют абсолютно индивидуальный характер; б) они представляют собой лексико-фонетические диалектизмы.

В порядке исключения в диалектологическом словаре помещаются диалектно-литературные дублеты с неясно выраженными литературными компонентами. Из профессиональных слов подлежат включению имеющие локальный характер употребления. В диалектологический словарь не включаются слова, относящиеся к книжной, просторечной, окказиональной лексике, а также литературно-локальные и литературно-общенародные слова.

Что касается иллюстративных материалов, то нам кажется, что произведения художественной литературы и материал периодической печати не должны привлекаться в качестве источника при отборе заглавных слов для диалектологического словаря. Единственным источником для этого должны служить соответствующие записи диалектологических экспедиций. Художественная литература и периодическая печать должны быть использованы лишь в качестве одного из вспомогательных источников иллюстративного материала.

Спорной пока еще является правомерность выделения в качестве реестровых слов целых словосочетаний, состоящих из двух, трех и более слов. На наш взгляд, правильное решение приняли составители татарского и башкирского диалектологических словарей, выделив в реестр такие диалектные словосочетания, каждое слово которых, взятое отдельно, принадлежит литературному языку и не является диалектизмом; однако само словосочетание в целом употребляется лишь в диалектах; ср. каз. *ışıpus ızsaı* 'работать', *bir möjup ızg* 'четверть гектара земли' и др. Подобные словосочетания должны выделяться в самостоятельные реестры. Конечно, следует различать и словосочетания, в которые входят легко вычленимые и невычленимые диалектные слова. Эти два вида словосочетаний в словаре должны подаваться различно.

¹⁷ Ф. П. Филин. Указ. раб., стр. 48.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков, созданная Институтом языкознания Академии наук СССР и Институтом языкознания Академии наук Казахской ССР и проходившая 15—17 мая 1973 года в Алма-Ате, была посвящена обсуждению ряда узловых научных вопросов этой проблемы. Работа конференции проходила в трех секциях: секции общей и исторической диалектологии, секции диалектологических атласов и секции диалектной фонетики, грамматики, лексикологии и лексикографии. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено около шестидесяти докладов и научных сообщений видных ученых-тюркологов из Москвы, Ленинграда, многих национальных республик и автономных областей Советского Союза.

Первое пленарное заседание открыл вступительным словом академик-секретарь Отделения общественных наук Академии наук Казахской ССР, директор Института языкознания С. К. Кенесбаев (Алма-Ата).

Наш славный соотечественник, автор уникального словаря живого русского народного языка Владимир Иванович Даль, — сказал в своем выступлении С. К. Кенесбаев, — более ста лет назад писал: «Областной говор свойствен простому народу, а простонародный язык — корень и основание образованного языка; последний, со всеми прикрасами своими и со своею грамматикой, должен признать простонародный язык наш родным отцом своим, и в то же время живым, напоряющим источником».

В нашей стране, в частности в тюркоязычных республиках, проводится большая работа по изучению живой народной речи, являющейся одним из основных источников обогащения литературного языка.

Как известно, подавляющее большинство тюркских языков представлено в нашей стране. О широком фронте проводимых в нашей стране исследований в области тюркской диалектологии говорят хотя бы то, что на нашей конференции присутствуют представители Москвы, Ленинграда, Азер-

байджана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении, Татарии, Каракалпакки, Башкирии, Чувашии, Карачаево-Балкарии, Тувы, Хакасии.

Постоящая конференция преследует цель углубленного и разностороннего обобщения опыта изучения разнообразных языковых явлений, наблюдаемых в живой народной речи. Их детальное изучение и обнародование представляют большой теоретический и практический интерес. Изучение народного языка имеет важное значение не только для выяснения ряда вопросов истории языка, но и для сравнительно-исторического изучения тюркских языков, составления общетюркского лингвистического атласа и диалектологических словарей, а также для освещения различных проявлений межязыковых контактов. Диалектологические материалы во многом способствуют и решению вопросов прикладного языкознания.

Мы с гордостью можем сказать, что советская диалектологическая наука, в том числе и тюркская диалектология, добилась значительных успехов. Партия и правительство уделяют большое внимание развитию лингвистической науки вообще и диалектологии в частности. За последние годы государственных премий были удостоены работы К. К. Юдахина, А. П. Дульзона и других ученых-языковедов. Присуждение Государственной премии за создание белорусского диалектологического атласа группе ученых-диалектологов — яркое свидетельство того большого значения, которое придает-ся лингвогеографическому изучению языков.

Со времени проходившей в Баку первой конференции по диалектологии тюркских языков прошло 16 лет. За этот период тюркская диалектология добилась значительных успехов. Благодаря периодически проводимым диалектологическим совещаниям и конференциям издано около десяти выпусков сборника «Вопросы диалектологии тюркских языков». Нам удалось также объединить усилия многих ученых для составления диалектологического атласа тюркских языков СССР; результатом кропотливой работы со-

трудников сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР явился добротный вопросник по собиранию материалов для диалектологического атласа тюркских языков.

Отрадно отметить, что в последние десять лет ведется большая и плодотворная работа по созданию диалектологических атласов тюркских языков. Особо хочется отметить значительные результаты в области составления диалектологических словарей. Достаточно назвать диалектологические словари азербайджанского, татарского, узбекского, киргизского, казахского, чувашского и башкирского языков. Но, несмотря на свои солидные объемы, эти словари являются по существу краткими и не отражают лексику говоров в достаточно полном масштабе.

В настоящее время диалектологи некоторых республик (например, Азербайджана) задались целью создать многотомные диалектологические словари. Этому примеру рано или поздно последуют диалектологи и других республик. Желательно было бы уже сейчас, когда нами приобретен значительный опыт составления таких словарей, обсудить все спорные вопросы, обменяться мнениями по тем или иным проблемам региональной лексикографии. Судя по тезисам докладов, несогласованных вопросов в этой области накопилось немало. Чем шире и глубже мы занимаемся вопросами лингвогеографического изучения диалектов, составлением атласов, тем больше возникает вопросов, требующих обсуждения и согласования, связанных с принципами составления не только отдельных национальных, но и общетюркского лингвистического атласа.

Наряду с успехами в разработке диалектологии тюркских языков здесь все еще имеется немало недостатков общего и частного характера. В первую очередь следует отметить заметное отставание в области теоретического обобщения накопленных материалов, а также недостаточное применение метода сравнительно-исторического изучения. Не до конца доведена и работа по совершенствованию фонетической транскрипции, без завершения которой, как это неоднократно отмечалось на предыдущих конференциях, мы не можем вести плодотворную работу в области диалектологии. Помоему, настало время повсеместно использовать в диалектологической практике современные приборы: магнитофоны, осциллографы и др. В настоящий момент, когда мы приступили к изучению проблем взаимоотношения и взаимовлияния тюркских языков на уровне говоров, когда мы взялись за осуществление таких капитальных работ, как составление диалектологических атласов и более полных диалектологических словарей, когда по этим проблемам у нас накопился определенный опыт, нам особенно нужны контакты, обмен мнениями, чтобы решить и уточнить вопросы, возникающие в процессе работы. Я уверен, что этому поможет и наша настоящая конференция.

Занимаясь теми или иными вопросами диалектологии, мы постоянно ощущаем нужду в библиографическом указателе по диалектологии тюркских языков. Думается, пора создать общими усилиями библиографический указатель по тюркской диалектологии, тем более что на необходимость его создания указывалось в резолюции VI региональной конференции, проходившей в г. Ташкенте. Нам остается только как можно быстрее претворить это решение в жизнь. Организацию и координацию соответствующей работы, а также издание указателя Институт языкознания Академии наук Казахской ССР мог бы взять на себя.

Нам хотелось бы здесь сказать несколько слов о казахской диалектологии. Успехи казахских языковедов в этой области несомненны. Эти успехи в первую очередь связаны с именами проф. Н. Т. Сауранбаева, С. А. Аманжолова и Ж. Д. Доскараева, которые по праву считаются основоположниками казахской диалектологической науки. Заслуга их в том, что ими были получены первые результаты в области исторической диалектологии, предложены классификации диалектов, созданы краткие диалектологические словари.

Продолжая традиции ученых старшего поколения, казахские диалектологи проделали большую работу по изучению народных говоров. Достаточно здесь упомянуть семь выпусков сборника по диалектологии, объемистый диалектологический словарь казахского языка и первый том диалектологического атласа казахского языка.

Таким образом, пришла пора прекратить беспочвенные споры о наличии или отсутствии диалектов в казахском языке. Результаты диалектологических исследований позволяют утверждать, что в казахском языке имеются диалекты, правда, не столь явно выраженные, как в азербайджанском и узбекском языках. Поэтому изучение живой диалектной речи казахов, а также других национальностей, населяющих территорию Казахстана, не должно сниматься с повестки дня.

Казахским диалектологам необходимо, не ослабляя темпов сбора, накопления фактического материала, усилить работу в области теоретических обобщений. Предстоит также выяснить вопрос о диалектной основе казахского литературного языка, уточнить диалектное членение казахского языка, изучить говоры методами лингвистической географии, составить более полный диалектологический словарь.

Что же касается диалектной основы казахского литературного языка, то мне хотелось бы подчеркнуть, что в его основе лежит, возможно, не один определенный диалект, а группа диалектов. Поэтому казахским диалектологам в дальнейшем следовало бы учесть и такую, на наш взгляд, весьма вероятную возможность сложения основы казахского литературного языка.

Нет сомнения, что наша конференция может успешно разрешению насущных и актуальных вопросов диалектологии тюркских языков и тем самым внесет свой вклад в дальнейшее развитие советской тюркологической науки.

На первом пленарном заседании с докладом «Состояние и задачи дальнейшего развития тюркской диалектологии в СССР» выступил *М. Ш. Ширалиев* (Баку)*.

Большой интерес вызвал доклад *А. Н. Кононова* (Ленинград) на тему «Термины и способы определения стран света у тюркских народов». Докладчик высказал оригинальные суждения о происхождении отдельных астрономических терминов, утративших впоследствии свое первоначальное лексическое значение во многих живых тюркских языках. Приведенные автором сведения представляют большой интерес с точки зрения диалектологии. Аналогичные термины встречаются в диалектах современных тюркских языков. Так, термины *арка*, *temir kazuk* в значении «север» бытуют в некоторых юго-западных говорах казахского языка, хотя в литературном языке они выражаются совершенно иными словами. Даже элемент *арка* в словосочетаниях, бытующих у казахов в формах *арка žak*, *арка bet*, *Sary+arka* и обозначающих более широкое географическое понятие (то есть северо-центральную часть территории Казахстана), этимологически восходит к вышеуказанному *арка* 'север'.

С весьма содержательным докладом, посвященным языку тюркских племен по данным «Дивана» Махмуда Кашгарского*, выступил *Э. Р. Тенишев* (Москва).

Г. Д. Санжеев (Москва) в докладе о ранних тюрко-монгольских лингвистических параллелях* показал на соответствующих примерах существование в древности контактов между двумя группами языков.

В докладе *Е. И. Убратовой* (Новосибирск) говорилось о значении диалектных данных для исторической грамматики якутского языка. Материалы, приведенные докладчиком, содержат ряд наблюдений, представляющих интерес не только для якутских диалектологов, но и исследователей диалектов других тюркских языков.

В докладе «Процессы интерференции в развитии северных и южных диалектов алтайского (ойротского) языка»* *Н. А. Баскаков* (Москва) высказал ряд теоретических предположений о возможных путях сложения некоторых тюркских общенародных языков на основе объединения племенных диалектов и говоров.

В докладе *Д. Г. Тумашевой* (Казань) «К вопросу о типах диалектных лексических различий»* были удачно сгруппированы многочисленные типы лексических различий в татарских диалектах, что представляет значительный интерес как для собственно диалектологической лексикографии, так и для лексикологических исследований вообще.

М. Б. Балакаев (Алма-Ата) выступил с докладом «Диалектные явления в языке художественной литературы»*. Обогащение лексики литературного языка, по мнению докладчика, должно происходить не за счет одного опорного диалекта, а путем широкого привлечения слов всех основных говоров данного языка.

Г. Г. Мусабаев (Алма-Ата) в докладе «Историческая диалектология казахского языка» сделал попытку определить принадлежность отдельных территориально резко выраженных фонетических соответствий, наблюдающихся в современных казахских говорах, к тем или иным древнетюркским племенным диалектам, составившим, по его мнению, основу казахского общенародного языка. Опираясь на богатый арсенал историко-лингвистических фактов, докладчик стремился доказать, что казахский общенародный язык восходит к диалектам сако-уйсунов в древнем Семиречье, канглы-кыпчаков на Арале и Сырдарье, потомков массагетов и исседонов в Центральном Казахстане и т. д. Суждения автора, однако, часто носят гипотетический характер.

К. М. Мусаев (Москва), выступивший с докладом «Значение диалектной лексики в сравнительной лексикологии тюркских языков»*, выдвинул идею использования материалов диалектной лексики при создании сравнительной лексикологии тюркских языков. Докладчик отметил, что в известных классификационных схемах тюркских языков совершенно недостаточно использованы лексико-семантические дифференциальные признаки тюркских языков, особенно — диалектов.

С докладом «Случаи выпадения согласных в устной речи уйгуров и их отражение в письменно-литературном языке»* выступил *А. Т. Кайдаров* (Алма-Ата), проанализировавший определяющие тенденции, фонетические закономерности и позиции выпадения неустойчивых согласных в речи и отражение этого процесса в письменно-литературном языке уйгуров.

Некоторым проблемам тюркской региональной лексикографии был посвящен доклад* *Ш. Ш. Сарыбаева* (Алма-Ата).

На первой секции «Общая и историческая лексикология» (руководитель — *А. Н. Кононов*) был зачитан *С. Нурхановым* доклад *Г. Ф. Благовой* (Москва) «О методике использования диалектных данных в историко-лингвистических исследованиях». Автор доклада картографировала отдельные языковые особенности «Бабур-наме» (XV—XVI

* Текст доклада *М. Ш. Ширалиева* был опубликован в журнале «Советская тюркология», № 2, 1973, стр. 3—9. Дальше помечены звездочкой доклады, тексты которых публикуются в данном номере журнала.

вв.), не отмечаемые в узбекском литературном языке, но имеющиеся в современных узбекских говорах. Картографирование указанных явлений показало, что изоглоссы некоторых из них выходят за пределы собственно узбекской территории, распространяясь на все среднеазиатские языковые массивы.

А. К. Хасенова (Алма-Ата) выступила с докладом «О взаимодействии казахских говоров и современного литературного языка». В докладе была подчеркнута особая роль казахских народных говоров в обогащении и пополнении лексики казахского литературного языка.

Доклад *Х. Д. Даниярова* (Сырдарья) был посвящен теме «Кыпчакские элементы в языке Алишера Навои». Докладчик, в частности, указал, что для языка произведений Навои характерно следование закону сингармонизма (правда, с некоторыми отклонениями в словах арабо-персидского происхождения). В узбекских народных диалектах, легших в основу современного узбекского литературного языка, этот закон, как известно, не выдерживается.

Основные диалектные черты языка башкир-кыпчаков были детально описаны в докладе *С. Ф. Миржановой* (Уфа) «О языке башкир-кыпчаков», отметившей, в частности, что у башкир-кыпчаков до сих пор сохранились этнонимы типа *haŋu kursak, kaŋa, hu-ɕuɕ, ɛɛɛɟuɟ* и т. п., имеющиеся и у других тюркских народов кыпчакской языковой группы, в том числе у казахов.

Ж. Болатов (Алма-Ата) в докладе «О классификации восточных говоров казахского языка» остановился на характерных признаках пяти самостоятельных говоров этой группы.

Ряд докладов был посвящен отражению диалектных данных в языке отдельных древнетюркских памятников, фольклорных произведений и древних письменных источников литературных языков тюркских народов. Так, *У. Бекбаулов* (Нукус) выступил с докладом «Отражение диалектных особенностей в языке эпических произведений каракалпаков», *Е. Жубанов* (Алма-Ата) — с докладом «Следы диалектных колебаний в языке эпоса „Козы Корпеш-Баян сулу“». *У. Айтбаев* (Алма-Ата) — с докладом «Диалектные явления и вопросы перевода». В докладах *Т. Жанузакова* и *А. Абдрахманова* (Алма-Ата) был приведен ряд интересных данных, характеризующих наличие диалектных элементов в казахских антропонимах и топонимах.

Источниковедческой добротностью отличался доклад *А. Курышжанова* (Алма-Ата) «„Ал-Каванин...“ как один из источников исторической диалектологии казахского языка». В этом памятнике, созданном на территории мамлюкских кыпчаков на рубеже XIV—XV вв. (дата предположительная), действительно нашли отражение многочис-

ленные языковые факты, наблюдаемые по сей день в казахских народных говорах.

С докладом «Отражение диалектных особенностей в дореволюционных письменных источниках» выступил *Б. Абилясимов* (Алма-Ата).

Б. Хасанов (Алма-Ата) сделал доклад на тему «Взаимодействие национальных языков Казахстана на уровне говоров».

М. У. Умаров (Ташкент) посвятил свой доклад диалектам крымских татар, проживающих в Узбекистане, *Ф. Ю. Юсупова* (Елабуга) — влиянию башкирского и казахского языков на формирование говоров татар Южного Урала и Зауралья.

Основной темой второй секции «Диалектологические атласы» (руководитель — *М. Ш. Ширалиев*) был опыт составления диалектологических атласов отдельных тюркских языков. *Г. Бакинова* (Фрунзе) рассказала о составлении однотомного диалектологического атласа киргизского языка. При выборе расстояния между населенными пунктами, обозначенными на карте, докладчик рекомендует исходить из степени заселенности конкретных территорий. В зачитанном на секции *Б. Тагиевым* докладе *М. И. Исламова* (Баку) «Диалектологический атлас азербайджанского языка» говорилось о значении и роли картографирования изоглоссных явлений в выяснении этногенеза носителей диалектов. Принципам и методам составления диалектологического атласа каракалпакского языка был посвящен доклад *Д. С. Насырова* (Нукус). Докладчик особо подчеркнул решающее значение правильного отбора изоглоссных черт.

Л. П. Сергеев (Чебоксары) в докладе «Фонетические диалектные различия в „Диалектологическом атласе чувашского языка“» высказал мнение, что если слово имеет несколько фонетических вариантов, то их ареал на карте характеризуется распыленностью очертаний, а двучленные (или парные) противопоставления имеют более контрастно выраженный ареал.

В докладе *О. Накисбекова* (Алма-Ата) «Интерпретация некоторых фонетических явлений по материалам диалектологического атласа казахского языка» были проанализированы изоглоссы фонетических признаков южных и юго-восточных говоров казахского языка. На материале I тома «Диалектологического атласа казахского языка» докладчик раскрыл причины переплетения ряда изоглоссных линий.

А. Шерматов (Ташкент) в докладе «Из опыта картографирования узбекских говоров низовья Кашкадарьи» убедительно показал, что картографирование явлений небольших диалектных регионов дает более отчетливое представление о системе изоглосс конкретного диалекта или определенной группы говоров, чем, скажем, картографирование языковых особенностей обширных диалектных массивов.

Доклад *Г. Сапаровой* (Ашхабад) был посвящен описанию лексических особенностей туркменских говоров, исследованных в связи со сбором материалов для общетюркского лингвистического атласа.

Лингвогеографическому изучению лексики казахских говоров на территории Узбекской ССР был посвящен доклад *Т. Айдарова* (Ташкент). На основе собранного за последние годы материала докладчик делит казахские говоры этого региона на говор казахов побережий Чирчика и говор казахов Бухарской области.

Подавляющее большинство докладов третьей секции «Фонетика, грамматика, лексикология и лексикография» (руководитель — *Э. Р. Тенишев*) было посвящено лексикологическим исследованиям по материалам диалектов конкретных тюркских языков. Так, например, в докладе *З. Б. Чадамба* (Кызыл) были рассмотрены некоторые вопросы диалектной лексики тувинского языка, в докладе *А. Ишаева* (Ташкент) — особенности лексических пластов в словаре узбекских говоров Каракалпакии, *Ж. Мукамбаева* (Фрунзе) — проблемы диалектной лексики киргизского языка. *С. Б. Будаев* (Улан-Удэ) на материале лексики говоров бурятского языка проследил в своем докладе тюрко-монгольские языковые связи, а *Д. Карамшиев* (Душанбе) — тюркские лексические элементы в памирских языках.

В ряде докладов рассматривались вопросы диалектологии уйгурского языка. Так, в докладе *Г. Садвакасова* (Алма-Ата) были интерпретированы лексические заимствования в говорах советских уйгуров, *Т. Талипова* (Алма-Ата) — охарактеризованы качественные изменения широких согласных в уйгурских говорах, а *О. Джамаддинова* (Алма-Ата) — описаны особенности языка уйгуров селения Кальжат, расположенного на территории Алма-Атинской области.

Т. И. Гаджиев (Баку) выступил с докладом «Отражение лексики письменных памятников азербайджанского языка в его диалектах и говорах».

Несколько докладов было посвящено фонетическим явлениям в казахских народных говорах. Так, *Ж. Аралбаев* (Алма-Ата) в докладе «К изучению фонетики казахских говоров» подчеркнул необходимость применения методов экспериментальной фонетики в диалектологических исследованиях, что должно значительно расширить представление об артикуляционно-акустических особенностях звуков и фонологической системе диалектной речи.

Основываясь на полученных экспериментальных данных, *С. С. Татубаев* и *А. Б. Кошкарва* (Алма-Ата) сообщили о фонологическом статусе согласных *ш, ч* в казахских говорах, а *С. Омарбеков* (Алма-Ата) осветил некоторые частные вопросы влияния соседних родственных языков на звуковую систему казахских говоров.

На секции были заслушаны также доклады, посвященные характеристике грамматических черт отдельных говоров и групп говоров казахского языка. *А. Нурмагамбетов* (Алма-Ата) остановился на характеристике грамматических особенностей западных групп говоров казахского языка, раскрыв дифференцирующие признаки и их роль в определении системы грамматического строя казахских диалектов. *Н. Джунусов* (Кызыл-Орда) на конкретных примерах проиллюстрировал участие общепотребительных аффиксов в диалектном формообразовании в казахских говорах на территории Каракалпакии. Новые диалектные данные содержались в докладе *Ю. Абдувалиева* (Сырдарья) «Таджикские словообразующие средства в казахских говорах на территории Узбекской ССР».

А. Аннануров (Ашхабад) сообщил о подготовке диалектологического словаря туркменского языка, *Б. Тагиев* (Баку) — о работе азербайджанских диалектологов над составлением трехтомного диалектологического словаря азербайджанского языка, а *А. Г. Велиев* (Баку) — о некоторых аспектах диалектной лексикографии (на материале переходных говоров азербайджанского языка), *О. Доспанов* (Нукус) — об опыте создания диалектологического словаря каракалпакского языка и задачах диалектной лексикографии.

Заключительное пленарное заседание было посвящено информационным сообщениям о диалектологических работах на местах.

Об основных этапах изучения диалектов башкирского языка доложила *Н. Х. Максимова* (Уфа), о состоянии изучения диалектов хакасского языка рассказала *Д. Ф. Патачакова* (Абакан), о работе чувашских диалектологов сообщил *Л. П. Сергеев* (Чебоксары), о работах самаркандских диалектологов — *Р. Кунгуров* (Самарканд), о диалектологических работах в Каракалпакии — *Б. Бекетов* (Нукус), об исследованиях якутских диалектологов — *П. П. Барашков* (Якутск), о диалектологических работах научных учреждений Казахстана — *Ш. Бектуров* (Алма-Ата) и *К. Айгазин* (Алма-Ата).

Доклады и сообщения, сделанные на пленарных и секционных заседаниях, вызвали живой обмен мнениями, в котором приняло участие около тридцати ученых из разных республик. Выступления показали заметно возросший научно-теоретический уровень исследований, проведенных в области тюркской диалектологии за последние годы, их большое прикладное значение.

Конференция отметила несомненные успехи тюркской диалектологии, многочисленные проблемы которой получили на конференции научное освещение. Участники конференции отметили большую работу, проводящуюся во многих тюркоязычных республиках и областях по лингвогеографическому

изучению тюркских языков. Особенно заметны положительные результаты, достигнутые в области составления диалектологических атласов азербайджанского, татарского, казахского, узбекского, туркменского и чувашского языков. Важным этапом этой работы является подготовка к созданию диалектологического атласа тюркских языков СССР.

Были отмечены также значительные успехи региональной лексикографии. Составленные диалектологические словари тюркских языков дают богатый материал для теоретических обобщений в области тюркской диалектной лексикологии и лексикографии.

Конференция способствовала решению многих проблем и внесению ясности в некоторые спорные вопросы принципов и методики составления атласов и диалектологических словарей тюркских языков.

Внимание диалектологов было обращено на некоторые недостатки общего и частного характера, все еще имеющиеся в практике изучения диалектов тюркских языков. В частности, было отмечено, что медленно идет работа по сбору материалов для диалектологического атласа тюркских языков; слабо развита историческая диалектология; по отдельным языкам все еще не разработана классификационная система диалектов и го-

воров; диалектологи недостаточно активно используют в своей работе научно-технические средства; не доведена до конца работа по выработке единой фонетической транскрипции для тюркских языков.

Итоги работы конференции подвел С. К. Кенесбаев. Участники отметили хорошую организацию работы VII региональной конференции по диалектологии тюркских языков.

Конференция приняла резолюцию, ориентирующую диалектологов на развертывание и улучшение работы по изучению диалектов и говоров тюркских языков.

* * *

15 мая состоялось заседание редколлегии журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ», на котором с сообщением о проблемах, стоящих перед редакцией, и трудностях, возникающих в процессе практической работы, выступили главный редактор журнала М. Ш. Ширалиев и заместитель главного редактора И. С. Сеидов. В обсуждении работы редакции журнала приняли участие члены редколлегии А. Н. Кононов, С. К. Кенесбаев, Н. А. Баскаков, Э. Р. Тенишев, Е. И. Убрятова и Б. О. Орузбаева.

С. Омарбеков, С. Нурханов

РЕЗОЛЮЦИЯ

VII РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

АЛМА-АТА, 15—17 МАЯ 1973 ГОДА

VII региональная конференция по вопросам диалектологии тюркских языков, созданная в соответствии с решением предшествующей VI региональной конференции сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР и Институтом языкознания Академии наук Казахской ССР, состоялась в г. Алма-Ате 15—17 мая 1973 года.

В работе конференции участвовали ученые-тюркологи Абакана, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Душанбе, Елабуги, Казани, Карачаевска, Кзыл-Орды, Кызыла, Ленинграда, Москвы, Нукуса, Самарканда, Сырдарьи, Талды-Кургана, Ташкента, Уфы, Фрунзе, Чебоксар, Якутска и других городов страны.

Конференция была посвящена в основном обсуждению следующих проблем:

1. Составление диалектологических атласов тюркских языков;
2. Диалектная лексикография;
3. Историческая диалектология тюркских языков;
4. Состояние изучения диалектов на местах.

Работа конференции проходила на двух пленарных и трех секционных заседаниях. На пленарном заседании было заслушано 12 докладов; на первой секции — «Общая историческая диалектология» — 13 докладов; на второй секции — «Диалектологические атласы» — 8 докладов; на третьей секции — «Фонетика, грамматика, лексикология и лексикография» — 16 докладов.

Конференция с удовлетворением отмечает большие успехи, достигнутые в развитии диалектологии тюркских языков. Во многих тюркоязычных республиках и областях ведется интенсивная работа по лингвогеографическому изучению тюркских языков. Заметные результаты получены в области составления диалектологических атласов азербайджанского, татарского, казахского, узбекского, киргизского, туркменского и чувашского языков. Это следует расценивать как важный и необходимый этап на пути к подготовке общего диалектологического атласа всех тюркских языков СССР.

Особенно значительные успехи достигнуты в области региональной лексикографии. Подготовленные капитальные диалектологические словари тюркских языков дают богатый материал для теоретических обобщений в области тюркской диалектной лексикологии и лексикографии. Конференция с удовлетворением отмечает, что обмен мнениями внес ясность в ряд вопросов составления как атласов, так и диалектологических словарей тюркских языков.

За период между VI и VII конференциями вышло в свет несколько монографических работ и сборников.

Наряду с отмеченными успехами в разработке проблем тюркской диалектологии все еще имеется целый ряд недостатков общего и частного характера.

Недостаточно интенсивно ведется работа по сбору материалов для диалектологического атласа тюркских языков. Во многом отстает историческая диалектология. По ряду языков еще не разработаны классификационные системы диалектов и говоров.

При диалектологических исследованиях недостаточно используются научно-технические средства.

Не завершена разработка единой фонетической транскрипции для тюркских языков.

Все еще не издан сводный коллективный труд «Диалекты тюркских языков», призванный систематизировать и обобщить имеющиеся научные данные о диалектной системе каждого из тюркских языков.

Назрела необходимость в упорядочении употребления терминов в диалектологических исследованиях. Целесообразно на следующей, VIII региональной конференции заслушать и обсудить доклад на эту тему.

Участники конференции с удовлетворением отметили большую роль всесоюзного журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» в координации научных усилий тюркологов, в том числе и в области тюркской диалектологии. На страницах журнала был опубликован ряд статей, имеющих важное значение для той серьезной работы, которая ведется в тюркоязычных республиках и областях над составлением диалектологических атласов.

Участники VII региональной конференции выразили глубокую благодарность сектору тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР и Институту языкознания Академии наук Казахской ССР за образцовую организацию и проведение конференции.

РЕШЕНИЕ:

1. Наряду с составлением диалектологических атласов и диалектологических словарей необходимо усилить работу по важнейшим теоретическим проблемам лексикологии и лексикографии.

2. Рекомендовать языковедческим научным учреждениям тюркоязычных республик и областей, наряду с составлением и изданием общенациональных диалектологических словарей, вести подготовку и областных словарей отдельных тюркских диалектов и говоров.

3. Организовать в мае 1974 года в г. Баку обсуждение отдельных спорных вопросов тюркской региональной лексикографии.

4. Начиная с VIII региональной конференции практиковать участие в ее работе наряду с диалектологами и историков тюркских языков.

5. Поручить Н. А. Баскакову подготовить к VIII региональной конференции проект единой фонетической транскрипции тюркских языков.

6. Приступить к подготовительной работе по составлению коллективного труда «Диалектологический словарь тюркских языков СССР». Заслушать на VIII диалектологической конференции специальный доклад о принципах составления этого словаря.

7. Завершить к VIII диалектологической конференции общими усилиями диалектологов тюркоязычных республик составление библиографического указателя по тюркской диалектологии. Координацию этой работы и созыв специального семинара составителей поручить Институту языкознания Академии наук Казахской ССР.

8. В связи с усиливающимся процессом нивелировки диалектов и говоров под влиянием литературных языков и учитывая важное значение диалектологических материалов для решения многих теоретических и практических вопросов языкознания, еще больше активизировать и расширить сбор диалектных материалов. Привлечь к этому преподавателей и студентов вузов. Просить Научный совет по диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка Академии наук СССР рекомендовать министерствам высшего и среднего специального образования и министерствам просвещения союзных республик включение в научно-исследовательские планы кафедр национальных языков сбор и изучение диалектных материалов национальных языков путем проведения диалектологических экспедиций.

9. Рекомендовать соответствующим научным учреждениям тюркоязычных республик содействовать расширению полевых исследований по сбору диалектных материалов, выделяя для этого необходимые штаты и средства.

10. Уделять больше внимания сбору материалов для диалектологического атласа тюркских языков СССР.

11. Продолжить и расширить практику стажировки диалектологов союзных республик в соответствующих головных институтах по специальности «лингвистическая география» и «региональная лексикография».

12. Активнее использовать в диалектологических исследованиях научно-технические средства с последующей экспериментальной обработкой данных диалектной речи.

13. Просить Отделение литературы и языка и Институт языкознания Академии наук СССР ускорить выпуск сводного коллективного труда «Диалекты тюркских языков».

14. Следующую, VIII региональную конференцию по диалектологии тюркских языков провести в 1976 году в г. Нукусе, посвятив ее обсуждению следующих проблем:

- 1) составление диалектологических атласов тюркских языков,
- 2) тюркская региональная лексикология и лексикография.

«МАЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Очередные «Маловские чтения», проведенные 18 мая 1973 года в Алма-Ате, были посвящены самым различным вопросам тюркского языкознания и литературоведения, а также истории тюркских народов. В общей сложности было сделано около двадцати докладов и сообщений.

«Чтения» краткой речью открыл один из ближайших учеников С. Е. Малова *Э. Р. Тепишев*, отметивший выдающиеся заслуги ученого перед советской тюркологией, его вклад в развитие уйгуроведения и подготовку молодых лингвистических кадров, своеобразие и эффективность предложенных им методов научных исследований.

С докладом «С. Е. Малов и его роль в решении научно-практических вопросов литературного языка уйгуров СССР» выступил *А. Т. Кайдаров* (Алма-Ата), особо подчеркнувший выдающуюся роль С. Е. Малова в развитии уйгуроведения в нашей стране. Докладчик кратко охарактеризовал основные труды ученого по языку, фольклору, этнографии и истории уйгуров, отметил участие С. Е. Малова в создании единого литературного языка уйгуров, проживающих отдельными группами на территории Казахстана и трех среднеазиатских республик.

Э. Р. Тепишев (Москва) посвятил свой доклад «С. Е. Малов об уйгурских диалектах в связи с литературным языком» научной деятельности С. Е. Малова в области изучения уйгурских диалектов Синьцзяна. Он поделился также своими воспоминаниями о встречах и творческих контактах с выдающимся ученым.

Об особенностях языка межреспубликанской уйгурской газеты «Коммунизм туғи» говорил в своем докладе главный редактор этой газеты *А. Машуров* (Алма-Ата).

С интересным докладом о природе казахских лексикализованных единиц с формой на *-dajj* *dej* выступил *С. К. Кенесбаев* (Алма-Ата). Докладчик убедительными примерами проиллюстрировал процесс десемантизации корней слов с данным аффиксом,

раскрыл условия их функционирования в составе определенной группы лексикализованных оборотов.

Г. Садуакасов (Алма-Ата) сделал доклад о названиях птиц в уйгурском говоре Семиречья. Докладчик выделил несколько типов названий птиц, возникших в зависимости от их внешнего вида, окраски, мест обитания, величины, внешнего сходства с чем-либо, особенностями издаваемых звуков и т. д. Однако не все названия птиц удалось уложить докладчику в рамки подобной классификации.

Истории фонемы [R] и особенностям ее употребления в уйгурском языке был посвящен доклад *Т. Талипова* (Алма-Ата). В докладе говорилось, что по особенностям произношения этого звука говоры уйгурского языка делятся на две группы — северную и южную. Докладчиком подробно были рассмотрены случаи выпадения согласного [R] в уйгурских говорах и на конкретных примерах показано, что это фонетическое явление своими корнями уходит в глубь истории.

В докладе «С. Е. Малов и уйгурская фольклористика» *М. Алиева* (Алма-Ата) отметила большие заслуги ученого в публикации уникальных образцов уйгурского фольклора. Докладчик подчеркнула необходимость внимательного изучения архивов С. Е. Малова, в которых, вероятно, содержатся еще неизвестные исследователям материалы по уйгурскому фольклору.

С докладом «Этимология некоторых устаревших терминов уйгурской народной поэзии» выступил *О. Джамалдинов* (Алма-Ата).

А. Ибатов (Алма-Ата) посвятил свой доклад раскрытию этимологии числительного *екі* 'два', употребляющегося в тюркских языках в разных фонетических вариантах. Исходя из интересных фактов урало-алтайских языков, автор пришел к заключению, что числительное *екі* состоит из элементов *ек* + *ки*, из которых первый — корневая морфема, второй — показатель парности предмета.

Основные этапы развития и процессы формирования новых терминов в уйгурском литературном языке (на материале уйгурской периодической печати) были рассмотрены в докладе *К. Турдиевой* (Алма-Ата).

Уйгуры, будучи искусными цветоводами, сохранили в своем языке большое количество названий цветов, неизвестных другим тюркским народам. Поэтому доклад *Ш. Баратова*, посвященный этнолингвистическому анализу названий цветов в языке советских уйгуров, был встречен с большим интересом.

Схождения и расхождения во временных формах глагола в уйгурском и казахском языках были рассмотрены в докладе *Д. Жунусова* (Талды-Курган). Докладчик сумел показать, что модели формообразования и временные значения сравниваемых категорий в обоих языках в основном совпадают. Однако отмечается немало случаев, когда одно и то же грамматическое значение передается при помощи различных синтаксических моделей, морфологических средств, не говоря уже о расхождениях морфологического порядка.

Значению трудов и деятельности С. Е. Малова в обогащении исторической науки, вы-

явлении и изучении редких письменных памятников был посвящен доклад *Д. А. Исиева* (Алма-Ата). Опубликованные ученым тюркские тексты были интерпретированы докладчиком с точки зрения их роли в освещении истории, этнографии и материальной культуры уйгурского народа.

На «Маловских чтениях» был прочитан также присланный из Вашингтонского университета доклад профессора *Ильзы Лауде-Циртаугас* «Выражение благословения и проклятия в казахском и киргизском языках».

Большой интерес у участников «Чтений» вызвали воспоминания о жизни и научной деятельности С. Е. Малова его соратников и учеников, ныне видных советских тюркологов — К. К. Юдахина, А. Н. Кононова, Е. И. Убрятовой, Э. Р. Тенишева, А. И. Искакова, Г. Г. Мусабаяева и других.

Участники «Маловских чтений» единодушно отметили большую полезность подобных встреч, способствующих дальнейшему успешному развитию уйгуроведения в нашей стране, которому покойный ученый отдал много сил, энергии и таланта выдающегося исследователя.

Г. Садвакасов, С. Омарбеков

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1973 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	стр.
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). Состояние и задачи дальнейшего развития тюркской диалектологии в СССР	2	3—9
<i>К 600-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМАДЕДДИНА НАСИМИ</i>		
<i>Асланов В. И.</i> (Баку). К вопросу об изучении творческого наследия Имадеддина Насими	5	15—21
<i>Гулизаде М. Ю.</i> (Баку). Имадеддин Насими — великий поэт и мыслитель	5	5—14
<i>Иванов С. Н.</i> (Ленинград). Лирика Насими и вопросы ее переводческого истолкования	5	22—30
<i>Каграманов Дж. В.</i> (Баку). О рукописях произведений Имадеддина Насими	5	31—36
<i>СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА</i>		
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Процессы интерференции в развитии северных и южных диалектов алтайского (ойротского) языка	6	51—53
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). О русском наименовании тюрков и тюркских языков	4	11—23
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению	1	10—25
<i>Будагова З. И.</i> (Баку). Риторическое вопросительное предложение как одна из стилистических фигур в современном азербайджанском языке	6	17—26
<i>Гаджиева Н. З.</i> (Москва). Глухое начало слова в тюркском праязыке	4	3—10
<i>Гаджиева Н. З.</i> (Москва). О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках	2	30—39
<i>Дмитриева Л. В.</i> (Ленинград). К этимологии некоторых названий растений в тюркских языках	6	40—43
Дульзон А. П. (Томск). Диалекты и говоры тюрков Чулыма	2	16—29
Дульзон А. П. (Томск). Установление архетипа фонемы по межязыковым рядам альтернатив	5	93—104
<i>Зайнуллин М. В.</i> (Уфа). Модальность долженствования в башкирском языке	2	53—59
<i>Закиев М. З.</i> (Казань). Классификация частей речи и аффиксов в тюркских языках	6	3—8
<i>Иванов С. Н.</i> (Ленинград). К истолкованию категории принадлежности	1	26—36
<i>Иванов С. Н.</i> (Ленинград). О сохранении в строе языка следов его прежних состояний	6	9—16

	№	стр.
<i>Исламов М. И.</i> (Баку). Происхождение и структура некоторых сложных форм указательных местоимений	1	37—45
<i>Исхакова С. М.</i> (Казань). Древнетюркские элементы в народноразговорном языке западносибирских татар	6	36—39
<i>Кайдаров А. Т.</i> (Алма-Ата). Случаи выпадения согласных в устной речи уйгуров и их отражение в письменно-литературном языке	6	62—66
<i>Кондратьев В. Г.</i> (Ленинград). Об отношении языка памятников орхон-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников	3	23—27
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). Изучение «Дивану лугат ит-түрк» Махмуда Кашгарского в Советском Союзе	1	3—9
<i>Любимов К. М.</i> (Москва). Абстрактное наклонение в турецком языке	3	9—22
<i>Мусаев К. М.</i> (Москва). Значение диалектной лексики в сравнительной лексикологии тюркских языков	6	44—50
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Залоги глагола в восточно-тюркском языке XI—XII вв.	1	46—61
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Принципы описания морфологии восточно-тюркского языка XI—XII вв.	6	27—35
<i>Садыхова М. С.</i> (Ташкент). Грамматические и стилистические особенности аспекта отрицания узбекского глагола	2	46—52
<i>Сергеев В. И.</i> (Москва). Лексический способ выражения множественности в чувашском языке	3	3—8
<i>Серебrenников Б. А.</i> (Москва). О причинах превращения начального <i>s</i> в <i>h</i> в башкирском языке	2	10—15
<i>Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников	2	40—45
<i>Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский	6	54—61
<i>Тулашова Д. Г.</i> (Казань). К вопросу о типах диалектных лексических различий	6	67—72

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Аракин В. Д.</i> (Москва). Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII—XV вв.	3	28—37
<i>Меметов А.</i> (Ташкент). Некоторые фонетические изменения гласных звуков в персидских заимствованных словах в крымско-татарском языке	5	111—114
<i>Рассадин В. И.</i> (Улан-Удэ). Монгольские заимствования в алтайском языке	1	62—72
<i>Рускова М. П.</i> (Ленинград). Турецкие заимствования в болгарских письменных памятниках XVIII века	2	60—70
<i>Санжеев Г. Д.</i> (Москва). О тюрко-монгольских лингвистических параллелях	6	73—78
<i>Сычева В. А.</i> (Киннингс). Арабские и персидские заимствования в лексическом составе гагаузского языка	4	24—30

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Балакаев М. Б.</i> (Алма-Ата). Диалектные явления в языке художественной литературы	6	79—82
<i>Валитова А. А.</i> (Москва). Типология восточной поэмы	4	31—42
<i>Курбатов Х. Р.</i> (Казань). Метрика «аруз» в татарском стихосложении	6	83—90
<i>Мартынец А. Е.</i> (Ленинград). Приблизительная рифма в газелях Юнуса Эмре	5	115—118
<i>Серигова Л. Н.</i> (Ташкент). Некоторые типы организации рубаи Алишера Навои	6	91—101
<i>Татарлы И.</i> (София). Сабахаттин Али и Ф. М. Достоевский	1	73—82
<i>Унгвицкая М. А.</i> (Абакан). Хакасские героические сказания — «семейные хроники» и памятники енисейской письменности	2	71—83

№ стр.

ТОПОНИМИКА, АНТРОПОНИМИКА

<i>Бейтулов М., Гёчгельдиев Х.</i> (Шумен, НРБ). Уменьшительные формы личных имен в турецких диалектах Болгарии	2	93—99
<i>Губогло М. Н.</i> (Москва). Гагаузская антропонимия как этногенетический источник	2	84—92
<i>Гусейнзаде А.</i> (Баку). Об этнотопонимах Апшеронского полуострова: <i>Джорат, Сарай, Сумгаит</i>	3	38—46
<i>Рахматов Т.</i> (Москва). Этимология топонима «Самарканд»	4	43—50

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Развитие сравнительно-исторического изучения тюркских языков и уровень кандидатских диссертаций	6	102—110
<i>Гузев Ж. М.</i> (Нальчик). О составе фонем современного карачаево-балкарского языка	4	59—63
<i>Зейналов Ф. Р.</i> (Баку). О необходимости создания сравнительного словаря лингвистических терминов тюркских языков	4	68—70
<i>Пинес В. Я.</i> (Баку). О фонеме /к/ в азербайджанском языке	4	64—67
<i>Псянчин В. Ш.</i> (Уфа). История развития форм порядковых, раздельных и собирательных числительных в тюркских языках	3	49—58
<i>Сарыбаев Ш. Ш.</i> (Алма-Ата). Некоторые вопросы тюркской региональной лексикографии	6	111—116
<i>Сейидов М. А.</i> (Баку). К вопросу о трактовке понятий <i>jer sub</i> в древнетюркских памятниках	3	63—69
<i>Соколов С. А.</i> (Москва). Двухкомпонентные сверхфразовые единства, однотипные со сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями в турецком языке	4	51—58
<i>Тенишев Э. Р.</i> (Москва). О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков	5	119—124
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). Об этимологии императивной формы второго лица единственного числа <i>-gupaŋ, -g'ipāŋ</i>	3	59—62
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). Существовал ли в тюркском праязыке дательного-направительного падежа на <i>-k</i> ?	3	47—48
<i>Ямпольский З. И.</i> (Баку). Об этнониме «севордин»	1	83—87

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>Азимов П., Чарыяров Б.</i> (Ашхабад). А. Н. Самойлович и туркменское языкознание	5	71—75
<i>Аракин В. Д.</i> (Москва). Н. К. Дмитриев и его вклад в отечественную тюркологию	4	71—81
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому	5	84—92
<i>Еремеев В. П.</i> (Якутск). И. А. Худяков и якутский фольклор	3	70—73
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). А. Н. Самойлович — грамматист	5	37—48
<i>Моллаев А.</i> (Ашхабад). Н. И. Ильминский о туркменском языке и этнографии	4	82—86
<i>Мусаев К. М.</i> (Москва). А. Н. Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков	5	49—57
<i>Насилов Д. М.</i> (Ленинград). А. Н. Самойлович о классификации тюркских языков	5	76—83
<i>Нуралиев Д.</i> (Ашхабад). А. Н. Самойлович — исследователь тюркской литературы и фольклора	5	66—70
<i>Фазылов Э. И.</i> (Ташкент). А. Н. Самойлович — исследователь тюркских памятников средневековья	5	58—65

№ стр.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ

Анжиганова О. П. (Абакан). Словосочетания с нумеративными словами в хакасском языке	4	87—92
Боргояков М. И. (Абакан). О переходе <i>с</i> в <i>ё</i> в качинском диалекте хакасского языка	3	79—80
Васильев Д. Д. (Москва), Кляшторный С. Г. (Ленинград). Руническая надпись Инр-Сайыр	2	105—110
Даулетов А. (Нукус). Фонематическая природа некоторых фонетических дифтонгов в современном каракалпакском литературном языке	4	93—98
Исенгельдина А. А. (Алма-Ата). Относительная частотность фонем и артикуляционная база казахского языка	1	97—104
Каримов К. (Ташкент). Некоторые вопросы композиции, метра и жанра «Кутадгу билиг»	2	100—105
Кенесбаев С. К. (Алма-Ата). Об использовании собственных имен в казахском языке в нарицательном значении	1	87—91
Левитская Л. С. (Москва). К истории кумыкской лексики	3	74—78
Миржанова С. Ф. (Уфа). Терминология родства в диалектах башкирского языка	4	99—109
Наджиб Э. Н. (Москва). О новонайденных арабописьменных списках «Мухаббат-наме» Хорезми	3	92—103
Насыров Д. С. (Москва). Развитие каракалпакского языкознания за годы Советской власти	3	104—112
Нурмекунд П. (Тарту). Об одном рукописном турецком словаре	1	112—116
Татубаев С. С. (Алма-Ата). Об ударении в двусложных словах казахского языка	3	81—87
Тенишев Э. Р. (Москва). Говор урумов села Прасковеевки	1	92—96
Трофимов М. И. (Самарканд). О расширении гласных в современном уйгурском языке	1	105—108
Фазылов Э., Чайковская А. (Ташкент). К истории публикации тюркских турфанских памятников	3	88—91
Файзуллаева Ш. А. (Ташкент). Об арабско-кыпчакском словаре Джамал ад-дина Абу-Мухаммада Абд Аллаха ат-Турки	1	109—111
Ховдхауген Э. (Осло). Изучение тюркских языков в Норвегии	1	117—118

ПУБЛИКАЦИИ

А. Н. Самойлович. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями	5	105—110
---	---	---------

РЕЦЕНЗИИ

Алекперов А. К. (Баку). «Тюркологический сборник, 1971»	3	113—115
Ахматов Т. (Фрунзе). Б. М. Юнусалиев. Киргизская диалектология	2	116—117
Ахметов З. А. (Алма-Ата). «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина»	1	127—128
Добродомов И. Г. (Москва). Hadzy Mehmed Senai z Krymu. Historia chana Islam Gereja III	4	113—115
Доспанов У. (Нукус). Т. Бегжанов. Каракалпак тили диалектологиясынын маселелеринен	4	118—119
Калиев Б. (Алма-Ата). А. Джунисбеков. Гласные казахского языка	4	119—120
Короглы Х. (Москва). «„Рустамхан“. Узбекский героико-романический эпос. Текст и переводы»	4	110—112
Кузнецов П. И. (Москва). «Русско-турецкий словарь»	1	118—120
Кулиев Г. К. (Баку). А. Ыбрайымов. Турки диллерин денешдирме грамматикасындан голланма	4	117—118

	№	стр.
Махмутов Х. (Казань). Н. Г. Юзиев. Гармония стиха (поэтика татарского стиха)	3	117—118
Мизин О. А. (Брест). Т. Р. Рахимов. Китайские элементы в современном уйгурском языке	2	117—121
Мусаев К. М. (Москва). Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка	1	128—130
Татаринцев Б. И. (Кызыл). В. И. Рассадни. Фонетика и лексика тофаларского языка	1	122—126
Тугушева Л. Ю. (Ленинград). James Russell Hamilton. Le conte bouddhique du bon et du mauvais prince en version ouïgoure	2	121—124
Умаров Э. А. (Ташкент). С. Т. Наурузбаева. Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре	4	116—117
Шабанов Ф., Дадашев Т. (Баку). А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908)	3	115—117
Щербак А. М. (Ленинград). G. Doerfler. Khalaj Materials	2	111—115
Юдахин К. К. (Фрунзе), Кляшторный С. Г. (Ленинград). С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи	1	120—122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алиев А., Гамидов И. (Баку). Памяти Имадеддина Насими	5	125—127
Гузев В. Г., Дулина Н. А., Кляшторный С. Г., Мартынец А. Е., Насилов Д. М. (Ленинград). VI Тюркологическая конференция в Ленинграде	5	128—137
Омарбеков С., Нурханов С. (Алма-Ата). Проблемы тюркской диалектологии	6	117—125
Садвакасов Г., Омарбеков С. (Алма-Ата). «Маловские чтения»	6	126—127
Фазылов Э. И. (Ташкент). Первый тюркологический съезд в Анкаре	1	131—136

PERSONALIA

Баскаков Н. А., Тинфович М. С. (Москва). Сергей Маркович Шапшал	3	119—121
---	---	---------

ХРОНИКА

«Взаимоотношения азербайджанского и удиинского языков»	3	123
«Джалил Мамедагулызаде (Молла Насреддин) и вопросы развития азербайджанской печати начала XX века»	4	123
«История азербайджанской классической художественной прозы»	4	121—122
«К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов»	3	122
«Стилистический синтаксис современного азербайджанского художественного языка»	3	124—125
«Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке»	1	138
«Формирование и развитие тувинского национального литературного языка»	2	125
«Хагани Ширвани (жизнь, эпоха, среда)»	4	122
«Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв.»	3	124
«Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов»	1	137

НЕКРОЛОГИ

Гылыбов Г.	4	124—125
Дульзон А. П.	1	139—140
Международная фонетическая транскрипция на основе латинской графики, принятая редакцией журнала «Советская тюркология»	1	144

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. З. Закиев (Казань). Классификация частей речи и аффиксов в тюркских языках	3
С. Н. Иванов (Ленинград). О сохранении в строе языка следов его прежних состояний	9
З. И. Будагова (Баку). Риторическое вопросительное предложение как одна из стилистических фигур в современном азербайджанском языке	17
Х. Г. Нигматов (Бухара). Принципы описания морфологии восточно-тюркского языка XI—XII вв.	27
С. М. Исхакова (Казань). Древнетюркские элементы в народно-разговорном языке западносибирских татар	36
Л. В. Дмитриева (Ленинград). К этимологии некоторых названий растений в тюркских языках	40
К. М. Мусаев (Москва). Значение диалектной лексики в сравнительной лексикологии тюркских языков	44
Н. А. Баскаков (Москва). Процессы интерференции в развитии северных и южных диалектов алтайского (ойротского) языка	51
Э. Р. Тенишев (Москва). Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский	54
А. Т. Кайдаров (Алма-Ата). Случаи выпадения согласных в устной речи уйгуров и их отражение в письменно-литературном языке	62
Д. Г. Тумашева (Казань). К вопросу о типах диалектных лексических различий	67

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Д. Санжеев (Москва). О тюркско-монгольских лингвистических параллелях	73
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М. Б. Балакаев (Алма-Ата). Диалектные явления в языке художественной литературы	79
Х. Р. Курбатов (Казань). Метрика «аруз» в татарском стихосложении	83
Л. Н. Серикова (Ташкент). Некоторые типы организации рубай Алишера Навои	91

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. Ф. Благова (Москва). Развитие сравнительно-исторического изучения тюркских языков и уровень кандидатских диссертаций	102
Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата). Некоторые вопросы тюркской региональной лексикографии	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С. Омарбеков, С. Нурханов</i> (Алма-Ата). Проблемы тюркской диалектологии	117
Резолюция VII региональной конференции по вопросам диалектологии тюркских языков	122
<i>Г. Садуакасов, С. Омарбеков</i> (Алма-Ата). «Маловские чтения»	126
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1973 году (№№ 1—6)	128

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>M. Z. Zakiyev</i> (Kazan). Towards the problem of classification of parts of speech and affixes in turkic languages	3
<i>S. N. Ivanov</i> (Leningrad). On conservation of traces of language's previous states in its structure	9
<i>Z. I. Budagova</i> (Baku). Rhetorical question as a stylistic figure in the modern Azerbaijani	17
<i>Kh. G. Nigmatov</i> (Bukhara). On principles of morphological description of the east-turkic language of XI—XIIth centuries	27
<i>S. M. Iskhakova</i> (Kazan). Ancient turkic elements in folk-colloquial speech of West-siberian tatars	36
<i>L. V. Dmitriyeva</i> (Leningrad). On etymology of some names of plants in turkic languages	40
<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). The significance of dialect vocabulary in comparative lexicology of turkic languages	44
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Process of interference in development of north and south dialects of the Altai (Oirot) language	51
<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). Turkic historical dialectology and Mahmud al-Kašyari	54
<i>A. T. Kaydarov</i> (Alma-Ata). Diaeresis of consonants in oral speech of uigurs and its reflection in written-literary language	62
<i>D. G. Tumasheva</i> (Kazan). Towards the question of types of dialect lexical distinctions	67

LANGUAGES IN CONTACT

<i>G. D. Sanzheyev</i> (Moscow). On turkic-mongolian linguistic parallels	73
---	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>M. B. Balakayev</i> (Alma-Ata). Dialect phenomena in fiction	79
<i>Kh. R. Kurbatov</i> (Kazan). Metrics of <i>aruz</i> in the tatar versification	83
<i>L. N. Serikova</i> (Tashkent). Some types of arrangement of Alisher Navoi's rubai	91

REPORTS, SURVEYS

<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). Development of comparative-historical studies of turkic languages and standard of theses for a candidate's degree	102
<i>Sh. Sh. Sarybayev</i> (Alma-Ata). Some problems of turkic regional lexicography	111

SCIENTIFIC LIFE

<i>S. Omarbekov, S. Nurkhanov</i> (Alma-Ata). Problems of turkic dialectology . . .	117
Resolution of the VIIth regional conference on problems of dialectology of turkic languages	122
<i>G. Sadvakasov, S. Omarbekov</i> (Alma-Ata). «Malov's readings»	126
Index. «Soviet Turkology», 1973, №№ 1—6	128

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.*

Сдано в набор 14/XI 1973 г. Подписано к печати 21/III 1974 г. ФГ 09559. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,25. Физ. печ. л. 11,9. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 12,0
Заказ 7317. Тираж 4266. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.